

НАШ ДЕВИЗ: ПЯТИЛЕТКЕ КАЧЕСТВА — РАБОЧУЮ ГАРАНТИЮ!



№ 3 ФЕВРАЛЬ 1976

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА



СМЕНА

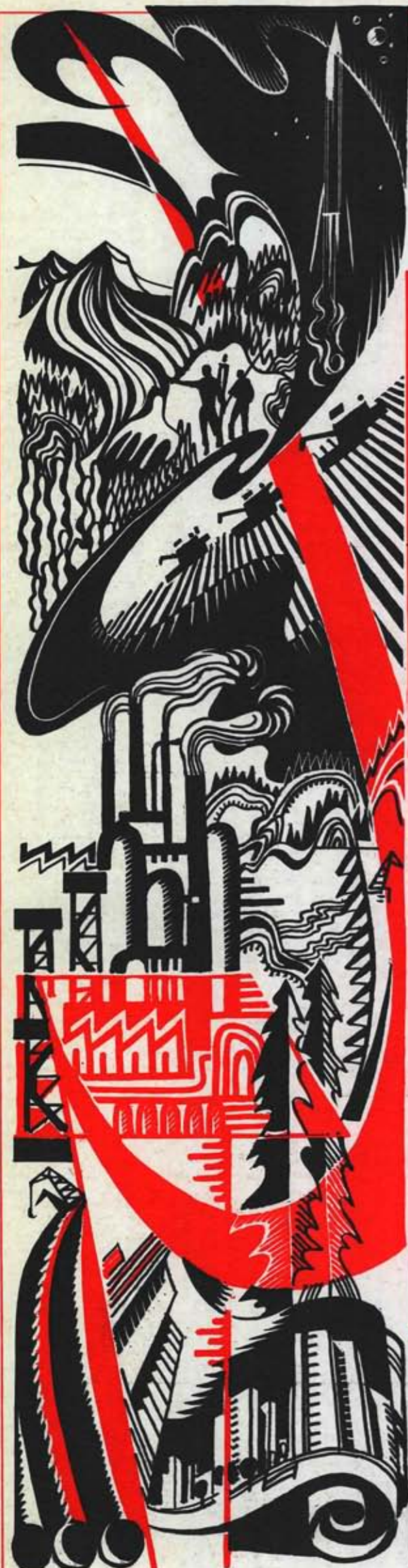
**XXV съезду
КПСС —
достойную
встречу!**



ПИСЬМО
ТОВАРИЩАМ
ПО ТРУДУ

ДЕЛО НАШЕЙ ЧЕСТИ

**ПЕРЕКЛИЧКА РАБОЧИХ БРИГАД,
ПОД ФЛАГОМ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СОРЕВНОВАНИЯ:
ЗА ПРАВО ПОДПИСАТЬ
РАПОРТ ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА
XXV СЪЕЗДУ КПСС**





В завершающем году девятой пятилетки на страницах журнала «Смена» шла переписка комсомольско-молодежных бригад. Большинство из нас приняло участие в этой переписке. И вот мы собрались в Москве, в редакции «Смены», чтобы за «Круглым столом» поговорить о ходе социалистического соревнования за право подписать Рапорт Ленинского комсомола XXV съезду партии. Наш приезд совпал с опубликованием в печати проекта ЦК КПСС к XXV съезду «Основные направления развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы». Естественно, что задачи, поставленные в нем, оказались в центре нашего внимания. Этот важнейший партийный документ, осветивший захватывающие перспективы десятой пятилетки, определяет трудовую судьбу каждого советского человека, каждого из нас.

Коммунистическая партия четко и ясно говорит, что необходимо сделать для овладения принципиально новыми рубежами во всех областях народного хозяйства, какие силы и ресурсы привести в действие, на каких участках сосредоточить особое внимание. И нет комсомольского сердца, которое бы не откликнулось на прямое обращение партии, содержащееся в проекте ЦК КПСС к XXV съезду. Партия отводит комсомолу, молодежи почетное место: «Быть в первых рядах строителей коммунистического общества... возглавить движение молодежи за выполнение и перевыполнение производственных заданий, за овладение знаниями, достижениями современной науки и техники, настойчиво воспитывать юношей и девушек в духе беззаветной преданности социалистической Родине».

Новая пятилетка открывает для молодежи безграничное поле деятельности. Каждый юноша, каждая девушка найдут для себя дело по душе, ибо вся наша страна—огромная строительная площадка, всюду нужны крепкие умелые руки. Что же требуется в этих условиях от нас, молодых?

В годы девятой пятилетки, как мы убедились на собственном опыте, значительно возросла роль комсомольско-молодежных коллективов. Сейчас их в стране насчитывается более 500 тысяч. Огромная сила! Они работают на решающих участках производства, многие из них показывают подлинные образцы коммунистического труда, выступают инициаторами замечательных починов, досрочно справляются с самыми напряженными заданиями. Мы сумели подойти к съезду, как учил В. И. Ленин, с переработанным практическим опытом участия в хозяйственном строительстве. Мы вступили в десятую пятилетку с твердым желанием работать еще лучше, чем вчера, с полной готовностью на каждом конкретном рабочем месте честно выполнить свой трудовой комсомольский долг. Наши бригады уже работают над выполнением новых социалистических обязательств. Эти обязательства составлены не по единому рецепту. Каждая бригада к конечным результатам идет своим путем, с учетом особенностей производства, своих резервов и возможностей. Откровенно скажем: обязательства очень напряженные. Для их выполнения нужна полная отдача сил, энергии, знаний.

На декабрьском (1975 г.) Пленуме ЦК КПСС было подчеркнуто, что залогом успешного развития экономики было и будет искусство экономии. По-хозяйски использовать технику, расходовать сырье, материалы, энергию, рабочую силу—наш долг. И в борьбу за экономию мы должны привести элемент качества.

Иной коллектив рапортует: сэкономлено столько-то материалов, горючего, электроэнергии. И щеголяет звонкими цифрами. Хвалим этот коллектив. А если подсчитать, какие убытки принесли предприятию бракоделы, прогульщики и прочие нарушители трудовой дисциплины, то получится, что этой экономии как будто и не было. Думается, что комсомольско-молодежным бригадам надо обратить на это внимание и борьбу за экономию и бережливость начать с воспитания у каждого молодого труженика ответственности за использование каждой рабочей минуты, за качество каждой детали, сохранность своего станка и инструмента.

Пятилетка качества ставит вопрос ребром перед теми, кто работает не с полной отдачей, лодырничает, нарушает дисциплину, допускает беспозышность. Для комсомольско-молодежных бригад десятой пятилетки должна стать и пятилеткой повышения нашей взаимной требовательности и ответственности.

Успех всякого большого дела решают не одиночки, добившиеся высоких показателей, и даже не отдельные передовые коллективы. Успех дела зависит от общих—и только общих!—усилий. А посмотрите на разрыв между успехами передовиков и средними показателями по предприятию, отрасли, и станет ясно: еще много всем нам предстоит поработать. Надо не просто

констатировать факт: да, сосед сработал лучше! Надо научить каждого работать так, как работают передовики. Одна из важнейших задач соревнования—работать под лозунгом: «Каждому трудовому дню—Знак качества!» Партия призывает нас бороться за достижение наивысших результатов в труде. Поэтому мы должны овладеть искусством работы лучших мастеров. Чем выше будет наше мастерство, тем выше станет качество работы, качество выпускаемой нами продукции. СВОЕЙ БЛИЖАЙШЕЙ ЦЕЛЬЮ МЫ СТАВИМ—ДОБИТЬСЯ УЖЕ В ПЕРВОМ ГОДУ ПЯТИЛЕТКИ ПРАВА НОСИТЬ ПОЧЕТНОЕ ЗВАНИЕ «КОМСОМОЛЬСКО-МОЛОДЕЖНЫЙ КОЛЛЕКТИВ ВЫСОКОГО КАЧЕСТВА И ЭФФЕКТИВНОСТИ РАБОТЫ».

В Ленинграде многие комсомольско-молодежные бригады развернули движение, суть которого выражена в девизе: «От высокого качества работы каждого—к высокой эффективности труда коллектива». Хороший почин! Теперь ему нужна широкая рабочая поддержка. Давайте постоянно обмениваться опытом, помогать друг другу настойчиво бороться за достижение наивысших результатов в труде при наименьших затратах, добиваться наиболее полного и рационального использования машин и оборудования, материальных и финансовых ресурсов, экономии рабочего времени, сырья, топлива и энергии. Каждый участник движения должен проявить истинно хозяйскую заботу об улучшении качественных показателей деятельности своего родного предприятия. Ну, а наряды на выполнение патристического долга никто не выписывает. Слово здесь за совестью каждого. Пусть каждый ответит на вопрос: «Кто же, если не я?»

Партия призывает еще шире развернуть всенародное социалистическое соревнование за достижение высоких показателей в труде, выполнение грандиозных народнохозяйственных планов, призывает сделать все, чтобы десятая пятилетка стала пятилеткой эффективности, пятилеткой качества во имя дальнейшей расцветы нашей Родины.

Это—кровное дело всех нас, дело чести каждого!

Дмитрий АНИСИМОВ, бригадир комсомольско-молодежной бригады каменщиков строительно-монтажного поезда-573 «Московский комсомолец» треста «Тындтранстрой»; Владимир ВЕТОШКИН, машинист комсомольско-молодежного экипажа шагающего экскаватора разреза «Нарва» объединения «Эстонсланец»; Геннадий ВУКОЛОВ, комсорг автоматного цеха Ленинградского оптико-механического объединения имени В. И. Ленина; Марьян ГОЛЬНИС, бригадир комсомольско-молодежной бригады сборщиков Вильнюсского завода топливной аппаратуры имени 50-летия СССР; Виктор ГУЦАЛО, бригадир комсомольско-молодежной бригады треста «Мурманскпромстрой»; Руслан КАСЫМОВ, бригадир комсомольско-молодежной бригады коммунистического труда СМП-571 «Ульян» треста «Ангарстрой»; Сергей КОЗЛОВ, зам. бригадира комсомольско-молодежной бригады слесарей-сборщиков производственного объединения «Уралмаш»; Нина КОРОВИНА, лауреат премии Ленинского комсомола, бригадир комсомольско-молодежной бригады Московского завода электровакуумных приборов; Иосиф ЛЫСУХА, бригадир комсомольско-молодежной бригады резчиков Череповецкого металлургического завода; Виктор МАКАРЦЕВ, сменный буровой мастер комсомольско-молодежной бригады имени Н. Островского Нижневартковского управления буровых работ; Сергей МЕЖОННЫЙ, бригадир комсомольско-молодежной бригады каменщиков «ГОРЕМ-28» треста «БАМстройпуть»; Рахим МУСАТАЕВ, бригадир комсомольско-молодежной бригады имени XXIV съезда КПСС Алия-Атинского завода тяжелого машиностроения; Сабир НАЗАРОВ, лауреат премии Ленинского комсомола, буровой мастер комсомольско-молодежной бригады морского управления буровых работ «Нефтяные Камни»; Владислав НОВИКОВ, бетонщик-монтажник комсомольско-молодежной бригады строительно-монтажного поезда-228 треста «Ангарстрой»; Анатолий ПАСЕЧНИК, бригадир комсомольско-молодежной бригады имени 50-летия СССР электромонтажного треста «Молдэлектромонтаж»; Алексей ПЕРВУШИН, бригадир комсомольско-молодежной бригады плотников отряда «Прикамье» строительно-монтажного поезда-585 треста «Шимановсктранстрой»; Сергей ПИЧУГИН, бригадир комсомольско-молодежной бригады московского станкостроительного завода «Красный пролетарий»; Вячеслав СПАХОВ, бригадир комсомольско-молодежной бригады отряда «Воронежский комсомолец» треста «Шимановсктранстрой»; Григорий СТЕПАНОВ, подручный горнового комсомольско-молодежной бригады имени журнала «Смена» Днепровского металлургического завода имени Дзержинского.

Отчет о заседании «Круглого стола» читайте на страницах 12—17.



Наша обложка: бригадиры комсомольско-молодежных коллективов — участники встречи в редакции журнала «Смена»:

Нина КОРОВИНА,
Рахим МУСАТАЕВ,
Сабир НАЗАРОВ,
Владислав НОВИКОВ.

Фото
Сергея ПЕТРУХИНА.



- 1 ДЕЛО НАШЕЙ ЧЕСТИ.
ПИСЬМО ТОВАРИЩАМ ПО ТРУДУ.
- 2 КОММУНИСТ.
«ГЛАВНЫЙ ХОД». Очерк Леонида ФРОЛОВА.
- 5 Стихи азербайджанского поэта Ибрагима КЭБИРЛИ.
- УРОКИ ЖИЗНИ.
- 6 Диалог секретаря правления Союза писателей СССР Вадима КОЖЕВНИКОВА и члена штаба подпольной организации «Молодая гвардия» Василия ЛЕВАШОВА.
- 8 Гарий НЕМЧЕНКО. Новеллы: «ТАК ВИЖУ!», «ТИХАЯ МИНУТА».
- 11 Стихи Людмилы ЩИПАХИНОЙ.
- 12 КРУГЛЫЙ СТОЛ «СМЕНИ»: «ДИАЛЕКТИКА МАСТЕРСТВА».
- 18 Вера КЕТЛИНСКАЯ. «УТВЕРДИ СЕБЯ ДЕЛОМ!».
- 20 «ЗАГАДКИ БЕЛОЙ ОЛИМПИАДЫ».
- 24 «ВРЕМЯ РАЗЖАТЬ КУЛАК...»
Репортаж из Лаоса.
- 26 ПОСЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ «СМЕНИ».
- 28 Василь ЗЕМЛЯК. «ВПЕРЕДИ ФРОНТА». Повесть.
- 31 Стихи Николая ШУМАКОВА.

Главный редактор А. А. Лиханов
РЕДКОЛЛЕГИЯ: В. С. Абашин, А. П. Кулешов, В. В. Луцкий (заместитель главного редактора), В. Г. Победоносцев (ответственный секретарь), Р. И. Рождественский, Е. И. Рябчиков, В. А. Саюшев, Г. В. Семенов, А. П. Середа, С. С. Смирнов, А. Б. Стуков (главный художник), Д. Н. Филиппов.

Художник О. С. Теслер. Технический редактор Л. И. Курлыкова.

ГЛАВ

Коммунист

Лучших своих представителей посылают коммунисты на главный форум партии. В работе трех съездов КПСС принимали участие посланцы Кандакшского локомотивного депо. Молодой коммунист Виктор Бурашников принял эстафету своих старших товарищей — он избран делегатом XXV съезда Коммунистической партии Советского Союза.

Леонид ФРОЛОВ,
специальный корреспондент
«Смены»
Фото Виктора Сакка.



В первое мгновение у Виктора Бурашникова дух захватило от предложения Тарасова.

— П о с л у ш а й, Виктор, — сказал Юрий Петрович, остановив его неподалеку от диспетчерской. — Ты знаешь, что в депо комсомольско-молодежная тепловозная колонна создается?

— Знаю, — сказал Виктор.
— Не засиделся в помощниках? Виктор, все еще не понимая, куда гнет машинист-инструктор, на всякий случай ответил, что в помощниках он только восьмой год ходит и по неписаной традиции еще лет семь нужно, прежде чем он на правое крыло локомотива пересядет...

Тарасов спросил в упор:
— Если по-честному... Ты ведь так не думаешь?

Виктор замаялся.
— Короче, хитрить ты, Виктор, не умеешь, — сказал Тарасов. — Вот что, предлагаю тебе вступить в комсомольско-молодежную колонну. Я к тебе давно присматриваюсь. Мне нравится, как ты работаешь. Молодые коммунисты вроде тебя должны стать заповедниками всех дел в колонне. Обещаю «обкатать» тебя на машиниста не за семь лет, а раньше. Ну, что молчишь? Согласен?

Бурашников кивнул головой.
— Вот и ладно, — сказал машинист-инструктор. — Но это еще полдела. Каждую кандидатуру обсудим не раз...

Затея Тарасова с организацией комсомольско-молодежной колонны не всем опытным машинистам пришлась по вкусу. Где это видано, чтобы зеленые юнцы, без году неделя на транспорте, заняли кресла машинистов! Уж кто-кто, а Тарасов должен помнить время, когда железнодорожный транспорт был на паровозной тяге. Сколько надо было пота пролить, чтобы добиться права управлять локомотивом. Сначала, будь любезен, кочегаром несколько лет поработай, потом в

помощниках походи лет десять, а когда виски побелеют, тогда ты ровня машинистам. Зато после такой школы машинисты управлялись с любыми составами на любом профиле дороги. С места человек поезд тронет — не почувствуете. Или пройдет перегон — стакан с чаем в купе не расплещется.

Что касается паровозных машинистов — Тарасов, пожалуй, согласен. Но вот когда в Кандакшском депо начали переходить на тепловозную тягу, Юрий Петрович заметил: молодежь быстрее приравнивается к новой технике. Старые машинисты переучивались труднее. Управление локомотивом усложнилось, требовалась серьезная техническая подготовка, чтобы управлять современной машиной. Выросла и техническая скорость. К ней тоже не всякий и не сразу приспособится.

Тарасов и другое подметил: неохотно старые машинисты своим молодым помощникам дорогу уступают. Аргументы вроде все веские находят: если мы едва справляемся, то вам и подавно не потянуть...

Делегат XXII съезда партии кавалер ордена Ленина Юрий Петрович Тарасов мыслил широко, и если кто-то не сразу воспринимал новые идеи, все равно последовательность и убежденность Тарасова приносили свои плоды. Рано или поздно тот, кто расходился с ним в мнениях, становился его союзником.

Идею об организации комсомольско-молодежной колонны Тарасов «пробивал» вместе с начальником депо Анатолием Зайцевым, которому не было и тридцати. Он хорошо понимал деповскую молодежь и считал, что колонна станет настоящей кузницей железнодорожных кадров.

Откровенно говоря, Виктор Бурашников верил и не верил, что его начнут «обкатывать» как машиниста. Правда, его перевели в колонну Тарасова, и он несколько месяцев ездил помощником, потом на маневровых работах «набивал руку», но больше никаких перемен в его жизни не происходило. И вдруг однажды Тарасов ему говорит:

НЬИИ ХОД



— Пора тебя выпускать... Будешь проходить обкатку на линии Кандалакша—Ковдор.

И наступили горячие дни. Сначала Бурашников ездил помощником, занимая в кабине левое крыло. Изучал профиль линии, расстановку сигналов. Потом пересел на правое крыло, в кресло машиниста. Машиниста, как правило, «обкатывают» в 15—20 поездках. Ветка от Кандалакши до Ковдора считается на их участке дороги сравнительно легкой, и Виктор довольно быстро ее освоил. Но Тарасов не спешил давать заключение о самостоятельной работе. Он все чего-то выжидал, не назначая точного дня контрольного рейса, словно еще раз в чем-то проверяя Виктора.

Но вот он наступил, этот день. Контрольная поездка для Виктора сошла гладко. Всего несколько мелких замечаний, и Тарасов подписал допуск к вождению тепловоза на участке Кандалакша—Ковдор. Виктор собрался уже идти домой, но Юрий Петрович задержал его.

— Не спеши. Вот что, Виктор, завтра начнем «обкатываться» на главном ходу.

— Не понял,—переспросил Виктор.

— А чего понимать? Не знаешь, что такое главный ход?

«Главный ход» на языке железнодорожников—это самая ответственная магистраль.

— Знаю,—сказал Виктор.—Но ведь у нас так не делалось. Один участок толком не освоил—и сразу на главный.

— Не делалось, так будет делаться.

— Нет, я повременю. Такая ответственность... Опыта надо набраться,—неуверенно сказал Виктор.

— Мне половинчатые машинисты не нужны,—жестко обрезал Тарасов.—Наша колонна должна ездить везде. Никаких скидок. Иначе и заводиться не стоило...

Ох, как это непросто—принять правильное решение в важном деле. Кажется, никогда еще Виктор не испытывал таких сомнений, какие охватили его теперь. С одной стороны, кто-то должен пойти против старой традиции, но с другой—если не освоит он главный ход, сколько разговоров потом будет. Да и все по-старому может остаться. Противников-то у тарасовской идеи хватает...

Виктор пошел к начальнику депо посоветоваться. Зайцев выслушал, подумал, медленно сказал:

— Тебя никто, Виктор, не неволит. Я распоряжусь, чтобы за тобой ковдорское направление оставили... Будем искать другого парня, который решится пойти на главный ход. Тогда за ним и другие пойдут.

Виктор опешил. После долгого молчания обронил:

— Вы пока ничего Тарасову не говорите. Мне подумать еще надо. Все-таки 25 локомотивных бригад за моей спиной будут стоять. Не шутка...

Виктор пришел в депо утром. Сразу же разыскал Юрия Петровича.

— Согласен!

— Дело,—улыбнулся Тарасов.—Я так и думал, что не сдрейфишь. С кем хочешь ездить? Выбирай любого машиниста.

Бурашников выбрал своего тезку—Сафронова. Этот Сафронов—та-

лантливый машинист: немного старше Бурашникова, а локомотив водит уже три года.

Стали два Виктора вместе ездить на линии Кандалакша—Лоухи. Перегон этот не подарок. Профиль здесь такой: подъемы, спуски, кривые—полный «букет» трудностей. Но Сафронов, с которым Бурашников сразу нашел общий язык, оказался способным учителем, и Виктор довольно скоро стал ездить за машиниста.

Но главные испытания были впереди. Через месяц «подбили бабки», и вышло не очень-то ладно. Бурашников и норму дизельного топлива перерасходовал и заданную техническую скорость не выдерживал в рейсах.

Впрямую Виктору никто не сказал о неудаче. Успокаивали даже: «Москва не сразу строилась». Но Виктору от этого легче не было. Он понимал—за ним сейчас пристально наблюдает все депо. За его ошибки вся комсомольско-молодежная колонна может заплатить. Ведь она только-только начинает становиться на ноги.

Дальше дело пошло не лучше. И второй месяц самостоятельной работы Бурашникова не дал положительных сдвигов: опять нет скорости, опять пережог топлива.

Тарасов сам пошел в рейс с бригадой Виктора. На первый взгляд Бурашников все правильно выполнял. Но опытный взгляд машиниста-инструктора отметил, что Виктор на мелочах многое теряет. Когда они вернулись в депо, Юрий Петрович спросил:

— Сколько ты топлива израсходовал? Уложился в норму?

Виктор замаялся.

— Первый твой просчет,—сказал Тарасов,—нужно не просто сидеть за контроллером, нужно анализировать весь ход поездки.

Тарасов и другие оплошности Виктора разобрал и сразу же посоветовал, как использовать на подъемах накопленную скорость, упрекнул за неловкое обращение с автотормозами и еще раз обратил внимание на профиль дороги. Он принес Виктору новинки технической литературы, и Бурашников не один вечер просидел над книгами. Он завел логарифмическую линейку и специальный блокнот, куда записывал расчеты и свои наблюдения после каждой поездки. Через месяц показатели его работы резко улучшились.

Юрий Петрович по-своему похвалил его:

— Как считаешь, самого Сафронова можешь вызвать на соревнование?

— А что?—засмеявшись, сказал Виктор.—И вызову!

Между тем крепла комсомольско-молодежная колонна. Количество бригад в ней выросло до пятидесяти. Коллективы локомотивных колонн отличает одна важная особенность: бригады постоянно в разъездах, собирать их вместе—проблема. Тарасов понимал, что колонна только тогда сможет работать в едином ритме, когда каждый машинист будет чувствовать плечо друга. Но для этого нужен единый организационный центр. Юрий Петрович предложил создать совет колонны. Первым председателем совета комсомольско-молодежной колонны стал машинист Геннадий Герасимович



В КОМСОМОЛЬСКОЙ КОМНАТЕ МУЗЕЯ ТРУДОВОЙ СЛАВЫ КАНДАЛАКШСКОГО ЛОКОМОТИВНОГО ДЕПО ВСТРЕТИЛИСЬ ПРЕДСТАВИТЕЛИ НЕСКОЛЬКИХ ПОКОЛЕНИЙ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКОВ ЗАПОЛЯРЬЯ. НА СНИМКЕ (СЛЕВА НАПРАВО): НАЧАЛЬНИК ДЕПО СТАНИСЛАВ СТРЕЛЬНИКОВ, ДЕЛЕГАТ XXV СЪЕЗДА КПСС МАШИНИСТ ВИКТОР БУРАШНИКОВ, ВЕТЕРАН ДЕПО МАШИНИСТ-НАСТАВНИК АЛЕКСЕЙ СТЕПАНОВИЧ ГУРЬЕВ И ПЕРВЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ КОМСОМОЛЬСКО-МОЛОДЕЖНОЙ КОЛОННЫ, ДЕЛЕГАТ XXII СЪЕЗДА КПСС МАШИНИСТ-ИНСТРУКТОР ЮРИЙ ПЕТРОВИЧ ТАРАСОВ.

Павлов, делегат XXIII съезда КПСС. Совет контролировал все стороны жизни железнодорожников — от быта до организации социалистического соревнования. И по итогам года колонна сразу вышла на первое место в депо. А Виктор Бурашников побил в соревновании за экономию дизельного топлива самого Сафронова.

В решающем году девятой пятилетки на общем собрании Виктор Бурашников был избран председателем совета колонны. В том же году постановлением секретариата ЦК ВЛКСМ, коллегии Министерства путей сообщения и президиума ЦК профсоюза работников железнодорожного транспорта комсомольско-молодежная колонна Кандалакшского локомотивного депо была признана победителем Всесоюзного соревнования именно за создание комсомольско-молодежного маршрута девятой пятилетки!

На следующий год тарасовцы взяли еще один рубеж: коллектив освоил новую технику — электровозы. Первыми пересели на электровозы Мэлис Лаптев и два Виктора — Сафронов и Бурашников. И здесь молодые машинисты показали себя с лучшей стороны. Виктор Бурашников, к примеру, сэкономил почти пятьдесят тысяч киловатт-часов электроэнергии и занял второе место в депо. С переходом на электротягу было решено, что колонну возглавит машинист-инструктор Виктор Семин, который и раньше имел дело с электровозами. Тарасов остался верен тепловозам. Семин послал учиться на курсы, и надо было найти ему замену в колонне. Тарасов рекомендовал Бурашникова. Виктор начал с того, что собрал все бригады на совет: как лучше завершить пятилетку?

— Я тут кое-что прикинул, — сказал

Виктор, доставая всем знакомую тетрадь с расчетами, — пятилетку можем выполнить за четыре года и четыре месяца. Надо, выходит, пересмотреть обязательства. Они должны быть более напряженными. Как вы смотрите на это?

На следующий день все депо узнало: комсомольско-молодежная колонна обязуется к 9 Мая — 30-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне — перевезти 400 тысяч тонн грузов сверх плана и сэкономить 300 тысяч киловатт-часов электроэнергии.

Молодые железнодорожники досрочно выполнили взятые обязательства и встали на трудовую вахту в честь XXV съезда партии. Когда Виктор Бурашников по поручению локомотивных бригад объявил, что ребята берутся довести количество тяжеловесных поездов до полутора тысяч, перевезти сверх плана миллион двести тысяч тонн груза и сэкономить семьсот тысяч киловатт-часов электроэнергии, некоторые опытные машинисты засомневались: справится ли с такими обязательствами молодежь?

Не все из них знали, что обязательства эти были приняты колонной после бурного обсуждения на собрании. Несколько машинистов возражали: «Зачем нам рисковать? Мы и так на хорошем счету. К чему лишние хлопоты?» Виктор же, кстати, опять с расчетами в руках (наука Тарасова тщательно все взвешивать и анализировать пошла впрок), горячо доказывал, что риска в его предложении нет, а есть реальные возможности и есть резервы, которые надо использовать. И сумел-таки и доказать и убедить...

А через некоторое время вернулся Семин, и на курсы послали Виктора. Потом он сразу уехал в отпуск, а когда вернулся, Семин встретил его мрачнее тучи:

— Натворил ты дел...

— Что такое?

— «Керосин» пережгли, — буркнул Владимир.

Это еще от «тепловозной эры» осталось: железнодорожники электроэнергию в шутку «керосином» называли.

— Погоди, — сказал Виктор. — Давай спокойно. Много пережгли?

— В июне ухнули двести тысяч да в июле почти сто.

— Почему? — глухо спросил Виктор.

— Не ладилось дело, и погода нам здорово «помогла».

Виктор прикинул в уме: сверхплановой экономии электроэнергии осталось у них меньше 200 тысяч киловатт-часов. Надо было наверстывать упущенное.

О том, какое напряжение испытывал каждый машинист и каждый помощник, какие переживания выпали на долю Виктора Бурашникова, рассказывать не буду: это нетрудно представить. Локомотивные бригады трудились с полной отдачей сил. Каждый день собирались машинисты для подведения итогов. И наконец стало известно: взят новый важный рубеж — экономия доведена до 520 тысяч киловатт-часов.

Коллектив комсомольско-молодежной колонны в завершающем году девятой пятилетки записал на свой счет 2160 тяжеловесных поездов вместо 1500 и сэкономил 702 тысячи киловатт-часов электроэнергии — того самого «керосина», который принес железнодорожникам столько волнений.

Делегаты Мурманской областной партийной конференции избрали Виктора Сафронова членом областного комитета партии, а Виктора Бурашникова — делегатом XXV съезда КПСС. Когда друзья вернулись в депо, первым, конечно, поздравил Виктора Бурашникова его наставник коммунист Юрий Петрович Тарасов.

С Родиной...

Мало ли меня друзья корят,
 Что в дороге дни мои летят,
 Что с дорог доносится до них
 Голос мой и песенный мой стих.
 Я в пути, лишь позовет простор,
 Но в глаза глядит мне
 Их укор.
 Сердце жжет сильнее день ото дня.
 Не корите вы, друзья, меня!
 Ни при встрече, ни издали
 Не корите друга вы пока.
 Где б я ни был, смело вам скажу:
 Не один дороги прохожу—
 Вы со мной все время, вы со мной...
 Не забыл я тропки луговой,
 Той, где навсегда следы мои,
 Что меня из детства увели.
 Где бы ни ходил я, ни бывал,
 Родины своей не покидал,
 Среди степей, среди крутых вершин
 Прохожу дороги не один.
 Верность моя ровень с гребнем гор.
 И, куда б ни звал меня простор,
 Знайте:
 Перед всеми на виду
 С Родиной вместе я иду!..

Перевел с азербайджанского
 Владимир ЦЫБИН.

Связал я навсегда с судьбой своей



Я радость от летящих дней своих
 Крупицами откалывать привык
 И, словно дар, пчелиному под стать,
 Крупицами ту радость раздавать.
 Там, где дорога для других равна,
 Крутой бывает для меня она.
 Пусть так,—не признаю пустых обид,
 На много верст желанный путь лежит.
 Иду до первой вспыхнувшей звезды—
 Гвоздями вбиты четкие следы.
 Я не трясусь от страха,
 Пред собой
 Увидев бездну в дымке голубой.
 Когда лучится неба бирюза,
 Ее сиянье пьют мои глаза.
 Мне по плечу приблизить даль дорог
 И капли слить
 В неистовый поток.
 Все, чем владею, я добыл себе
 Не в жалобных моленьях,
 А в борьбе!..
 У очагов чужих,
 Не тратя сил,
 Заемного тепла я не просил.
 Я свой очаг крупницами огня
 Разжег в ночи,
 Чтоб он согрел меня.
 И светлые тревоги трудных дней
 Связал я навсегда с судьбой своей!..

Если я человек



Если ласково друга касаюсь рукой,
 Если, радость даря,
 Обретаю покой,
 Значит, я—человек, и всего мне нужней,
 Чтоб горела душа, согревая людей.

Если ясен мой взгляд, если, словно в реку,
 В русло света,
 Как светлый приток, я теку,
 Значит, я—человек и, мужая в пути,
 Должен место достойное в жизни найти.

Если я неизменно в дороге готов
 Отозваться душой
 На взволнованный зов,
 Значит, я—человек, значит, людям я рад,
 И во мне голоса их живые звучат.

Если верят мне люди порою крутой
 И наполнено слово мое
 Добротой,
 Значит, я—человек, и добро, а не зло,
 Надо мной свою власть навсегда обрело.

Если часом упрямая дума горька
 И становятся пламенем
 Боль и тоска,
 Значит, я—человек, и в груди у меня
 Не скудеют тревожные волны огня.

Если я, укрощая беду, в свой черед,
 Слившись с гривой ее,
 Устремляюсь вперед,
 Значит, я—человек и того не таю,
 Что надеюсь на смелость и силу свою.

Если я—человек и заимствую свет
 Человеческих лиц с незапамятных лет,
 Если весел и счастлив я,—
 Радость и смех
 Я обязан делить
 Справедливо—на всех!

Чужие русла— не по ней

Куда б дорога ни вела меня,
 Какою бы ни шел я стороной,
 В мерцанье звездном и при свете дня
 Встаешь ты неизменно предо мной.

Что делать, коль дорогам нет конца?
 Жизнь—это горы и разливы рек;
 Равно прекрасны два ее лица:
 Одно—дожди, другое—белый снег.

Что делать, если дни свои никак
 Не привяжу я к тихим уголкам?
 Мои следы—на всех земных путях,
 Которые себе я выбрал сам.

Прозрачна даль, простор необозрим
 Под небом голубеющей весны.
 И с именем улыбчивым твоим
 Уста мои расстаться не вольны.

Как верный друг, куда я ни пойду,
 Навстречу мне всегда выходишь ты.
 Куда ни гляну, всюду на виду
 Твои неповторимые черты.

Сиянием твоим напоены
 Пути, ведущие меня вперед.
 С тобою мне и беды не страшны—
 Их воля властная твоя сметет.

Когда бывает трудно, всякий раз—
 Известно мне о том наверняка—
 За миг тоски неомраченный час
 Ты даришь мне. Щедра твоя рука.

Щедра твоя рука. Глаза чисты,
 Как горный ключ, и красочен язык.
 И то, что плавно произносишь ты,
 Звучит, как эхо, на губах моих.

Слова твои, как праздничный хорал,
 Я слышу в собственных словах подчас.
 Я навсегда в глаза свои вобрал
 Горячий блеск твоих лучистых глаз.

И потому того, кто друг тебе,
 Издалека узнать мне по плечу.
 В любом обличье, на любой тропе
 Я недруга от друга отличу.

И если сам я становлюсь сильней,
 Взволнованно и преданно любя,
 То в каждый из моих счастливых дней
 Обязан я благодарить тебя.

Ты—песнь моя, с которой я шагнул
 В бескрайний мир; она—твой вечный зов,
 В ней водопадов неумолчный гул
 И синева неспящих родников.

Но в том ли наше сходство, посуди,
 Что между нами кровное родство?
 Мы схожи тем, что у меня в груди
 Бушует пламя сердца твоего.

И хоть порой, желанью вопреки,
 С тобой разлука чересчур длинна,
 Сердца у нас созвучны и близки,
 И неразрывны наши имена.

Не оттого ль, что верен я тебе,
 Не оттого ль, что до конца я твой,
 Был в поиске, тревогах и борьбе
 Мой стих исполнен силою живой?

Не оттого ль, что ты стоишь за мной,
 Мне всюду дарят листья тень свою,
 И, не желая участи иной,
 С друзьями я в одном иду строю?

Пусть все цветы прекрасны на пути,
 Пусть каждый луг лучами осиян,
 Пусть сто земель мне суждено пройти,
 Мой отчий край, родной Азербайджан,

Любовь к тебе—одна и на века,
 Другим не уступлю любви своей.
 Она—как многоводная река,
 И все чужие русла—не по ней.

Перевел Яков СЕРПИН.



Рисунки Вениамина КОСТИЦЫНА

ВСПОМНИМ ВСЕХ ПОИМЕННО...



Уроки жизни

Вадим КОЖЕВНИКОВ,
секретарь правления
Союза писателей СССР,
депутат
Верховного Совета СССР,
главный редактор
журнала «Знамя».

Василий ЛЕВАШОВ,
старший преподаватель
кафедры истории КПСС
и партполитработы
Высшего
военно-морского училища
радиоэлектроники
имени А. С. Попова,
капитан первого ранга,
член штаба
подпольной организации
«Молодая гвардия».



В. КОЖЕВНИКОВ. Василий Иванович, все знают историю создания легендарной уже «Молодой гвардии», знают, что вы были в числе ее организаторов в сентябре сорок второго года. Почти всем вам было по семнадцать-восемнадцать лет, вы даже о технике конспирации толком не слышали, а о принципах подпольной борьбы — тем более. И все-таки подполье. И все-таки борьба. И все-таки риск. Так?

В. ЛЕВАШОВ. А как иначе? И борьба, и подполье, и риск. Вы сами прошли всю войну, видели таких же мальчишек, как мы, которым тогда никто не делал скидку на возраст.

В. КОЖЕВНИКОВ. Война не спрашивала даты рождения...

В. ЛЕВАШОВ. А Краснодар — это была война. В сорок втором году я вернулся сюда, где учился и вырос, где чуть-чуть не успел закончить школу: курсы партизанских радистов заменили ее мне. Город был уже оккупирован, и то, что враг был рядом с нами, да что там рядом — здесь же, в нашем городе, в наших домах! — все это торопило нас, заставляло действовать немедленно, не сидеть сложа руки, не ждать. Мы искали верное решение, единственно верное: или перейти линию фронта, или уйти к партизанам, или же самим создать подпольную организацию, которая бы действовала прямо под носом у фашистов. Как вы знаете, победил третий вариант... Ваня Земнухов, Уля Громова, Олег Кошевой

и другие пытались уйти из Краснодона еще до оккупации, но не успели и, конечно же, не могли оставаться бездеятельными. Я был очень рад, что, вернувшись, встретил их — моих давних школьных товарищей. Нас столько связывало, что доверяли мы друг другу безоговорочно. Вот странное дело: я был членом штаба организации, мои друзья — тоже, а ведь нас никто не выбирал, не голосовал на собрании...

В. КОЖЕВНИКОВ. Война и здесь диктовала свои условия: сначала создавался штаб, а уж он сплачивал вокруг себя организацию. И «Молодая гвардия» в этом смысле не исключение. Ее история хорошо известна всем советским людям благодаря прекрасному роману Александра Фадеева. Заметьте: роману, художественному произведению, допускающему и домысел и переосмысление даже в тех случаях, когда речь идет о событиях и фактах подлинных, имевших место в действительности...

В. ЛЕВАШОВ. И все же роман Александра Фадеева именно точен (хотя это роман, а не документальная повесть), точен не только в описании событий или героев, нет, точен в деталях. Помню, как поражался я этому, когда впервые читал книгу. Что это? Прозорливость таланта? Дар видения сквозь время, сквозь сухую скороговорку документов, сквозь сбивчивые рассказы свидетелей? Вероятно, так.

Но, простите, я отвлекся...

Организация наша насчитывала более семидесяти человек, и, наверно, цифра эта могла быть и больше: желающих хватало. Но всегда — от первого до последнего дня существования «Молодой гвардии» — перед нами стоял вопрос: кому можно доверять? И как доверять: полностью или не совсем? Как же было просто и легко до войны! Безапелляционность мальчишеского мнения мгновенно позволяла разделить одноклассников на «плохих» и «хороших», и в общем-то это деление почти никогда не подводило — ни в учебе, ни в играх, ни даже в товариществе. Но вот пришла война, и мы с ужасом видим, что вчерашние «хорошие» мальчишки служат сегодня в управе или даже в полиции, славят мощь фашистской армии или просто отсиживаются дома, памятуя вечный постулат обывателя: моя хата с краю, нас не трогай, и мы не тронем. С новоиспеченными полициями все было, конечно, ясно. А как быть с теми, кто не надел на руку повязку, кричащую о лояльном отношении к оккупантам? Кто бы вам указал: этому можно доверять, а этому — не стоит? А если мы все же решились довериться человеку, а он отказался пойти навстречу, испугался? Всяко было. Но ведь он уже что-то знает о нас, хотя бы о том, что мы есть, мы не смирились. Значит, появляется опасность провала. Нет, доверяться человеку можно было лишь в том случае, если верить ему на все сто. А кому верить на все сто? Это был один из самых трудных вопросов для нас.

В. КОЖЕВНИКОВ. Не только для вас. Этот же вопрос задавали друг другу подпольщики везде, где шла подпольная борьба. В ее условиях довериться постороннему — риск. Но ведь и сама борьба — тоже риск. Каждодневный, ежечасный, смертельный. Разве вы не рисковали с самого начала, создавая подпольную организацию, вы, мальчишки и девчонки, у которых не было никакого опыта подпольной борьбы? Рисковали, еще как рисковали! Но как иначе вы могли поступить? Сидеть сложа руки, размышляя трезво и разумно: а стоит ли рисковать? А не провалимся ли мы?

В. ЛЕВАШОВ. Нет, конечно, не могли. А кто бы мог?

В. КОЖЕВНИКОВ. Вопрос, как говорится, и ответа не требует.

В. ЛЕВАШОВ. Мы твердо знали: если мы начнем активную борьбу с оккупантами, то вполне возможен и провал. Да, мы знали, что такое гестапо, представляли весь ужас пыток, но это не могло нас остановить. И не потому, что мы все поголовно были героями. Какие герои? Обыкновенные ребята...

В. КОЖЕВНИКОВ. В том-то все и дело, что обыкновенные. Именно вы! Советские! Те, для кого слова «патриотизм», «любовь к Родине» с детства были чем-то естественным, если хотите, обычным. В этом истоки ваших необычайных дел.

В. ЛЕВАШОВ. А кроме того, мы с самого начала были не одни. Мы, естественно, долго размышляли, как нам формировать организацию, взвешивали варианты... Но одно решение было принято сразу: необходимо связаться с коммунистами. Мы даже знали с кем. Еще до войны у нас в школе выступал Филипп Петрович Лютиков, рассказывал о своем участии в партизанском движении на Украине во время гражданской войны. А тут его в городе видели. Выходит, не зря он остался. Не смущало нас и то, что он работает на немцев, догадывались: работа эта является прикрытием для нелегальной, подпольной деятельности. Помню, поручили мы Ване Земнухову связаться с Лютиковым и не ошиблись: шаг оказался верным. Впоследствии мы были связаны с молодым коммунистом Евгением Мошковым — человеком, напрямую подчиненным Филиппу Петровичу. Так что мы всегда могли советоваться со старшими товарищами, с коммунистами, обсуждать с ними каждый шаг, каждую акцию. Иными словами, не чувствовали мы себя в вакууме, в одиночестве.

Кстати, тот же Мошков, выслушав нас, сначала даже руками замахал: мол, с вами дело иметь опасно, сами провалитесь и меня за собой потянете. Но это при первой встрече. Затем он изменил мнение. И его советы по структуре организации, по методике работы (а мы понимали, что за ним стоит опыт многих коммунистов-подпольщиков) очень помогли нам с самого начала. Мы стали организацией.

А где-то рядом с нами боролись неизвестные нам люди, иной раз — в одиночку. Представьте: взрыв в городе. Ни мы, ни коммунисты-подпольщики к нему отношения не имеем. Значит, кто-то еще сражается с врагом — ежедневно, ежечасно, повсюду. И, поверьте, все это еще больше укрепляло нас в своей решимости стоять до конца. И не ждать конца, а сражаться. Вот так же ежедневно, ежечасно, повсюду — за Родину.

В. КОЖЕВНИКОВ. Вы, как и весь народ, боролись именно за Советскую Родину, за существование первого в мире государства социализма, которое воспитало нас всех коммунистами. Вы сражались за строй, который был завоеван вашими отцами. Как же дети их, тех, кто в семнадцатом году штурмовал Зимний дворец, сражались на баррикадах Пресни, могли отдать его на разрушение врагу!

Мы высоко ценим движение Сопротивления во Франции, борьбу подпольщиков Италии. Но мы помним и то, что много колеблющихся, нестойких, соглашающихся было в годы второй мировой войны в европейском Сопротивлении. А до конца последовательными, до конца стойкими в нем были только коммунисты, вооруженные важнейшим оружием — марксистской теорией, коммунистическим духом.

В. ЛЕВАШОВ. В «Молодой гвардии» боролись с фашистами мальчишки и девчонки, которые вчера и не думали даже, что им придется взять в руки гранату, револьвер или автомат и — стрелять, стрелять...

Вы знаете, я не верю тем, кто якобы никогда не испытывал обыкновенного человеческого страха. Страх перед пыткой. Страх перед провалом. Страх перед смертью, наконец. Был страх, как же иначе. Днем еще ничего: дела, работа, суета. А вечером, ночью приходил страх, особенно перед выполнением задания. Мы очень тщательно продумывали каждую операцию — до мелочей, до секунд, старались предусмотреть любые неожиданности, ведь каждый на счету, каждый — твой товарищ. И все же побавались: и за себя и за других. Но показать страх — боже упаси! Вероятно, со стороны могло бы показаться, что нет людей бесстрашнее нас, когда мы шли на задание: и подшучивали друг над другом и что-то веселое из школьной жизни вспоминали...

В. КОЖЕВНИКОВ. Вот это я и называю бесстрашием. Игра в войну для вас кончилась в июне сорок первого, и началась война настоящая, которая точно обозначила, кто бесстрашен, а кто трус. Но вы правы, и я в сверхгероев, так называемых суперменов, тоже не верю. И Матросов, и Гастелло, и защитники Брестской крепости, и молодоговардейцы — люди отнюдь не железные. Но подвиг не терпит длинных рассужде-

ний. Когда командир поднимал роту в атаку, он не читал солдатам лекций о долге, о смелости. Он просто кричал охрипшим голосом: «Вперед! За Родину!» — и люди не ждали других слов, потому что все другие слова были лишними. Подвиг — это действие.

В. ЛЕВАШОВ. Когда мы уходили на операцию, группой или в одиночку, мы предполагали, что можем не вернуться домой. Предполагали, но верили — и как верили! — что вернемся. Матросов же точно знал, что погибнет, но смертью своей спасает товарищей, помогает им овладеть рубежом.

В. КОЖЕВНИКОВ. Конечно, что такое малый рубеж по сравнению с жизнью человека? И зачем бросаться под танк, если можно пропустить его? Один танк не решит исхода сражения, а жизнь важнее. Живой солдат нужнее для воюющей армии, чем мертвый, но остановивший один танк. Что ж, подобные подсчеты вроде бы рационалистичны. Но дело в том, что эта рациональная арифметика не для войны за правое дело, священной войны, войны за Родину. Ведь так рассуждая, можно было преспокойно договориться до того, что незачем, мол, мне идти на фронт, а партизаны или в подполье. Именно мое присутствие там ничего не решит. В старой песне на подобные аргументы герой, уходящий на гражданскую войну, отвечал родне: «Если б были все, как вы, ротозей, что б осталось от Москвы, от Расаи?» Если эти аргументы принять, то, пожалуй, и вы, молодоговардейцы, были не нужны: что могли мальчишки решить в общей битве? Так, пустяки, проходной эпизод войны, и без него можно обойтись, зато все живы, все расчудесно.

Но великое счастье нашей социалистической Родины в том, что сыны ее рассуждали иначе. Пусть один эшелон, пусть один взвод, пусть один танк, пусть даже всего один фашист — уничтожь. Это приблизит нас к победе.

В. ЛЕВАШОВ. Мы в Краснодоне вовсе не думали, что кто-то из нас будет брать Берлин. Но мы верили в грядущую победу и каждым своим шагом — от листовки до взрыва мины — приближали ее. Так это, так... Потому что победа сложилась из битв под Сталинградом и на Курской дуге и из ежедневных малых битв в Брянских лесах и в оккупированных деревнях — везде, как бы малы эти битвы и ни казались сегодня. Да, и, пожалуй, нет малых битв, нет малых подвигов. И Матросов, и Гастелло, и герои-панфиловцы шли на смерть, твердо зная: в сложившейся ситуации необходимо нанести наибольший урон врагу. О себе они не думали, не прикидывали с холодной логичностью: а стоит ли? Они боролись за победу, как бы далека она ни была. Так и учили, так воспитывали — в школе, в семье, в пионерских лагерях. Их, новых людей нового типа, воспитала наша страна, во имя которой они жили и умерли.

Мы должны помнить их, своих героев. Всех. Поименно. Почему, к примеру, мы знаем подвиг Гастелло, бросившего свой бомбардировщик на колонну танков, но редко вспоминаем о том, что в его экипаже было еще трое воинов — Калинин, Бурденюк и Скоробогатов? Мне кажется, что в этом есть некая инерция изначальной ошибки журналиста, торопившего воспеть на страницах армейской газеты подвиг летчика и встопорившего не узнавшего фамилий его товарищей, или усталого командира, пославшего в штаб соединения неточный рапорт. Впрочем, причины сейчас не найти да и не обязательно искать. Важно помнить всех героев. Всех и каждого.

В. КОЖЕВНИКОВ. Вы, безусловно, правы. И сегодня не только историки восстанавливают имена героев. Очень много делается комсомольцами и пионерами для того, чтобы эти имена по праву заняли свое место в ряду славных имен героев минувшей войны. Вспомните Всесоюзный поход молодежи по местам боевой славы отцов, экспедицию под девизом «Моя Родина — СССР», музеи Великой Отечественной войны, созданные почти в каждой школе, поиски и находки юных следопытов — все это говорит о бережном отношении сыновей к подвигу отцов.

В. ЛЕВАШОВ. Не так уж давно мне самому пришлось убедиться в действительности пионерского поиска. Дело в том, что в годы войны под Ленинградом погиб мой брат, командовавший артиллерийской батареей. Честно говоря, я и не думал, что следы его могилы можно отыскать. Но три года назад поисками занялись ребята из четвертого класса одной из школ Ленинградской области. У моей тети хранилось старое письмо, в котором командир брата сообщил о его гибели, называя место, где он погиб. Копию письма она выслала школьникам, и спустя несколько месяцев они нашли могилу брата...

В. КОЖЕВНИКОВ. И, заметьте, никто ведь их не заставлял искать ее...

В. ЛЕВАШОВ. Нет, конечно...

В. КОЖЕВНИКОВ. Память о подвиге отцов — общая память. Она не принадлежит кому-то одному. Все, весь народ бережет ее.

Кое-кто в Европе предлагает забыть минувшую войну, перестать праздновать годовщину Победы над фашистской Германией. Но старая истина гласит: забыть свое прошлое — значит предать будущее. Мы не хотим забывать ничего и не забудем никогда. И не случаен интерес к воинским подвигам у наших мальчишек и девчонок — у тех, кто восстанавливает имена героев, и у тех, кто приходит поклониться

братским могилам, местам, где шли тяжелейшие бои.

Вы заметили, как часто к теме подвига, к теме нравственной чистоты и цельности людей, прошедших войну, обращаются сегодня молодые писатели, кинематографисты — люди рождения военных лет. Они пишут стихи, повести, ставят фильмы о нашем поколении. И это хорошие стихи, и правдивые повести, и талантливые фильмы. Казалось бы, наша это тема — тех, кто знает войну в лицо. Молодым-то что к ней обращаться? Но ведь не могут не обратиться. И их стихи, их фильмы, их повести — ответ тем, кто пытается похоронить память о войне, кто очень хотел бы, чтобы дети и внуки заламывали подвиги своих отцов и дедов.

В. ЛЕВАШОВ. По-моему, нельзя не учитывать еще одного: тема войны, тема героизма имеет огромное воспитательное значение. Наши дети на подвиге отцов, описанном в книгах, учатся беззаветной любви к Родине, учатся мужеству. И вам ли не знать, с какой страстью читают они книги о героях Великой Отечественной, как по многу раз бегают в кино на фильмы «про войну». Герои нашего поколения — их герои.

В. КОЖЕВНИКОВ. Вы знаете, некоторые молодые люди ошибочно полагают, что время обошло их подвигами, героикой. Вот-де отцам было легко проявить мужество на войне. А нам-то где? Конечно, наивность таких заявлений очевидна. Как бы ни была заштампована фраза: «В жизни всегда есть место подвигу», — она точна и жизнеспособна.

В. ЛЕВАШОВ. Именно точна и жизнеспособна. И мне хотелось бы тут привести пример, так сказать, мирного героизма.

Вот я недавно побывал в Кургане и познакомился с прекрасным, интереснейшим человеком — Гавриилом Абрамовичем Илизаровым. Вы помните: это он вернулся в большой спорт Валерия Брумеля. Сегодня его метод лечения общепризнан, общеизвестен, многократно описан в прессе, у него уже есть ученики. Курганская больница превратилась в целый институт. А сколько тягот он перенес, пока сумел убедить коллег и общественность в правильности своего метода! Мор бы сдаться, плюнуть, работать потихоньку, как все, даже пробовать иногда этот метод. А ведь не сдался. Боролся до конца. И победил. Вот вам мужество. Вот вам героизм. Героизм мирного времени.

В. КОЖЕВНИКОВ. Хорошие слова: мирный героизм. Я бы вложил в это понятие такие качества — честность, принципиальность, мужество, убежденность в своей правоте и в необходимости отстаивать ее всегда, в любых условиях. В конце концов именно в мирное время мы воспитываем в людях принципиальность, честность и прочие прекрасные качества. И если наше воспитание дает положительные результаты, то мы можем быть уверенными, что и на фронте молодые не подведут.

В. ЛЕВАШОВ. Я бы вообще не исключал из нашего повседневного лексикона слово «фронт». Ведь и БАМ и стройки Севера, Сибири — это тоже фронт, трудовой фронт, где его бойцам, нашей молодежи приходится ежедневно сражаться с «врагом»: с тяжелыми климатическими условиями, с морозами, а иной раз с равнодушием, рутинной, авральщиной, с бракоделами, со штурмовщиной, и так далее, и так далее. Они фронтовики, и должны помнить об этом и с гордостью нести это высокое звание.

Я приведу в пример трудную судьбу человека, совершившего в наши дни настоящий подвиг: уж не знаю, какой он — мирный или боевой. На XVII съезде ВЛКСМ я познакомился с Героем Социалистического Труда Картаузовым. Во время войны (а он тогда был совсем мальчишкой) в блокадном Ленинграде разрывом снаряда ему оторвало обе ноги. И мало того, что он научился ходить на протезах, привык к ним, — он добился, что ему выдали комсомольскую путевку, и с первыми эшелонами уехал осваивать целину.

В. КОЖЕВНИКОВ. Как же он ухитрился пройти медицинскую комиссию?

В. ЛЕВАШОВ. Теперь это, пожалуй, не секрет: элементарный обман. Послал на медкомиссию друга вместо себя и по выданной тому справке уехал на целину. Но существа дела этот маленький обман не меняет: Картаузов стал Героем Социалистического Труда, живет и работает в Алтайском крае.

В. КОЖЕВНИКОВ. Это большой подвиг: суметь преодолеть себя. И, кстати, сила и величие подвига Николая Островского не только в его военных делах, а именно в том, что он себя преодолел, беспомощность свою победил, сумел жить и работать парализованным. И на своей жизни до сих пор учит молодежь героизмом.

А героизм действительно многообразен, многолик. Стоит ли, например, разделять по своему значению подвиг токаря, сутками не уходившего с завода во время войны, и подвиг — именно подвиг! — комбайнера, работающего сегодня в страду от зари и до темна? По-моему, не стоит. Они равнозначны, и не время, не условия определили их — отношение советского человека к своему делу, к своему долгу, к Родине, о которой прекрасно сказал поэт: «С такую землю пойдешь на жизнь, на труд, на праздник и на смерть!»

Так вижу!

Спрашиваешь, что это за картина? Ну, а ты сперва сам повнимательней... Узнаешь? Ясно, конверторный! Это он такой был в те, скажу я тебе, самые горячие денечки. То есть и потом было не легче, всякого пришлось повидать. Но тогда уже стало ясно: если поднатужимся—вырвем. Это и к бабке не ходи—вырвем. А в то время такой ясности не было, видишь, на картинке тут еще и торец не закрыт, и часть крыши—это чтобы кран, который загнали на отметку «семьдесят», мог бы стрелою свободно маневрировать.

Ну, сам знаешь, что такое пуск. Это когда на плечах у тебя тончутся, на уши тебе наступают, а ты кричишь: эй, там, наверху, поосторожней, а то у этого, на котором я сам держусь, колени похрустывают!.. Так и в тот раз: один на одном! А у нас полоса такая пошла, самая сварка, а тут погодка, ей-богу, как назло. Рассказывали, какая у нас была прошлая осень? То снег с дождем, а то дождь со снегом... Стоим целыми днями! И пожаловаться, понимаешь, некому, и не на кого, понимаешь, накричать: нету виноватых! Нельзя по такой погоде варить, и точка. Как ни бейси—одно расстройство. Бросишь все, пойдешь по своим: может, думаешь, кто из ребят в затишке, так хоть он варит?.. С проверкой-то вроде неудобно, так я будто прикурить. Спички, мол, свои в тепляке оставил. Один тебе даст коробку, ты ее по нервному делу—к себе в карман, другой даст—и эту туда же... Бывало, к обеду полный карман чужих спичек. Они потом самому младшему поручение: пойдя забери у Петровича, раздай ребятам, а то вся бригада без огонька...

А я злюсь! Ну, ты-то меня хорошо знаешь: гулять так гулять, а работать так работать. А какая это работа, если на один сантиметр шва—километр выражений, за которые где в другом месте не то что пятнадцать суток, а год усиленного схлопотал бы...

Тут я его однажды и увидел. Художника.

Через дорогу от конверторного среди железечек пристроился, хозяйство свое—треногу да краски—большим таким зонтиком прикрыл, и ему—хоть камни с неба. Пятится из-под зонтика, пятится, бородку свою задерет, наверх глянет и опять под зонтик. Ткнет кисточкой в холст, головой к плечу поведет и опять задний ход. Так себе туда-сюда и курсирует. Хотел было я к нему подойти посмотреть, что у него там такое выходит, а потом раздумал: чего мешать, ведь не прохладается человек—работает!

А день опять со слезой, работа не идет, что ты тут будешь делать!

К нам на ту пору уже подвалило командированных—из Челябинска ребята, из Орска. А это общая привычка—хоть они к нам, хоть мы к ним: первым делом где-либо на колонне нарисовал солнышко, под ним—самолет, а внизу—календарик. Как смена долой, так на числе крестик. Вроде того, что одним днем к дому поближе...

И вот мне один такой календарик уже какой день на глаза попадается... Еще недавно был новенький, только его нарисовали, а тут глянул—почти весь в крестиках и, ты видишь,—никогда этого раньше не бывало—так мне вдруг захотелось его стереть! Уже и ветонку нашел под ногами... Его удержался!

Хожу и в тот день, пробую подбодрить своих хлопцев, спички их, понимаешь, в свой карман перекалдываю, а все этот художник почему-то у меня из головы не выходит... И раз его вспомнил. И два. К чему бы?

А потом ладони одна об одну чуть не отбил: да вот же в чем дело—зонтик! Ага, думаю!..

С вечера спрашиваю у жены: а где это твой подарок? Она смеется: ну, быть чуду, если мой Федя решил наконец с зонтиком!

Я молчок.

Раскрыл его, посмотрел, прикинул. Не то, что у того художника, но все равно подходящий, больше обычного, подарком же половина моя, когда уговаривала ходить с ним, все подкатывалась: он же мужской!

Еду и утром в электричке, вижу, поглядывают: на меня, на зонтик, опять на меня. По куртке, мол, по сапогам, да и так из себя—монтажник, и вдруг—на тебе! Нашелся сахарный.

Я про себя только посмеиваюсь.

В городке своем появился, наши меня обступили: куда это ты, Петрович, с ним собрался? Гляди-ка на него: пикон пикон! Наверху я себе первым делом—металлический держачок, потом к нему проволокой—зонтик. Прикрылся и давай. Полсмены вообще не разгибался. Потом чувствую, стоит сзади. Петрович, а Петрович, спичек, мол, не надо? Я щиток приподнял и строго так: почему не работаете? А они



Рисунки Владимира ДЕЛБЫ

негромко, вроде между собой: а у нашего бригадира, мол, ничего bestолковка. Варит!

А я им: все ясно? Разговоры не будем разговаривать? И опять щиток вниз.

Назавтра мои хлопцы — все как один с зонтиками. Этот у жены отобрал, тот у тещи. И как пошли, скажу я тебе, как пошли!

Потом другие увидели. Через два-три дня в электричке уже смело можно было сказать: если с зонтиком, значит, свой. Монтажник.

Эти, из Челябинска да из Орска, — себе давай. Чего только не наместерили: тот фанерный щит над собой приспособил, этот — просто кусок железа. В общем, вышли мы тогда из прорыва... Это вот никто не знает, что на самом-то деле спасло на конверторном сроку. А я тебе прямо: тещины-то зонтики и спасли! Дождь хлестал да мокрый снег лепил тогда почти месяц. А мы только несколько дней и потеряли.

Дальше что? Ударил наконец морозец. Не очень сильный, а так — до пятнадцати. Самая тебе сварка.

Разнесли мы по домам свои зонтики. Правда, больше так, для отчета. Что там от них осталось — попрожигали да изваздали...

Художник долго на стройке не появлялся, а может, и в это время не замечал его, некогда было. А тут бегу как-то, главу — опять стоит.

Дал я крюка, подхожу к нему. Прошу, говорю, простить мое любопытство и все такое. Но больно, мол, интересно взглянуть на конверторный как бы другими глазами... Отступил он вбок: мол, пожалуйста.

Долго я глядел. Эта самая картина на треноге висела... До-ол-о!

И стало мне казаться, будто желтые да синие да прочие разноцветные пятнышки на разных отметках — это наши зонты.

Спрашиваю у него: а это вот что такое? А он лицом построжал, брови сдвинул, надулся вроде: так, говорит, и вижу!

Эге, думаю, голыми руками не возьмешь. Парень самостоятельный. А я как раз таких, надо сказать, люблю.

Поговорил тогда с нашими бригадирами. Рассказал, откуда это пошло — варить под зонтиком. Потом зашел к нашему инструментальщику, мы его каморку называем между собой — «офицерское собрание», предупредил, чтобы он в случае чего был готов...

Потом снова к художнику. Так, мол, говорю ему, и так: от имени монтажных бригадиров приглашаю в тепляк чайком побаловаться.

Ну, инструментальщика у монтажников, если ты знаешь, с таким расчетом и подбирают, чтобы он умел не только резак считать. И тут так. Не помню случая, чтобы в нашем «офицерском собрании» не было когда на столе чистой скатерочки.

Первым делом, однако, попросили мы художника картину нам показать. Поставил он ее на треногу на свою около двери, сам рядом, и вид у него такой, вроде он тут ни при чем, но все-таки, замечаю, волнуется: нет-нет да и возьмется за ус, пощиплет его легонько, подергает, как будто убедиться хочет, что он настоящий, а не приклеенный...

А я присмотрелся к картине, и стало на душе у меня как-то и хорошо, веришь, и непривычно... Понимаешь, какое дело. Когда шли мы в тепляк, собрался я ему всю эту историю рассказать до тонкости: как увидел его месяц, полтора ли назад; как первый раз потом сам пришел на работу с подарком своей благоверной и как потом за мной все ребята — с зонтиками. Ну, и объяснить ему, выходит, откуда у него там и тут на картине эти самые разноцветные крапинки...

Я вот и теперь: может, это картина такая? Вроде бы ничего в ней особенного нету, как поглядеть: черные конструкции да серый бетон, сварочка кое-где, огонечки, а вверх непогода, осенние облака летят, видишь, как они — так и рвутся? Смотрел я тогда, смотрел, и вдруг расхотелось мне почему-то все это ему рассказывать. Показалось, вроде я ему объясню что-то очень простое, а что-то главное, чего и словами-то сразу не объяснишь, оно от этой самой ясности может как бы пропасть... Понимаешь, какое дело, разрушиться может — раз, и нету его!

И не стал я ничего говорить про наши зонты, только руку ему протянул: спасибо, мол, очень человеческая картина.

И все наши, как будто успели договориться, о зонтиках тоже ни слова, ни полслова, а только о картине: добрая, мол, работа. Со знаком качества. И душевная.

А художник, видно, растрогался. Достает из бо-ольшой картонной своей папки картинку, мне протягивает: раз такое дело — держи!

Один момент, говорю. Быстренько инструментальщику записку, и он с ней — на склад. Привносит оттуда полный комплект: сапоги и теплую куртку, а к этому делу — монтажный пояс, подшлемник, каска. Так и так, говорю. Хочу отдариться...

Когда уже конверторный сдали, всей бригадой были мы с хлопцами у этого художника в мастерской, и наши каска да пояс — на самом, понимаешь ты, видном месте. А эта картина тут...

Что-что? Откуда, говоришь, в точности знаю, что эти разноцветные крапинки — наши зонтики? Э-э, брат ты мой!.. Так вижу!

г. Новокузнецк. Записки

Тихая минута



обратиться мы договорились у моста в половине пятого утра.

Это была первая моя охота вместе со старыми школьными товарищами, и все боялся проспать и пришел раньше других. Стоял теперь, облокотившись на бетонные перила, и внизу хлопала и шелестела сонная река.

Потом совсем неслышно возник из темноты щуплый, в громадной заячьей шапке Паша Капустин.

— Один пока?

— Один.

— А ну-ка, где они там...

Вслед за ним я тоже слегка отошел от моста. Шум воды истончился и пропал.

Откуда-то издали донеслось совсем слабое пошаркивание, и Паша уверенно определил:

— Сережка топает.

— Думаешь, Сережка?

— А ты не помнишь? Он же всегда, как будто сапоги у него на пять размеров больше...

Опять мы, прислушиваясь, смолкли, и только тут я почувствовал, какая стоит над станцией тишина. Чуткий осенний морозец сторожил каждый шорох, и черные деревья в ближних садах затем, казались, и сбросили листву, чтобы беспрепятственно пропустить как можно дальше всякий едва уловимый звук...

Дождавшись четвертого, Саню Мирошников, мы перешли через мост, по крутой тропинке поднялись на обрыв, а там опять нашли сделавшую длинную петлю проселочную дорогу и по ней зашагали все вверх и вверх.

Я нарочно не оглядывался, ждал, пока мы вывершим первую грядку, и только потом обернулся. Укрытая синей дымкой, пряталась в долине наша станица, там и тут теплели редкие пока и тихие огоньки, а дальше опять темнели холмы, и над пологими их горбами в светлеющем небе еще мерцали голубоватые звезды.

Дорога лежала сухая и гладкая, ноздри остро цекотал холодный запах прибитой морозцем степи. Дышалось легко, и нам хорошо и весело было идти рядом, поправлять на плече ремни от чехлов с ружьями, и говорить обо всем сразу, и вспоминать остальных своих друзей и товарищей, которые почти два десятка лет назад кто куда разлетелись по белу свету и были теперь, как и я сам, редкие гости в нашей станице...

Наверное, нас уже начало волновать предчувствие близкой охоты, и разговор постепенно перешел на ружья, на собак, на то, что с кем когда и где приключилось. А мне опять припомнилась Сибирь, я вздохнул:

— Э-эх, братцы! Милое дело — идти по такой дороге. А когда снег в тайге по шесть, по семь метров глубиной да еще не слезался и лыжи проваливаются?.. Что значит не уметь с детства! Сколько прожил, а так и не научился по-человечески. У одного моего друга была кинокамера, брал ее всегда на охоту. Так он так. Съедет с горы и тут же достает ее, начинает прицеливаться. Знает, что я сейчас непременно упаду и буду потом вынимать из ружья патроны да стволы продувать...

Друзья мои охотно поддакивали: Сибирь, мол, это, конечно, да!

А я разошелся:

— Или добычу нести. Ну, предположим, два зайца. Ну, три. Да по такой дороге тащить — одно удовольствие. Покряхтывай себе! А что такое выносить из тайги убитого лося? Пятнадцать раз с рюкзаком туда и обратно по груди в снегу... Под конец уже и не рад будешь и сам себя проклянешь!

И друзья опять понимающе соглашались: да, мол, ясное дело — Сибирь!

На верхнюю грядку мы поднялись перед восходом солнца. Небо уже выцвело, погасли на нем последние звезды, зато внизу, в голубоватой зыби, длинно растянувшаяся вдоль реки наша станица, сплошь усеянная теперь крапинками огня, напоминала далекую туманность.

По неширокой седловине мы вышли на равнину, и тут я опять остановился и замер. Над бархатистой

от изморози пахотой, которая в размытой полумгле казалась фиолетовой, поднимался темно-синий Эльбрус, и верхушка его ледисто сияла ослепительным холодом.

Мои товарищи торопливо уходили вперед, а я все стоял и смотрел, как светлеет и светлеет далекая гора и вслед за отступающей к подножию густой синью по бокам ее спускается молочная белизна такой чистоты, какая, наверно, бывает только ранним утром глубокой осени.

Свет, озарявший снеговую гору, все набирал яркости, и уже казалось, будто такое не может длиться долго, будто что-то сейчас произойдет...

И макушка Эльбруса тоненько вспыхнула и загорелась вдруг алым пламенем.

Я побежал догонять друзей.

— Сколько прожил в нашей Отрадной, — стал говорить, запыхавшись, — а такое первый раз... или просто забыл?

Они уже держали ружья наперевес, уже расходились цепью.

— Ребяташками-то на гору так рано никогда не выходили, — негромко отозвался Паша Капустин.

Сергей был уже далеко, зато Саня Мирошников так же тихою кошкой подперся:

— Это потому, что теперь с ружьем...

И Паша совсем уже еле слышно отозвался:

— Пуше неволи, как говорится.

Охота! Для меня это слово вобрало в себя и горячий стук сердца, и запахи, которые помнишь годами, и смертельную усталость, без которой ты не был бы потом счастлив. И больше всего я благодарен своему увлечению не за то, что ел копыченую лосятину и пельмени из медвежатины...

Охота! Раньше раньше поднимала меня из теплой постели, она не раз и не два толкала из дому в такую пору, когда хороший хозяин собаки не выгонит, и заставляла злую пургу пережидать где-либо под разлапистой пихтой или студеную ночь коротать у скупого костра. Но как бы в награду за все за это однажды вдруг ты замечал над камышами сумерки, колдовская тишина которых долго чудилась тебе где-то уже в другом краю... Встречал на пустынном косогоре звонкую от осеннего золота осинку, которая, как свеча, озаряла потом непогожие твои зимние вечера... Видел низкий, летящий над волглым живьем косой клочок тумана, который вдруг неслышно уносил тебя в запретельные дали — ты или уже бывал в них когда-то, или очень хотел побывать...

Теперь я все оглядывался на облиту золотом снежную гору, когда полумрак разом приподнялся, вокруг посветлело. Четкая линия на краю озимого поля впереди слегка приподнялась и сломалась, и там стала медленно и неровно прорастать, стала выдавливаясь из земли шляпка нетерпимо жаркого солнца. Длинными, чуть провисшими строчками побежали от нее ровные стежки восходов, и каждая травинка в каждом своем рядке стала неповторимо зелена, и у каждой один и тот же правый бочок тонко засеребрился от легкой изморози...

Я шел крайним, и на другом конце нашей цепочки уже не раз и не два гремели выстрелы, но сегодня и к ним относился без зависти. Бывает, придет к тебе на охоте такое настроение, когда как будто ни с того ни с сего вдруг подумаешь, как это хорошо — жить на белом свете, дышать полной грудью, и ощущать холодноватые с морозца запахи земли, и видеть, ее краски, — до того хорошо, что от этого вдруг зацемент душа... И ничего тогда тебе больше не надо — ни подкинутого смертельным выстрелом зайца, который только дернется на земле и через мгновение затихнет навсегда, ни какой-нибудь другой убитой тобой животины, пусть каждая живет и тоже радуется и тугому току горячей крови в самой себе, и шедрому миру, да вольной воле вокруг, пусть живет!

Скоро мы продрались через голубоватые заросли терновника, спернули вбок, пересекли шуршавшую палым листом лесополосу и очутились на краю другого озимого поля. Со всех четырех сторон оно было ровно окаймлено серыми рядами сквозивших деревьев, а зелень посредине была такой мягкой и

сочной, что мне подумалось: а вот как не хватает ей живого ярко-рыжего пятнышка, тогда бы все здесь в единый миг преобразилось!

И в порыве добра и братства ко всякому зверью я сказал про себя и раз и другой: а ну, выходи, лиса, а ну, появись, красная, и правда, я не стану в тебя стрелять!

И вдруг она появилась.

Я тогда не понял, откуда она взялась, и сейчас не знаю—просто увидел вдруг, как она вскидывалась дугой и мелькала посреди поля, как, подпрыгивая, играла длинным своим хвостом...

И остальные ее заметили, это стало видно по тому, как все в цепочке пригнулись, все сделались пониже ростом.

Я тоже опустил плечи и сторбился, смотрел теперь на лису исподлобья: может быть, даст подойти поближе?

Она медленно побежала нам навстречу.

Стоявший от меня первым Саша Капустин растопыренной пятерней повел книзу, и все мы тут же очутились на земле, все сидели теперь, разбросав ноги в тяжелых сапогах, уже слегка пригнувшись вперед и, хоть была она еще далеко, уже твердо прицелившись.

Такая рыжая на зеленом поле, она приближалась не торопясь, и по мере того, как медленно забирала наискосок, все мы судорожно перебирали ногами, все слезили по начинавшей оттаивать земле, вели корпусом, и только руки наши, сжимавшие ружья, оставались безжалостно неподвижными.

Лиса вышла на меня.

Когда она, шмыгнув по мне черными глазками, уже собиралась юркнуть в лесополосу, до нее было не больше тридцати метров, самая стрельба, и стволы мои плотно лежали у нее под передними ногами, они мерно двигались—лиса как будто подталкивала их огненно-рыжей грудью.

Бывает на охоте такое ощущение, что все сделано тобой по всем правилам жестокой игры и никуда теперь зверю не уйти—осталось только нажать крючок...

Я уже медленно надавливал на податливую металлическую скобку, и вдруг, словно опомнившись, слегка приподнял стволы, и, так же точно, как целил в лису, ударил в неживой куст репейника на краю поля. Пожухлый репейник резко мотнулся, прыгнула испуганная лиса...

— Ты куда метил?!—орал позади меня Паша Капустин.—Нет, ты скажи, куда?

Сдернул с головы громадную свою шапку и в сердцах пустил ею под ноги.

Солнце стояло уже в зените, когда, возвращаясь, мы снова пошли через пахоту, и тут-то, на этом бесконечном, как мне тогда показалось, поле, я навсегда оставил свой авторитет удалого сибиряка-охотника...

Днем пахота оттаяла, и густой чернозем сделался точно клей. Только обобьешь ноги, как сапоги опять начинают жадно тяжелеть, и через несколько шагов ты уже снова не идешь, а беспомощно ковыляешь на облепивших подошвы колтунах... Опять останавливайся, отдирай тяжелые опметки, опять жди, пока икры перестанут мелко подрагивать.

Сперва я снял и положил в свой пустой рюкзак куртку, затем отправил туда же свитер,—рубаша на спине была хоть выжми. Горьковатый, с полынным привкусом пот высыхал на горячих губах, глаза пощипывало, и я стоял, стащив кепку, и тоскливо смотрел, как мои товарищи, не нарушая цепи, уходят от меня все дальше и дальше...

Когда я выбрался наконец из черного месива, они давно уже лежали на рыжей соломе около большого скирда на краю поля. С каким наслаждением повалился я с ними рядом!

Это потом уже я освободился от рюкзака, потом сбросил сапоги и тоже подставил гудящие ноги ленивому степному ветерку, который пригрелся на этих спелых ворохах золотой, еще не потерявшей сытого пшеничного духа соломе. А сперва я просто опрокинулся навзничь и обмяк... Лежал молча, только глядел и глядел в синий свет у себя над головой, в далеком его и неслышное сияние, и хотелось мне одного—чтобы это состояние блаженного равновесия, которое приходит, когда лежишь на земле и смотришь в небо, продлилось как можно дольше.

Потом мы сидели вокруг белой тряпицы, на которой, кроме матово отсвечивающей жирком вареной курицы и куска толстого, с розовой прослойкой домашнего сала, разложены были сваренные вкрутую яички, соленые огурцы, горка глянцево-чесночных звуков да разрезанная крест-накрест крупная, с добрый кулак, головка лука, сидели и неторопливо закусывали. Паша Капустин, прижимая к груди большой, с поджаристой корочкой каравай, длинным охотничьим ножом каждому отрезал от него ломоть за ломтем, и мне все



казалось, что горбушку, которая останется, он обязательно потом бережно завернет в эту самую тряпицу и аккуратно определит в уголок рюкзака—понесет потом ребятишкам «от зайчика». Когда мы были мальчишками, ничего не было вкусней этого хлеба, кусочек которого отдавал нам с братом, возвратившись с охоты, отец или мать приносила с поля... А может, это казалось только потому, что в то время, вскорости после войны, не было ничего дороже хлеба—и ржаного, и кукурузного, и хлеба из отрубей пополам с картошкой?

Кто потом попивал из фляжки молоко, а кто покуривал, и все мы, сидя в соломе или лежа на боку, наслаждались светлой осенней теплынью, когда Паша начал улыбаться да молча покачивать головой. Большие хрящеватые уши, вокруг которых вращались в детстве все многочисленные Паш-

кны прозвища, так и остались торчать, и, глядя на него, сидевшего сейчас с непокрытой головой, можно было в шутку предположить, зачем ему такая просторная шапка.

Паша наконец заговорил:

— А ты расскажи, Сережка, расскажи, как Саня тебя к порядку на охоте приучил?

Двое остальных моих друзей тоже стали посмеиваться.

— Да как?—начал Сережка, который лежал, покусывая соломинку, и лениво щурился из-под коротенького, надвинутого на самые глаза козырька.

И Паша нетерпеливо подзадорил:

— Ну, как, как?..

— Я тогда в «Сельхозтехнике» работал. Бортовой «газик» был, новенький и с брезентом. Вот они

каждую субботу: ну, давай завтра? Поехали? А и человек компанейский... Чего ж не поехать?

Саша Мирошников уже как будто ожидал своей очереди. Тряхнул цыганскими вихрами, и черные глаза его насмешливо сузились:

— Спрашиваю: а сам-то постреллешь? Будешь охотиться? А он: ну, ты заряди мне с десяток... А хватит тебе, говорю, с десяток? Хорошо.

— Вот идем, я с краю...

— Саногами шмурыгает, за версту слышать...

— А они, веришь, ну, прямо из-под ног. Были бы хвосты подлинней—наступал бы!

— Вот наш Сережка прикладывается—б-бах! С одного ствола. Со второго! А зайц как бежал себе, так и бежит...

— Представляешь? Что, думаю, такое? Вроде целось хорошо, а мажу и мажу...

— А потом уже остался у него последний патрон,—торжественно сказал Паша.—Вдруг видим: садится наш Сережка прямо в борозде, достает ножик, начинает пшж выковыривать...

— А он мне вместо дробин, знаешь, что, оказывается, положил?

— Ну, что, что?—радовался Паша.

Саша опять тряхнул черными вихрами и приподнял палец:

— Фасоль!

— Представляешь, какой паразит? Это другу-то!

— Зато теперь Сережка, знаешь, какие заряды делает?

— Научил-таки его Саня об охотничьем припасе заботиться! Не зря старался.

Потом они, все так же перебивая друг друга, стали рассказывать, как Паша завел себе громадного сеттера, который пугался одного вида ружья и начинал скулить, как только хозяин надевал старую телогрейку. Паша хотел приучить сеттера, на охоте привязывал поводком к поясу, но после каждого выстрела собака, которая была ростом с хорошего бычка, бросалась в сторону и сбивала Пашу с ног...

Я тоже от души хохотал, но сам-то давно знал, что это они только так, для затравки, что главное для меня еще впереди. И Саша Мирошников улучил минуту, первый невинно спросил:

— Так что там, я не понял, с лисой?

И пошло!

Чего только они не говорили, каких только догадок насчет моего промаха не строили! Поиздевались вволю, и шутки стали понемногу стихать, как Сережка нашел новую тему:

— А как он на пахоте тормознул?

И они опять стали хвататься за животы:

— Ясное дело—сибиряк! Он же привык, чтобы под ним снегу метров двадцать, а тут, понимаешь, голые кочки...

— А что? Подожди вот, зима ударит, он тогда всем тут нос утрет.

И так им понравилось надо мной издеваться, что и по дороге домой они все еще продолжали изощряться.

— А тебе это... не тяжело?—заботливо спрашивал шаркавший рядом со мной Сережка.

Я охотно подыгрывал:

— Это в каком смысле?

А они спелись!

— Ну, зайцев-то нести?

— Двух сразу?

— Нет, у него лиса!

— Да разве он устанет?—завистливо вздыхал Паша.—Он же на себе один лося из тайги выносил...

— Ага, только рога, григ, мешали—все деревья пообломал.

И опять: га-га-га!..

А я тоже посмеивался и думал: «Ну и что?.. Что рюкзак у меня пустой. Что я ее не стал убивать... Оно, конечно, есть мудрецы. Такой обещает про себя: выскочит зайц—честное слово, не трону! И тем самым этого зайца он как будто заманивает... А только тот, бедный, покажет уши, как этот мудрец ударит без промаха... и это не кажется ему бессовестным, и сердце у него потом не болит... А ведь кого он прежде всего обманул? Как можно такому верить, если он так запросто готов солгать даже самому себе?..»

За рыжими холмами внизу уже видны были разноцветные крыши между облетевших деревьев, белые и светло-синие дома среди черных, пустых садов... В тихом от осеннего солнца небе кувыркалась над станцией большая голубиная стая, и птицы то выравнивались над землей и тогда пропадали разом, а то, заворачивая, ложжились на крыло и возникали тогда опять.

Я смотрел на них, пытаясь уловить мгновение, когда они пропадут и когда появятся снова, и все продолжал размышлять о рыжей лисе и о том, что сегодня не обманул я в себе чего-то такого, что делает нас лучше, чем порою мы себе кажемся.

И думалось мне в те предвечерние минуты легко, и на душе было хорошо и мирно...

Людмила ЩИПАХИНА

Испанский язык

О загадочность
Речи чужой,
Словно свет
Незнакомого дома!
Посмотри,
Над тобой,
Надо мной
Пролетает голубка—
Палома.

Это радости
Светлой
Пятно.
О, какая в том скрыта
Отрада—
Распахнуть ей
Пошире окно
И воскликнуть:
«Салюд, камарада!»

Что влечет меня
В том языке?
Может, некая
Родственность духу?
Как пожатье
Угодно руке,
Так и речь эта
Сладостна слуху.

Барселона, Толедо, Мадрид...
Мне не надо
И в памяти рыться.
Так печален
И так знаменит
Дон-Кихот—
Мой единственный Рыцарь.

Голос Лорки
Повис в тишине.
Над тюрьмою
Темно
И дождливо.
То не пули
Стучат по стене.
То бессмертье!
И возгласы: «Вива!»

Верной поступью
Интербригад
Грянул марш
Боевого оркестра.
...Дальний остров
Свободой богат,
Раздобытой
На Сьерра-Маэстра.

Не гитары,
Не звон кастаньет—
То стрельба,
То взрываются зданья!

То латинский
Гудит континент,
По-испански
Бросая воззванья!

Повторяем мы:
«Но пасаран!»
Верим в силу свою
И удачу.
И гремит над землей
Барабан,
И повстанцы
Поют «Кукарачу»!

Так вот ты и жил бы
И гулял по свету.
Только—разобраться—
Жизнь—она не мед...
По степям,
По травам,
По живому следу
Тень твоих ошибок
За тобой идет.

Вроде, в жизни можно
Снова все затеять.
Все переименовать.
Заново начать.
Лишь на сорном поле
Злаки не посеять.
Не стереть на сердце
Горькую печаль.

На реке весною
Хрупок лед и гибок.
Снова в небе чистом
Птичий перелет.
...Ни весной, ни летом
От себя не скрыться.
Тень твоих ошибок
За тобой идет.

Можно сделать мину:
Все, мол, слава богу!
От былых ушибов
Горе не грядет.
...По сердцам,
По душам,
Словно по дорогам,
Тень твоих ошибок
За тобой идет.

Смолоду нас учат
Доброте и чести,
Потому что люди
Знают наперед:
Человек и совесть
Проживают вместе.
...Тень твоих ошибок
За тобой идет.

Жить отдельно
И жить отдаленно,
Как облако.
Как свечение окон
Над городом
В ясной ночи.
Называть свое имя
И не слышать ответного отклика.
Чуть теплеть в твоей памяти,
Как зыбкое пламя свечи.

Так держаться возвышенно,
Так опасаться сниженья!
Ледникам
И луне
Подражать,
Одиночество чтя.
...Я смогу!
Не растаю.
И свет не рассею.
И выживу!
Лишь пролью иногда
Голубые
Слезинки дождя.

Так случилось.
Так надо.
Но даже и этого много:
Пребывать вдалеке,
Так неслышно,
Так жадно любя...
Не задену души твоей.
Не домогаюсь.
Не трогаю.
И в своем отчуждении
Благословляю тебя.

В саду

Этот сад
Был так зелен и смел,
Так выбрасывал
В небо побег,
Что казалось—
Не будет помехи для его
Созидательных дел.

Как неистов
В глубинах листа
Хлорофилл,
Пересытивший клетки!

И на каждой
Возвышенной ветке
Для зародышей
Зрели места.

Обитали в саду голоса.
Пели птицы.
Стрекозы звенели.
И подобием
Зимней метели
На траву
Налетала роса.

Плавал воздух
Счастливых минут.
Чистоты.
Обновленья.
Здоровья.
И сочлись
Избыточной кровью
Две березы,
Случайные тут.

Да и я тут
Случайной была...
Впрочем,
Кровного сродства
Не скрою.
Признаю себя
Сводной сестрою.
Только я
Уж давно
Отцвела.

Но, счастливо
И гордо дивясь,
Понимаю,
Как остро
Мне надо:
Меж собою
И зеленью сада
Не прервать
Первородную связь.

Просьба

Даруй суровость мне, зима,
Чтобы душа моя крепчала,
Чтобы поступки отмечала
Печать холодного ума.

Даруй мне, лето, солнцепек,
Лучей живительное пламя,
И страсть—копить тяжелый сок,
И жажду—вызреть семенами.

Даруй мне ветреность, апрель,
Веселый дух непостоянства,
Сменяй предметы и пространства,
Раскручивай, как карусель!

Отлей мне неба, месяц май,
Благоговения пред высью.
Неиссякаемостью мысли
Над головами моей сияй.

Даруй, октябрь, мне красный цвет,
Чтоб не был жизни смысл напрасным,
Чтоб кровь переполнялась красным!
И горячее просьбы нет.

Как многое в нас неприметно для глаза...
Порою подтекстом наполнена фраза.
А радости вздох или жест облегченья
Бывает исполнен много значенья.
Мы смотрим на солнце. Лежим на траве.
А что там засело у нас в голове?
Встречаемся. Бродим в тенистом саду.
А что мы имеем при этом в виду?
Пульсирует время проблемами века.
Но как неразгаданна суть человека!
Идем мы, такие понятные с виду.
А что ощущаем? Восторг или обиду?
В дешевых столовых садимся к обеду.
А празднуем, может, триумф! И победу!
И, может, не транспорт несет нас по лужам,
А крылья, которых не видно снаружи!



Диалектика

XXV съезду КПСС — достойную встречу!

ПЕРЕКЛИЧКА РАБОЧИХ БРИГАД.

ПОД ФЛАГОМ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СОРЕВНОВАНИЯ:

ЗА ПРАВО ПОДПИСАТЬ РАПОРТ ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА

XXV СЪЕЗДУ КПСС

НАША СТРОКА В РАПОРТ СЪЕЗДУ ПАРТИИ — ТЫСЯЧИ МОЛОДЫХ СТРОИТЕЛЕЙ СОРЕВНУЮТСЯ ЗА ПРАВО ПОДПИСАТЬ КОМСОМОЛЬСКИЙ РАПОРТ ПАРТИННОМУ СЪЕЗДУ. УДАРНЫЕ КОМСОМОЛЬСКИЕ СТРОИЩИКИ — ЗНАЧИТ, УДАРНЫЕ ТЕМПЫ, ВЫСОКОЕ КАЧЕСТВО СТРОИТЕЛЬСТВА.



«Круглый стол
«Смены»»

РАПОРТУЕМ:
СЛОВО СДЕРЖАЛИ!

Кажется, это было вчера. Еще так свежо в памяти высокое напряжение девятой пятилетки, которую Л. И. Брежнев назвал лучшей пятилеткой в истории нашей страны. И вместе с тем девятая уже стала историей. Стрелки на

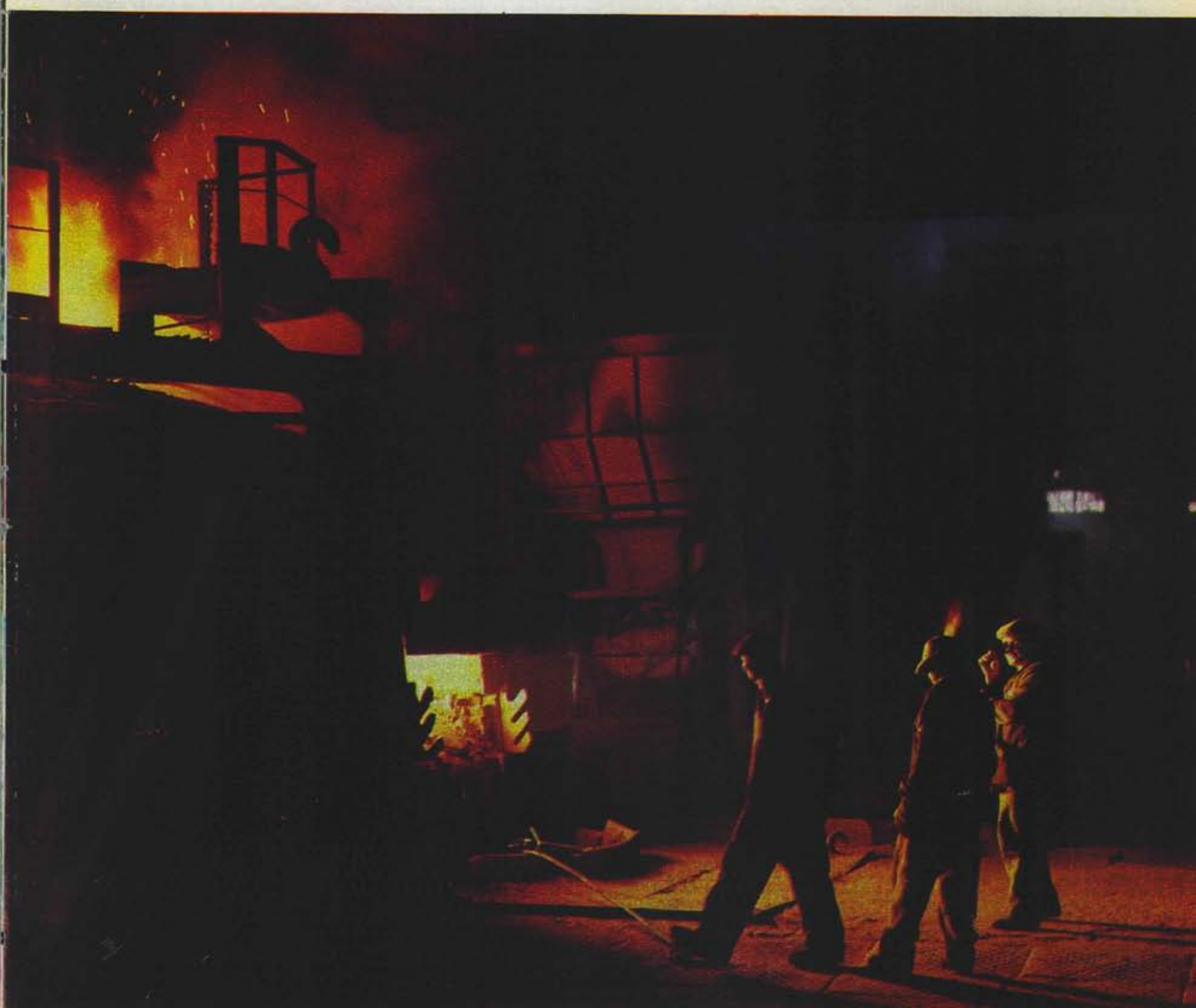
Мастерства

В конце минувшего года в редакции журнала «Смена» состоялась встреча руководителей комсомольско-молодежных бригад. За «Круглым столом» собрались участники предсъездовской переключки рабочих бригад — активные участники социалистического соревнования за право подписать Рапорт Ленинского комсомола XXV съезду КПСС. О жизни этих комсомольско-молодежных коллективов журнал рассказывал на своих страницах. И вот герои очерков и репортажей по приглашению ЦК ВЛКСМ и редакции журнала «Смена» за «Круглым столом». Бригады подводят итоги социалистического соревнования в девятой пятилетке, обсуждают задачи, поставленные партией в проекте ЦК КПСС к XXV съезду «Основные направления развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы», намечают пути их решения.

Во встрече приняли участие секретарь ЦК ВЛКСМ Д. Н. Филиппов, член ЦК КПСС, депутат Верховного Совета СССР, Герой Социалистического Труда ткачиха Московской хлопчатобумажной фабрики имени Фрунзе М. С. Иванникова, ответственные работники Отдела социалистического соревнования ВЦСПС, Отдела рабочей молодежи ЦК ВЛКСМ. Встречу открыл вступительным словом секретарь ЦК ВЛКСМ, член редакционной коллегии журнала «Смена» Д. Н. Филиппов.

твоих часах отсчитывают сегодня другое время — время пятилетки десятой. Она только только началась. Вся страна, и ты вместе со всеми размышляешь над документом исторического значения. Проект ЦК КПСС «Основные направления развития народного хозяй-

«ВСЕ НАЧИНАЕТСЯ С МЕТАЛЛА».—ГОВОРЯТ МОЛОДЫЕ МЕТАЛЛУРГИ. БОЛЬШЕ СТАЛИ И ЧУГУНА—КРЕПЧЕ И БОГАЧЕ РОДИНА.



ства СССР на 1976—1980 годы» — глубокий документ, который обращен ко всей нашей многомиллионной стране и вместе с тем к каждому из нас. Общественное и личное слиты в этом документе воедино.

Это очень важно — в начале нового, большого и нелегкого пути оглянуться на пройденное. С чем ты, бригадир, твои товарищи по бригаде пришли к финишу? Что ты возьмешь с собой в путь дальше, а что отбросишь, как мешающее движение? За «Круглым столом «Смены» — неторопливый, основательный рабочий разговор. Разговор этот начался с самого главного: строка твоей бригады в Рапорт комсомола партийному съезду. Бригадиры — герои очерков «Смены» — рассказывают о делах сжато, точно, веско. Проценты... Тонны... Киловатт-часы... Рубли... Бригадиры комсомольско-молодежных бригад называют цифры, а за ними встают напряженные будни, самоотверженный труд, мастерство и талант их товарищей по бригаде.

Итак, слово бригадирам.
Владимир ВЕТОШКИН, машинист шагающего экскаватора разреза «Нарва» объединения «Эстонсланец». Каждый день в нашей стране совершаются важные события... На БАМе от Усть-Кута до Звездного прошел первый поезд... Шахтеры Кузбасса установили новый рекорд в добыче угля... Начал рейсы сверхзвуковой самолет Ту-144... Между этими событиями есть внутренняя взаимосвязь. Они звенья единой цепи — этапы всеобщей трудовой эстафеты.

Нам, горнякам, в силу самой нашей профессии выпало быть первопроходцами. От «горняцкого звена» зависит работа других звеньев народного хозяйства. Мы понимаем это и свое пятилетнее задание выполнили досрочно — в июле прошлого года. В счет десятой пятилетки дали дополнительно 150 тысяч кубометров «вскрыши». Если эти тысячи кубометров расшифровать, то наши смежники — добытчики сланца — выдали почти тридцать тысяч тонн топлива. А энергетики обеспечили стране примерно двадцать миллионов дополнительных киловатт-часов! Вот какой эстафетой оборачивается работа только одного экипажа.

...Ветошкин — человек скромный. Он, конечно, не рассказывает о своем личном вкладе в дела бригады. Вспоминается одна смена из многих смен Ветошкина, но, наверное, именно в ней четко проявились мастерство и мужество одного из самых молодых в стране машинистов шагающего экскаватора.

Та памятная смена началась для Ветошкина неудачно: погнул вант А-образного раскоса. Владимир связался по радио с механиком: «Разрешите временную замену ванта тросом! Крепеж? Приспособим скобы... Понял вас, спасибо... И еще... Разрешите не опускать стрелу?»

Механик молчал, раздумывая. По правилам, девяностометровую стрелу нужно опустить. Но тогда пропадут два дня, шесть рабочих смен. Сколько «вскрыши» не достает гигантская пятнадцатитонная «чельсть» шагающего? Нетрудно подсчитать. А если не опускать стрелу? Тогда Ветошкину ночью надо подняться на 35-метровую высоту, пройти четыре шага под резким балтийским ветром по раскосу, пригнуться, оседлать опорную перекладину раскоса, подняться к самому краю и закрепить конец троса, другой конец которого закрепили бы Трифионов и Петрухин. Риск, конечно, есть. Но механику известно и мастерство молодого бригадира.

— Если решился — действуй! — ответили, наконец, из отдела главного механика. — Только без гурстава...

И несколько шагов Владимира Ветошкина сплели шесть смен шагающего.

Владимир ВЕТОШКИН. В эти дни наша бригада работает под девизом «XXV съезду — 25 ударных недель». В первом году новой пятилетки мы должны дать 3500 тысяч кубометров «вскрыши». Мы думаем, что этот план сумеет перекрыть, так как каждый из нас повысил свою квалификацию. Мы добились полной взаимозаменяемости в экипаже. Например, смазчик может работать за второго помощника, второй за первого... Соревнуемся мы с рекордсменом басовой экипажем Ивана Романенко. Особенно интересным будет соревнование в этом году: у нас одинаковые планы и практически равные условия работы.

Сабир НАЗАРОВ, буровой мастер МУБР

«Нефтяные Камни». Да, это важно в соревновании — равные условия. У нас соревнуются бурильщик с бурильщиком, вахта с вахтой... Такое соревнование дает наилучшие результаты. Наша бригада завершила свою пятилетку 10 сентября 1975 года. Так уж совпало, но именно в этот день вся наша республика рапортовала Родине, партии, что промышленность Азербайджана выполнила пятилетнее задание. Скважина № 1819 мы провели с ускорением в тридцать четыре дня и сэкономили больше ста тысяч рублей. Мы добились этого за счет внедрения новой техники, рационализации. Бурильщики Баландин, Сафаров, Пашаев, слесарь Зейналов многое сделали, чтобы не только внести, но и внедрить рационализаторские предложения. Но кно дотирания XXV съезда пробурим и досрочно сдадим с хорошим качеством еще одну нефтяную скважину сверх плана. Это наша строка в Рапорт партийному съезду.

...Инженер Назаров почти сразу после института возглавил комсомольско-молодежную бригаду. Институтские знания, особенно в таком деле, как организация бригады, опыта не заменяет. Сабир мог отказаться, сославшись на отсутствие опыта, но он решился. Решился, наверное, и потому, что еще на студенческой скамье увлеченно работал в комитете комсомола и вкус к работе с людьми у него был. Бригада собиралась трудно, но Сабир добился своего: каждый человек у него на своем месте. Работают буровики по принципу: «Твое-мое отменяется. Сделал свою работу — помоги товарищу. На буровой чиню и званий нет». Сабир Назаров удостоен премии Ленинского комсомола за эффективное использование оборудования.

Григорий СТЕПАНОВ, горновой Днепровского металлургического завода. Дружба и смекалка и в нашем доменном деле тоже не последнее значение имеют. Наша бригада носит имя журнала «Смена», работает на восьмой доменной печи — крупнейшей на заводе. Было время, когда на эту новую печь никак не могли набрать людей. Дело в том, что печь работает на две летки. Это значит двенадцать выпусков чугуна в сутки, а на старых — девять выпусков. И вот кое-кто болясь перетрудиться. Тогда собрались наши ребята в комитете комсомола и решили: мы, самые молодые доменщики, идем работать на новую печь. Но одно дело сказать, а вот организовать работу по-новому — дело непростое. Стали мы думать, прикидывать буквально по каждой операции, как лучше ее проводить. К примеру, наша бригада первой на заводе стала набивать ванну не глиной, а песком. Он меньше выгорает и больше плавок выдерживает. Вроде мелочь, а вот таких «мелочей» столько в нашем деле набралось, что, во-первых, проектной мощности достигла наша домна не к концу девятой пятилетки, как планировалось, а на семь месяцев раньше. Во-вторых, дали мы чугуна сверх плана больше двадцати тысяч тонн. А что касается бригады нашей, то скажу о таком факте. Приходят к нам ребята из других коллективов: заменить тех, кто в отпуск ушел. И вот поработают у нас новички пару недель и не хотят уходить. Прямо хоть конкурс устраивай...

Анатолий ПАСЕЧНИК, бригадир электро-монтажников треста «Молдэлектромонтаж». Сабир Назаров говорил о слаженности работы коллектива, роли каждого рабочего. От бригадира тут очень многое зависит. В бригаде у меня десять человек. Я знаю, кто из монтажников какую работу больше любит, кто и с чем лучше справляется, и стараюсь расставить их так, чтобы отдача была максимальной. Но тут важно не переходить «грань». Бригадир говорит: «Иди туда, делай то». Но в этом решении его должен еще и коллектив поддерживать. Когда наша бригада организовывалась — все надо было начинать с нуля. Никто из «старичков» к нам не пошел. Дескать, молодые, будут «на подхвате». Даже наставник мой, Пантелей Иванович Скорцельский, засомневался и отказался в нашей бригаде работать. Как переломить такое недоверие? Только делом. Степанов, который только что передо мной рассказывал о делах своей бригады, точно это уловил. Я тоже не раз об этом думал. Наша бригада с чего начала? С комсомольского собрания, которое два вечера шло — так разговор о бригадных делах взял ребят за живое. И вот на том

памятном собрании решили мы выполнить пятилетку в четыре года. Поехал я в трест с нашими расчетами. Поработал с экономистами, еще раз перепроверил... Нет, все реально: пятилетку выполним значительно раньше. В общем, официально объявили об этом. Кое-кто из «противников» наших улыбнулся, а Скорцельский подошел ко мне и говорит: «Возьми, Толя, в свою бригаду... Хочу помочь вам сдержать слово». Обрадовался я, конечно, потому что как раз такого золотого человека не хватало в бригаде. Ведь я сам благодаря Пантелею Ивановичу красоту своей работы почувствовал. Он мне любовь к делу сумел передать... Одним словом, вот эти напряженные обязательства, ударная горячая работа сплотили бригаду. Весной 1974 года рапортовали мы XVII съезду комсомола о выполнении заданий пятилетки. Такой рывок стал возможен потому, что все ребята освоили смежные специальности, повысили свое профессиональное мастерство, творчески относились к любой работе. До конца девятой пятилетки мы выполнили еще одно годовое задание и сегодня соревнуемся за то, чтобы получить право называться бригадой имени XXV съезда партии. В этом году мы взяли на себя обязательство: тридцать процентов объектов сдавать с оценкой «хорошо». Остальные семьдесят — на «отлично».

Анатолий вспоминает своих ребят и нет-нет, да заглядывает в объемистый блокнот. По этому блокноту можно проследить жизнь бригады не за один год. Почти с самого начала взял Анатолий за правило записывать для себя характеристики ребят, а потом, через год, сравнивать старые и новые записи. Перечитывает характеристики бригадир и видит, как меняются его товарищи. Человек как будто тот же, а характер стал сильнее, строже или, наоборот, мягче, добрее... Становление молодого коллектива — процесс нелегкий. Он требует от бригадира и такта, и чуткости, и знания психологии молодых людей, особенно подростков. Не один «неподдающийся» проходит рабочую выучку сегодня в бригаде Пасечника. Бригадир-наставнику помогают Михаил Борта, Григорий Карцин, Дмитрий Мамаевский... Первый бригадир Анатолия Пасечника недавно привел к нему своего сына и попросил: «Возьми к себе парня. У тебя он быстро человеком станет...» Двадцати-восьмилетний бригадир Анатолий Пасечник — кавалер знака ЦК ВЛКСМ «Наставник молодежи».

Марьян ГОЛЬНИС, бригадир слесарей-сборщиков Вильнюсского завода топливной аппаратуры. Когда я думаю о соревновании за право подписать Рапорт Ленинского комсомола партийному съезду, вспоминаю родную нашу реку Нерис. Из капель, родников, ручейков рождаются ее стремительные воды. Вот также и наш комсомольский Рапорт XXV съезду: он пишется миллионами молодых рабочих рук. Рядом со мной работает девушка, тоже сборщица, Бируте Мугините. Она освоила восемнадцать операций. И каждую, заметьте — каждую! — выполняет прекрасно. Тысячи деталей проходит через ее руки, складываясь в сложные узлы. Контролеры принимают работу Мугините с первого предъявления. Пример Бируте увлек многих наших ребят, и в том, что завод первым в республике 1 июля 1975 года выполнил пятилетку, конечно, немалая заслуга таких мастеров, как наша Бируте. А ведь когда девушка пришла на завод, она немного умела. Старшие товарищи — коммунисты помогли ей стать специалистом высокого класса. И когда думаю, что же было главным лично для нас, молодых рабочих, я прихожу вот к какому выводу: начинали мы девятую пятилетку подмастерьями, а в десятую вступаем мастерами.

...Примерно так же ответила на этот вопрос, который задал ей корреспондент «Смены», и сама Бируте Мугините. Немного подумав, девушка добавила: «Конечно, приятно, что ты работаешь хорошо. Но главное в другом. В том, что твой труд нужен твоим товарищам, заводу, стране...» Именно про таких, как Бируте и ее товарищи, мастеров работающих сегодня в оборонных цехах и на стройках, за станками и на конвейере, в шахтах и у мартонов, говорил Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев:

«Каждый сознательный рабочий, который не только хорошо работает сам, но и заботит-

ся об общем успехе своей бригады, цеха или предприятия, который смело вскрывает замеченные им недостатки и вносит предложения по их исправлению, — такой рабочий может с полным правом сказать о себе, что он делом участвует в управлении своим предприятием».

Именно об этом — о чувстве хозяина — говорили бригадиры. Чувство хозяина от стажа не зависит. Это — чувство социальное.

— Наша бригада взяла перед съездом партии новые, повышенные обязательства: всю продукцию сдавать только с первого предъявления; разработать и внедрить в производство четыре рационализаторских предложения; план двух месяцев выполнить к 24 февраля — дню открытия XXV съезда КПСС.

Это слово сборщиков с «Уралмаша». О соревновании за право подписать Рапорт рассказывал заместитель бригадира Сергей Козлов. В бригаде числится по списку десять человек, но работает девять. Десятого — уралмашевца Николая Ивановича Кузнецова, Героя Советского Союза и легендарного разведчика, — ребята включили в свой коллектив год назад. И с того времени кузнецовская норма выполняется ежедневно.

— Приехал я с БАМа. Из Тынды. Мы непосредственно железную дорогу не прокладываем. Строим школы, жилые дома, больницы. Это тоже главные объекты БАМа, потому что люди приезжают жить и работать не на год и не на два... Наша бригада строила, к примеру, школу. Как работали ребята! Ведь до начала занятий оставалось всего полтора месяца. 1 сентября мы вручили юным бамамцам ключи. Эта «комсомольская школа», как называют ее в поселке Кувькта, наша строка в Рапорт. Так же, как и одиннадцать общежитий, магазин, детские ясли, сданные досрочно и с хорошим качеством.

Дмитрий Анисимов, как и другие его товарищи-бригадиры, учится у знаменитого строителя Героя Социалистического Труда Н. А. Злобина высшему сегодня строительному мастерству — умению работать по бригадному подряду. «Злобинский метод — БАМу!» — девиз молодых командиров магистрали века.

— Планируем поднять производительность труда на двадцать процентов. Все детали сдавать только с первого предъявления. Выполнять ежемесячно 450 нормо-часов.

Это говорит краснопролетарец Сергей Пичугин. Именно здесь, на московском станко-строительном заводе «Красный пролетарий», родился наш первый советский токарный станок ДИП-200, который хорошо помнит не одно поколение токарей. «Красный пролетарий» выпускает сегодня самые новейшие станки, соответствующие уровню мировых стандартов. Продукция завода идет в сорок с лучшим стран. Но до сих пор за рубежом станки «Красного пролетария» называют ДИПами.

Вот что значит марка!

Почти две трети станков, выпускаемых заводом, выходят из цехов со Знаком качества. Сергей Пичугин, его товарищи-краснопролетарцы стараются работать в эти предсъездовские дни так, чтобы любой станок со сборки можно было отправить на экспорт.

...Точно и сжато, как на рабочей планерке, говорили бригадиры, собравшиеся за «Круглым столом», о том, как идет соревнование за почетное право подписать комсомольский Рапорт XXV съезду КПСС. Они рассказывали о конкретных бригадных делах, и за ними вставали десятки и сотни их товарищей — молодых рабочих Страны Советов, вступающих в десятую пятилетку. Именно здесь, в бригадах, будет решаться судьба планов и обязательств. Именно здесь создаются материальные ценности, воспитывается новый человек с твердым мировоззрением, высокими нравственными принципами, широкими духовными интересами. Человек, а не наблюдатель из окна своей квартиры или собственных «Жигулей», хозяин, чувствующий подлинную государственную ответственность за порученное дело. За все, что происходит вокруг.

Потому что десятая пятилетка особая. Это пятилетка качества и эффективности. В проекте ЦК КПСС к XXV съезду партии говорит-

ся: «Предусмотреть дальнейшее улучшение качества и ассортимента продукции... Повысить удельный вес изделий высшей категории качества в общем объеме выпускаемой продукции».

Но речь сегодня идет не только о качестве изделий, но прежде всего — о качестве работы, о качестве жизни, наконец, о принципиально новом отношении к труду, не терпящем халтуры, недобросовестности...

Именно об этом и пошел откровенный разговор за редакционным «Круглым столом».

ВПЕРЕДИ ПЯТИЛЕТКА КАЧЕСТВА

— Десятой пятилетке нужны хозяева, — говорили бригадиры, — не просто умные рабочие или добросовестные исполнители, а хозяева.

А начала этот разговор ткачиха Московской хлопчатобумажной фабрики имени Фрунзе Мария Сергеевна ИВАННИКОВА, человек, известный всей стране, член Центрального Комитета партии, депутат Верховного Совета страны, Герой Социалистического Труда.

— Да, десятая пятилетка, — сказала М. С. Иванникова, — будет пятилеткой качества. И это экономически обосновано. Помните цифры? Абсолютный прирост национального дохода за последнее пятилетие составил 76 миллиардов рублей. Основные производственные фонды возросли в полтора раза, а стоимость их составила более восьмисот миллиардов рублей. Несколькими поколениями советских людей — вашими отцами, дедками — накоплен громадный экономический потенциал. И сегодня, мне кажется, вступает в действие закон диалектики: переход количества в качество. Партия в проекте ЦК КПСС к XXV съезду ведет с нами разговор о глубоких экономических преобразованиях в стране, о серьезных переменах в человеческом сознании. Именно вам, молодым, нужно шире использовать экономические рычаги — хозрасчет, цены, прибыль, материальную заинтересованность. Но за экономикой не забывать о людях, об их отношении к делу, о рабочей чести и ответственности... Конечно, сегодня в производстве существует очень жесткое разделение труда. Назначение какой-нибудь детали и не совсем ясно, пока не сойдешь с конвейера или не выйдешь с заводского двора готовая продукция. Значит, нужна дружба с соседями. Она должна быть скреплена общей заботой о хорошем изделии. Вот поступает ко мне на станки — а обслуживаю я двадцать два станка вместо шестнадцати — пряжа. Попался один «самоварчик», другой... «Самоварчик» — ткачихи называют неровную ниточку початков пряжи. По вложенному талону узнаешь, кто наматывал пряжу, и, выгадав минуту, идешь к своим подругам: «Что же это, девушки? «Самоварчики» ваши прямо замучили. Почему так работаете?» И уж после этого разговора — дело другое. Початки поступают ровные, как и должно быть при честном отношении к своему труду. Ну, а если, скажете вы, смежники разделены не просто стенами цехов, а работают в других городах? Как тут быть? Люди взрослые, не знающие зачастую друг друга. Как им прикажете: «Дружите!»? Ответственность каждого друг перед другом должна воспитываться. Если хотите, эта ответственность должна комсомолом вырабатываться, может, даже не менее бережно, чем мы вырабатываем сады или хлеб.

Вот пришла на предприятие рекламация, а знают ли о ней все работники предприятия? В конце месяца подбьют итоги, брак выразится в «безразличных» процентах, и неприятному случаю конец. А может, перед входом на предприятие надо вывесить экстренное сообщение о ЧП с указанием тех, по чьей вине был выпущен брак, брошены на ветер народные деньги? Может, послать рабочего, выпустившего брак, на тот завод, откуда пришла рекламация, чтобы он, так сказать, на своей спине почувствовал, что он натворил, посмотрел в глаза тем, кому пришлось возиться с его браком? Думаю, этот бракодел, побывав в такой переделке, вернется на свое предприятие не совсем таким, как до поездки. Он расскажет членам бригады, как встретили его смежники, взорвет успокоенность, заставит своих товарищей тоже взволноваться, пересмотреть свое отношение к труду.

Поддерживая эти размышления знатной

ткачихи, почти сорок лет работающей на фабрике, в разговор вступает лауреат премии Ленинского комсомола Нина Коровина, производственный стаж которой несколько лет. **Нина Коровина — бригадир комсомольско-молодежной бригады Московского завода электровакуумных приборов.**

— Часто читаешь или слышишь: трудовой героизм, подвиг рабочего-новатора и т. д. Все верно. Надо об этом говорить. Но чаще, на мой взгляд, следует напоминать о другом: о хозяйственном расчете. Мне кажется, что именно с него и надо начинать, когда планируешь работу... комсомольской группы. Какой же план комсомольской работы без хозяйской, а значит, и государственной выгоды?

Нина Коровина говорила подчеркнуто спокойно, словно чувствуя, что некоторым из бригадиров не терпится поспорить с ней. Но Нина стала рассказывать о делах своей бригады, и рассказ этот был столь убедителен, столь явственно ощущалось, как сплелись на заводе личные и общественные интересы, комсомольская работа и производственная, что охотников спорить не нашлось.

Нина КОРОВИНА. Наша бригада очень молода. Средний возраст девушек — 20—22 года. Собираем мы пакеты — начинку для разнообразных ламп... Года полтора назад перешли мы на новый вид продукции. И тут прямо беда: большой процент брака. Девчонки мои чуть не плачут: никак понять не можем, почему идет брак. А в нашем деле так: первые контролеры — последующие операции. Ты можешь тысячи пакетов собрать, выработка высокая, а работа впустую сделана. Откачают воздух из колбы, и все грехи вылезут наружу. Но поздно: где искать виновного? Может, заготовки были некачественные, может, в технологии огрех... А может, ты сам брак выдал? Сложное положение. Собрали мы комсомольцев. Такого горячего, заинтересованного разговора до этого нашего собрания что-то я не припоминаю. И вот на том собрании решили: ввести стопроцентный самоконтроль. Контролер делает выборочную проверку заготовок — их тысячи, все проверить нельзя, и только сама монтажница практически может определить, годна или не годна заготовка...

Иосиф ЛЫСУХА, бригадир резчиков Череповецкого металлургического завода. Я дальше эту мысль хочу развить. У нас такая же история с контролерами, хотя выпускаем мы не хрупкие лампы, а стальной автомобильный лист. Вопрос правильно поставлен: от качества зависит и производительность труда в огромной степени. Например, если к нам из прокатного цеха поступает лист с «волной», то эта «волна» ведь дальше пойдет. И после нас. Качество — это добросовестное отношение к работе каждого члена бригады. Если у оператора первого поста всего лишь замкнулись ролики, но он вовремя не остановит агрегат, десятки тонн стального листа уйдут с браком. Теперь о контролерах. Тоже наболевший вопрос. У нас сейчас контролеры везде. Люди разные: у кого больше опыта, у кого меньше. Но если я, к примеру, захочу обмануть ОТК — я это сделаю. А вот если бы выдали личные клейма всей нашей бригаде, а на мою ответственность — всю нашу продукцию, я бы ни одной тонны брака и к себе не допустил и за ворота цеха не выпустил. А контролеров можно на другие операции перевести. Взять моральную сторону. Часто рабочий надеется на контролера: прошло — ладно, пусть контролер и отвечает. А при личном клейме — тут уж дело другое. Спрос прежде всего с самого себя. На комсомольском и партийном собраниях цеха мы уже ставили этот вопрос, и с некоторыми операциями контролеров сняли. Сама жизнь заставляет искать другую систему контроля.

Нина КОРОВИНА. Верно, сама жизнь. На том комсомольском собрании мы говорили: улучшение качества ламп не может держаться только на строгости контроля. Прежде нужно всем повысить квалификацию, усовершенствовать технологию, поднять сознательность в бригаде. Стали искать формы работы. Каждый случай возврата бракованной детали стали обсуждать на специально созданном совете, куда вошли мастер, бригадир и технолог. Каждая монтажница ведет в особой тетрадке учет: причины брака, пути их устранения, сумма ущерба. Каждую неделю прово-

дим «дни качества», в которых участвуют смежные бригады. Тут уж яснее видны общие «узкие» места, и мы решаем, как их «расширить».

Одни монтажники работают без брака, другие же допускают его. Нужно всех научить работать хорошо. Вот мы и создаем школы передового опыта. В прошлом году по мере надобности работали у нас три такие школы. Сегодня четырнадцать наших девушек сдают продукцию без проверки контролера. Шесть человек получили «талон качества». Он выдается только тому, кто за целый год не допустил ни одного случая возврата. Таким образом, брак сократился на три процента. А за этими процентами стоят сотни и сотни дорогих деталей. Выросла производительность труда, вырос соответственно и заработок. Но что самое приятное — улучшились параметры приборов, которые мы собираем. Один из них выдвинул на государственный Знак качества. Видите, как получается: контролер с нашего участка ушел, а прибор на Знак качества потянул...

Рахим МУСАТАЕВ, бригадир фрезеровщиков Алма-Атинского завода тяжелого машиностроения. Я согласен с Ниной Коровиной: комсомольской работе сегодня нужен прежде всего экономический анализ. Я вот с Ниной в перерыве разговаривал, и она мне такой факт сообщила: два процента изделий дополнительно к плану ее бригада выпускает из сэкономленного сырья. Всегда ли мы умеем считать? Размеры нашего хозяйства сегодня так велики, что привыкли мерить на миллионы и миллиарды. А эти миллиарды складываются вот из таких незаметных на первый взгляд процентов, как в бригаде Коровиной. Подсчитано: снижение материальных затрат при выпуске продукции только на один процент ныне равнозначно дополнительному увеличению национального дохода на четыре миллиарда рублей. Наша бригада, как и весь завод, работает на основе бездефектной системы. Если кто-то один выдал брак — снимаются все премии. Пока вся бригада не будет сдавать детали с первого предъявления, я, бригадир, не получу личного клейма. А премия за «личное клеймовесомая. Около тридцати процентов. Так что бригадире хочешь не хочешь, а каждого надо подтягивать до своего уровня.

...О поощрениях говорил не только Рахим Мусатаев. Все участники «Круглого стола» так или иначе затрагивали проблему материальных и моральных стимулов. Всякая система поощрения должна быть гибкой. Справилась бригада с поставленной задачей — нужно снова заинтересовать людей в лучшей работе. Когда такой заинтересованности нет, начинается топтание на месте. Заняла бригада или цех первое место — положена премия. А где точное мерило, кто и сколько заслужил? Бывает и хуже. Получил рабочий премиальное, подчас и не знает, за что. То ли за перевыполнение плана, то ли за срочность важного заказа, то ли за перевыполнение технически обоснованных норм... Бухгалтерии недосуг выделять премию из общего заработка, а администрации, комитетам комсомола зачастую недосуг вручить премию прилюдно, торжественно и сердечно. То, что эти вопросы молодые бригадиры обсуждают сегодня горячо и заинтересованно, само по себе знаменательно. Именно о создании на каждом рабочем месте наилучших условий для качественной, высокопроизводительной работы в десятой пятилетке и должны прежде всего думать комсомолы.

Виктор ГУЦАЛО, бригадир треста «Мурманскпромстрой». Начинать я в бригаде Серикова Владислава Пахомовича, который одним из первых в стране ввел бригадный подряд в промышленном строительстве. Сегодня нет нужды доказывать преимущества бригадного подряда. А тогда, несколько лет назад, сколько раз приходилось слышать, что ничего у нас не получится... Сегодня экономика бригадного подряда достигла высокого уровня. Большую помощь оказывают нам специалисты нормативно-исследовательской станции «Главмурманскстрой», треста «Оргтехстрой». К примеру, они провели все расчеты, составили план научной организации труда, сетевой график. Специалисты постоянно приходят в бригаду, анализируют нашу работу, подсказывают, где и как можно улучшить дело, а главное — качество производимых нами работ. Именно по инициативе инженеров в

нашей бригаде (пока в порядке эксперимента) введен «Журнал пооперационного качества». Каждый день мастера участка записывают в журнал виды и объемы выполненных работ, отметку о качестве и с какого по счету предъявления принята работа. Такой ежедневный анализ, как показывает опыт, хорошо помогает.

Суть бригадного подряда проста и понятна каждому рабочему, но на практике метод оказался довольно сложной наукой. Да, бригада заключает договор с администрацией управления на возведение объекта. Да, выполняет работу в срок, с хорошим качеством, коллектив получает премию из сэкономленных им средств. Да, руководство обязуется снабжать бригаду материалами строго по графику, предоставляет необходимую технику, берет на себя инженерную подготовку.

Но вот когда начинается само дело — сколько просчетов в планировании, снабжении, организации производства и т. д. вскрывает бригадный подряд...

Сергей МЕХОННЫЙ, бригадир каменщиков треста «Бамстройпуть». Это точно. Наша комсомольско-молодежная бригада решила на БАМе работать по методу Злобина. Специалисты неплохие, правда, пока ни малюшки, ни штукатуры классно не можем, зато все остальные работы делаем неплохо. Принимаю бригадный подряд, школу построили «под ключ». Все сами сделали, и оценили нашу работу как хорошую. Что нас «режет» на БАМе — так это снабжение материалами. Мы то готовы работать по бригадному подряду, а снабженцы нет. Взяли мы подряд на строительство гаража. Все шло нормально, пока были материалы. Закончился кирпич, ждем неделю, другую... Я уже в Москве, в командировке — учусь в школе бригадирского мастерства у Злобина. Тут ребята мне сообщили с БАМа: пришел кирпич. Но половина — бой. С кого в таком случае спрашивать? Если в бригаду Злобина поступает, к примеру, панель с оббитым углом, то он стоимость ремонта панели взыскивает с поставщиков. У него такая договоренность: бригадный подряд распространяется и на поставщиков. У нас же такого договора пока нет. И выходит, что мы, строители, несем ответственность материальную, а те, кто побил кирпич, — моральную.

Виктор ГУЦАЛО. И мы над такими же вопросами бьемся. Подряд кое-где стал модой, и под его прикрытием протаскивается «вал». Акорд выдается не на весь комплект работ, а на один вид: коробку, фундамент... Бригада «рванула» нулевой цикл, взяла премию за сокращение сроков строительства, а «нуль» как был «нулем», так и остался. Ждет следующих «подрядчиков». Вот что я выписал из проекта ЦК КПСС к XXV съезду партии: «Все еще имеет место распыление капитальных вложений по многочисленным стройкам, недостатки в проектировании, длительные сроки строительства ведут к удорожанию стоимости многих сооружаемых объектов».

Почему это возможно? Бригада на хозрасчете, за все рублем отвечает. А наш заказчик — СМУ — только моральный урон несет. Не дали кран или бульдозер вовремя, мы подвезли бетон — виновного конкретно и не найти. В рабочих бригадах сегодня происходит и экономическая и социальная перестройка, а управленческий аппарат отстает. На совете бригадиров мы решили изменить этот порядок. Нужно сделать так, чтобы все строительно-монтажное управление стало действительно коллективным подрядчиком. И рабочий и инженер рублем бы отвечали и за брак и за простои.

Наш эксперимент начнется в первые месяцы десятой пятилетки. Мы думаем, что новая форма породит новые качественные изменения как в управлении производством, так и в организации труда.

В Мурманске рождается новая модель организации труда. Строить быстро и качественно — этот лозунг строителей подкрепляется новой, чрезвычайно интересной формой, разрабатываемой Героем Социалистического Труда В. П. Сериковым и его молодыми помощниками — бригадирами В. Гуцалом и В. Герасимовым. Коллективный бригадный подряд — это форма, которая, видимо, наиболее полно отвечает профессиональному и духовному уровню молодых строителей, их желанию самим участвовать в управлении производством. Журнал «Смена» будет рассказывать о ходе эксперимента в бригаде Виктора Гуцало. Хотелось подчеркнуть, что



НОВЫЙ ЖИЛОЙ ДОМ... МЫ УЖЕ ПРИВЫКЛИ К ТОМУ, ЧТО В НАШЕЙ СТРАНЕ НЕТ ГОРОДА, ГДЕ БЫ НЕ СТРОИЛИСЬ ЦЕЛЫЕ КВАРТАЛЫ ЗДАНИЙ. В ДЕСЯТОЙ ПЯТИЛЕТКЕ СПРАВЯТ НОВОСЕЛЬЕ ЕЩЕ СОТНИ ТЫСЯЧ МОЛОДЫХ СЕМЕЙ.

бригада Гуцало, как и бригада его учителя В. Серикова,—коллективный наставник. Не первый год молодые строители помогают школе и профессионально-техническому училищу воспитывать будущую смену. Тут уж ни бригадир, ни его товарищи не жалеют ни сил, ни времени, ни душевной щедрости. «Перед самым отъездом,—рассказывал Виктор Гуцало,—организовали мы волейбольный турнир: бригада—школа—ПТУ. Школьников мы обыграли, а вот пэтэушники нас обошли. Сильно играют. Теперь вся надежда, что после училища к нам придут. Так сказать, помогут нам повысить свое спортивное мастерство»,—улыбнулся Виктор.

Маленький штрих, но за ним стоит большая и ответственная работа. Курс рабочих наук будущие сварщики, плотники, бетонщики начинают проходить еще на школьной скамье. Понятно, что не все из «подопечных» приходят в бригаду, но те, кто приходит,—крепкая рабочая смена. В 1972 году из школы № 12, над которой шефствует бригада, в училище поступило 29 человек, 8 из них отселялось. В 1973 году пришел в училище 31 ученик, а ушло лишь 3. В 1974 году—соответственно 36 и 1. Нравственное влияние коллективного наставника—рабочей бригады,—безусловно, сказывается.

Опыт, который накопили бригады Н. А. Злобина, В. П. Серикова и других знатных строителей страны, должен стать достоянием молодых мастеров. Сергей Межонный, Владислав Новиков, Алексей Перушин и другие бригадиры с БАМа, принимавшие участие в беседе за «Круглым столом», овладевают искусством работы, искусством воспитания в бригадах передовых строителей Москвы. Эта инициатива нашла отклик на Украине, в Молдавии, Туркмении, Ростовской и Мурманской областях. Десятая пятилетка требует от каждого молодого рабочего еще более активного участия в решении задач, стоящих перед страной, говорится в постановлении ЦК ВЛКСМ «О задачах комсомольских организаций по развитию инициативы знатных московских строителей». Пятилетка качества требует глубокого изучения передового опыта, развития наставничества, овладения всем арсеналом средств управления производством, которые дает бригадный подряд.

«От высокой эффективности работы каждого—к высокой эффективности труда коллективов»—под таким девизом работают сегодня молодые рабочие Ленинграда. Об этой большой и важной работе ленинградских комсомольцев рассказал на примере своего пред-

приятеля Геннадий Вуколов, автоматчик и комсорг автоматного цеха Ленинградского оптико-механического объединения имени В. И. Ленина.

Геннадий ВУКОЛОВ. Когда от нас, ленинградцев, слышат девиз «От высокой эффективности работы каждого—к высокой эффективности труда коллективов», под которым трудятся тысячи юношей и девушек нашего города, то обычно спрашивают: «Это что—новый почин?» И ждут какого-то необыкновенного рассказа о необыкновенном почине, позволяющем решить враз многие проблемы и социалистического соревнования, и борьбы за качество продукции, и движения наставников, и участия во всем этом комсомола. А когда мы начинаем перечислять как бы слагаемые нашей работы, ребята удивляются: у нас тоже такое есть. Действительно, на многих предприятиях и стройках комсомольские организации формируют институт наставников, как в бригаде Виктора Гуцало; борются с браком и экономят сырье; как девушки-монтажницы Московского завода электровакуумных приборов; помогают повысить квалификацию, овладеть смежными специальностями, как в экипаже шагающего экскаватора Владимира Ветошкина. Дело в том, что все эти и некоторые другие формы работы мы сконцентрировали в одном девизе: «От высокой эффективности работы каждого—к высокой эффективности труда всего коллектива объединения».

Именно всего объединения. Потому что одна бригада или даже один цех, как и одна

ласточка, весны еще не делают. Для государства важна качественная работа всего завода, всей шахты, всего производственного объединения.

Вот некоторые цифры, характеризующие работу нашего объединения.

В первом полугодии 1975 года был достигнут уровень производительности труда, предусмотренный на конец пятилетки. Объем производства увеличился на 79 процентов, почти наполовину обновилась номенклатура изделий, повысилось их качество и надежность.

В честь XXV съезда КПСС наше объединение взяло новые повышенные обязательства: обеспечить рост выпуска продукции со Знаком качества в два раза; внедрить систему бездефектной сдачи на всех стадиях...

Обязательства серьезные и нелегкие. Но прежде чем их принять, мы не один раз все взвесили и подсчитали. Технология, организация труда и соревнование—вот те звенья производственной цепи, на которых держатся наши расчеты.

Вся работа нашей комсомольской организации направлена на то, чтобы, опираясь на передовиков, на наставников, помочь всем молодым ребятам стать с ними вровень. Мы стараемся, чтобы молодые рабочие все время чувствовали заботу комсомола. У нас в цехе работают двенадцать постов качества. А как было раньше? Подойдет контролер, найдет брак у паренька, отругает... и пошел. После такого и у опытного рабочего на душе нехорошо, а что говорить о тех, кто пришел к нам



той пятилетке направит на воспитание у молодых рабочих принципиально нового отношения к труду — мы называем его **КАЧЕСТВЕННОСТЬЮ ТРУДА**, — именно тогда браку, халтурной работе будет поставлен заслон. И тут движение молодых ленинградцев смыкается с почином рабочих Московского завода имени Владимира Ильича: «Пятилетке качества — рабочую гарантию». Москвичи призвали всех производителей перейти от взаимных претензий к взаимной помощи, о которой сегодня говорила Мария Сергеевна Иванникова. Слаженная работа всех служб, всех смежных предприятий поможет с высоким качеством и эффективностью выполнить задания десятой пятилетки.

Девятнадцать бригадиров комсомольско-молодежных коллективов страны принимали участие в работе «Круглого стола «Смены». Они подвели итоги своего труда за минувшее пятилетие, наметили пути решения задач, которые стоят перед ними в пятилетке десятой. Мы будем и дальше рассказывать на страницах журнала о жизни этих коллективов,

о соревновании за право носить почетное звание — коллектив высокого качества, об эффективности работы, о становлении и профессиональной зрелости молодых бригадиров. О качестве изделий. Качестве работы. Наконец, о том, что участники «Круглого стола» назвали «качеством жизни».

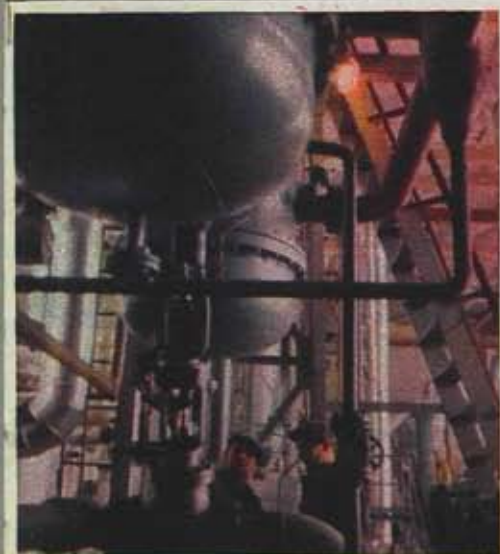
«Активное участие в выполнении десятой пятилетки, — подчеркивается в проекте ЦК КПСС к XXV съезду «Основные направления развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы», — является важнейшим делом Ленинского комсомола, всей нашей молодежи.»

Обращение партии к комсомолу как ударному отряду десятой пятилетки — большое доверие. Оно налагает огромную ответственность на каждого комсомольца за порученное ему дело. Полмиллиона ударных комсомольских рабочих бригад входят сегодня в новую пятилетку. Входят мастерами, входят хозяевами. Успеха вам в работе, друзья!

Беседу за «Круглым столом» записал Сергей СМОРОДКИН.

НОВЫЕ МАШИНЫ И МЕХАНИЗМЫ... КАЖДЫЙ ДЕНЬ ВЫХОДЯТ ОНИ ИЗ ЦЕХОВ ЗАВОДОВ. И, НАВЕРНОЕ, НЕТ ТАКОЙ ДЕТАЛИ, К КОТОРОЙ БЫ НЕ ПРИКОСНУЛИСЬ РУКИ МОЛОДЫХ РАБОЧИХ.

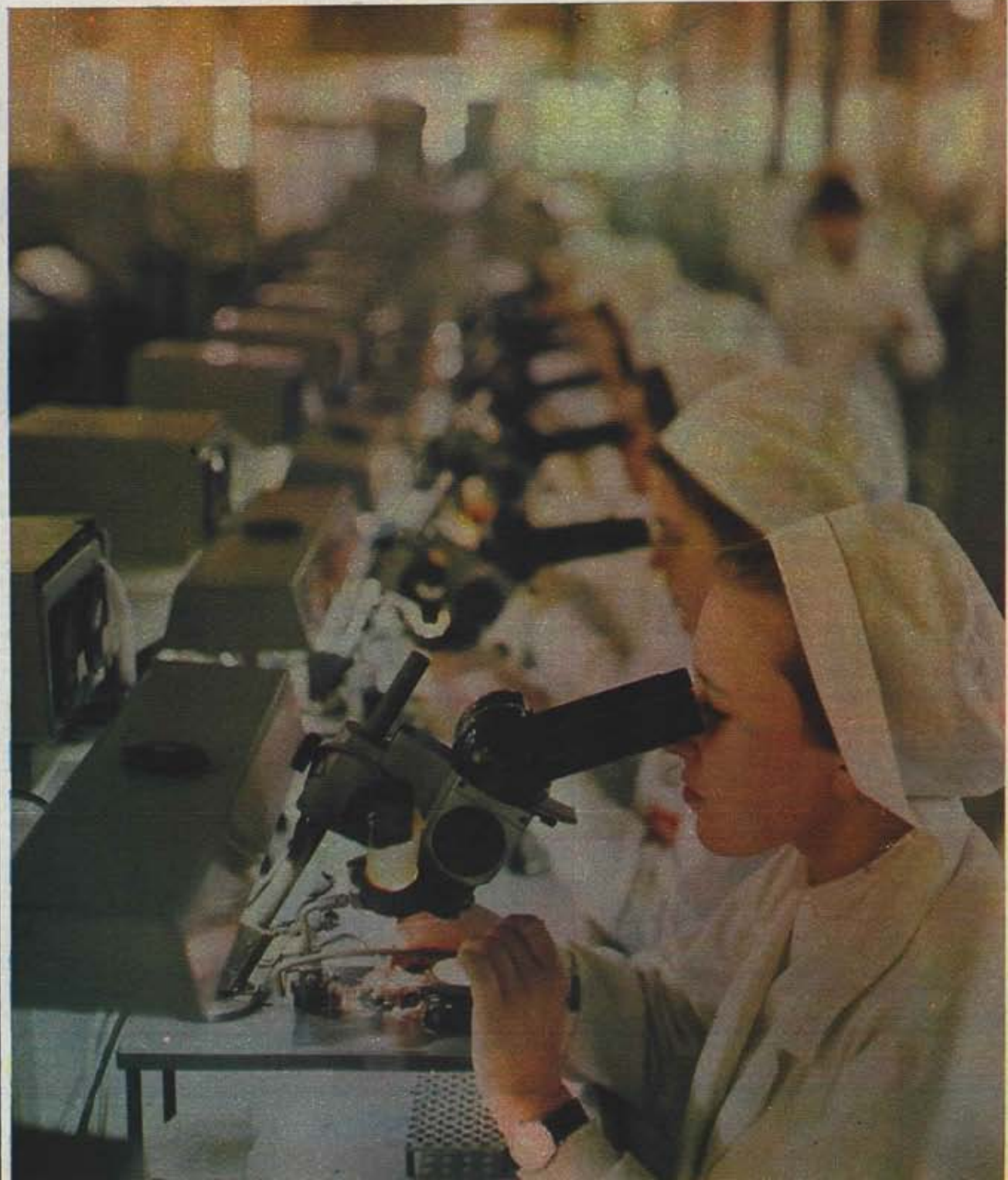
ТОЧНОСТЬ, ЧИСТОТА, СОВРЕМЕННАЯ ТЕХНОЛОГИЯ, ВЫСОКАЯ КУЛЬТУРА ТРУДА — ВОТ ЧТО ВО МНОГОМ ОПРЕДЕЛЯЕТ СЕГОДНЯ КАЧЕСТВО ИЗДЕЛИЙ. ПРАКТИКА ПОКАЗЫВАЕТ, ЧТО ЮНОШИ И ДЕВУШКИ СО СРЕДНИМ ОБРАЗОВАНИЕМ БЫСТРЕЕ ОСВАИВАЮТСЯ НА НОВЫХ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ЛИНИЯХ.



ПЯТИЛЕТКА КАЧЕСТВА ОСОБЫЕ ТРЕБОВАНИЯ ПРЕДЪЯВЛЯЕТ К МОЛОДЕЖИ, РАБОТАЮЩЕЙ В «БОЛЬШОЙ ХИМИИ». ПОВЫШЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО МАСТЕРСТВА, ГЛУБОКОЕ ЗНАНИЕ ПРОИЗВОДСТВА — ВОТ ЧТО ПОМОГАЕТ ХИМИКАМ ДОБИВАТЬСЯ НОВЫХ ТРУДОВЫХ УСПЕХОВ.

вчера из школы или ПТУ? Мы поломали эту практику. Все наши усилия — усилия комсомольских постов качества — направлены сегодня на предупреждение, выяснение причин брака. И это дало свои результаты: большинство наших молодых автоматчиков с первого предъявления сдают 97—99 процентов деталей.

А почему все же не сто? К сожалению, многое зависит не только от нас. К примеру, материалы, которые поступают к нам с других предприятий, не всегда отвечают предъявляемым к ним требованиям. Работаем мы в основном по первому, второму и третьему классу точности. Значит, и материалы должны соответствовать этим же классам. А этого, к сожалению, нет. Вот почему наше начинание «От высокой эффективности работы каждого — к высокой эффективности труда коллективов» ждет поддержки других предприятий. Только тогда, когда каждая комсомольская организация все свое внимание в деся-



Что руководит писателем, когда он берется за перо? «Властный буровый сланил передать друзьям людям то, что ты увидел, пережил, пробыл, чтобы они полюбили то, что полюбил ты сам, и возненавидели то, что ты ненавидишь». Так отвечает на этот вопрос Вера Кетлинская. Каждому из нас с юных лет знакомо это мал. Над страницами «Мужская» мы размышляли о смысле жизни, о своем месте в ней; читал роман «Восход», понимая цену жизни.

И вот теперь новая книга — «Здравствуй, молодость!», напечатанная недавно в журнале «Ночной жук». Это вторая часть романа «Вечер. Окна. Люди».

И вновь я пишу Вере Кетлинской о своей юности. И, как всегда в письмах к любимому писателю, — вопросы, вопросы, вопросы: как относиться Вера Кетлинская к современной молодежи, к ее путям, дорогам, житейским, что воспринимает она в трудный момент выбора пути... И, конечно, спрашиваю, что будет дальше в книге. Ведь это не только судьба героини, но и судьба 20-х годов, реальная дорога юности своей писательницы, но и события, мысли, и люди, которые были рядом, и размышления о жизни... И почему писательница избрала такую форму повествования? Что это — документальный роман или художественный? Вера Кетлинская Кетлинская сегодня отвечает своим молодым читателям на страницах нашего журнала.

стихия, манила «тихая пристань» после революционных бурь. Я хочу напомнить читателям небольшой эпизод из книги, эпизод, сыгравший в моей жизни большую роль.

«...Политехник Алексей пригласил меня в свой институт на концерт симфонического оркестра, после которого предстоял традиционный весенний бал.

Когда мы добрались трамваем до Политехнического, его прекрасный актывый зал с высоченными окнами был уже полон, все первые ряды занимали преподаватели и профессора с женами, но сразу за ними были наши места. Алексей свободно здоровался с самыми почетными профессорами, приветствовал по имени и отчеству их жен, ему отвечали, как хорошо знакомому, и все с улыбкой оглядывали меня, пусть деликатно, мельком, но от этих взглядов я багрово краснела.

...Я наблюдала за тем, как рассаживаются и настраивают свои инструменты скрипачи, виолончелисты и другие музыканты, чьи инструменты я знала нетвердо... Я еще не приобщилась к симфонической музыке, хотя с детства привыкла к роялю и знала на слух много прекрасных фортепианных произведений. В том числе и сонаты Бетховена — Лунную и Аппассионату, мама играла их и дома для себя и на концертах. Но симфонию... Не скучно ли — один оркестр? И почему нет хора, хотя он объявлен в программе? Спросить Алексея или стыдно? Стыдно.

... Вы знаете, — шепнул Алексей, наклоняясь ко мне, — тема симфонии: «Через страдания к радости».

Человек, снова и снова оживает, радуется свету, небу, предлестям лесов и полей, ищет любви и верит в будущее. И никакой покорности!.. Его не согнуть и не сломить, он идет навстречу буре и после самых тяжких ударов судьбы становится еще сильнее.

— И я хочу так!

Оглушенная собственным странным желанием и в этот миг прозрения убежденная в том, что меня ждет судьба трудная, необычная, насыщенная страданиями и борьбой, что спокойствия не будет — да я и не хочу спокойствия! — я как-то забыла о том, что в короткой паузе перед последней частью симфонии на сцену тихо проследовал и выстроился за оркестром хор и вышли вперед с нотами в руках объявленные в программе солисты. Забыла ждать их выступления, и потому так потряс меня раскат низкого мужского голоса, в полной тишине воззвавшего: «О-о-о, братья, довольно печали!.. Будем гимны петь безбрежному веселью и светлой, светлой радости!» Хор поддержал: «Радость! Радость!» И это было только начало... Будто не сто лет назад, а сегодня кто-то молодой и революционный напоминал страждущим людям: «Все мы друзья и братья!» — звал их на бой за братство и свободу: «Встанем вместе, миллионы!..»

Вероятно, кому-нибудь покажется преувеличением, но когда все кончилось... я поднялась, чувствуя себя старше на опыт целой человеческой жизни. И мне было трудно вернуться издалека, из взрослого мучительного и прекрасного мира в простую реальность, где я была девочкой в ветшающей бархатной блузке и неказистых туфельках, усердно по-

Вера КЕТЛИНСКАЯ

УТВЕРДИ СЕБЯ

Видимо, для каждого писателя наступает время, когда ему хочется оглянуться на уже достаточно большой пройденный путь. Время бежит быстро. А что такое писатель? Это человек, воспитанный своей эпохой, своим поколением, людьми, которые его окружали, которые на него влияли, событиями, которые проходили через его жизнь.

Через жизнь нашего поколения прошли огромные события. И внутренние, и международные, и Отечественная война, и очень многое другое. И вот, возвращаясь в прошлое, я хочу через девочку, которую хорошо знаю, показать время и людей, меня воспитавших, душевный настрой моего поколения. Как мы жили, чего мы хотели, что нас сделало такими, какие мы есть.

Меня мало занимает вопрос о жанре этой книги, которую я для себя непочтительно называла «неведомой зверюшкой». Тут ведь сплелись автобиографические главы с очерками о наших днях, судьбы сегодняшние и давние, размышления о жизни и о своей профессии... Как всегда и бывает, писательская задача, содержание книги породили книжную форму. Могут сказать: в ней есть некоторая разбросанность. А разве в самой жизни все укладывается в железные рамки?

Сейчас я работаю над продолжением книги «Вечер. Окна. Люди».

Первая часть, которую я назвала «Здравствуй, молодость!», рассказывает о юности девочки, которая рванулась бы на любой комсомольский призыв — на дальнюю стройку, на целину, в авиацию! — но в те годы еще не было ни первых пятилеток, ни целины, ни массового развития авиации, а был нэп. И кое-кого засасывала нэповская

Я кивнула — знаю. Ребяческая спесь! Ничего я не знала.

Дирижер поднял руки и проткнул воздух палочкой. Как в детстве, когда я вся напрягалась, чтобы не пропустить первых созвучий, возникающих из прикосновений маминых пальцев к клавишам рояля и рождающих чудо музыки, я напряглась в наивном стремлении сейчас, здесь, еще не освоившись с большим и сложным организмом оркестра, уловить это рождение и понять взаимодействие всех его голосов! Но первые же звуки заставили меня вздрогнуть от неожиданности, так они были завораживающе выразительны и сильны... Отлетели ребячество, самонадеянность, любопытство, над всем привычным бушевала буря, вторгаясь и в мою душу, я была уже не я, музыка забрала меня целиком и повела в незнакомый, мучительный, взрослый мир человеческого страдания, надежд, борьбы, отчаяния и просветлений, желаний и крушений.

Так уж подстроила жизнь — впервые знакомиться с симфонической музыкой, слушая Девятую! Я попала в положение несведущего новичка, без подготовки вознесенного на высочайшую из вершин, куда не каждый опытный альпинист сумеет совершить восхождение. И мне, как в разреженном воздухе вершин, сдавило дыхание.

Я отчетливо помню тот вечер, и безостановочную полноту восприятия, и свое ошеломление неистовостью чувств, которые несла музыка Бетховена на своих богатырских, на своих размашистых крылах...

Я старалась уловить в музыке, такой могучей и прекрасной, всплески боли, отчаяния, быть может, усталость, но сильнее всего я ощущала могучесть духа, здорового и веселого духа, все преодолевающего, способного вырваться из страданий к новой надежде, к радости жизни... Что бы ни было, он,

крытых черным лаком ради бала... и нужно было улыбаться и что-то отвечать на нелепый вопрос: «Как вам понравилось?» — как будто об услышанном можно было говорить обыденными словами.

Постепенно я вернулась в простую реальность, с увлечением танцевала все танцы подряд... Алексей молчал и сверху вниз смотрел мне в лицо вопросительно и нежно.

Трамвай уже — или еще — не ходили. Мы вышли в долгий-долгий путь пешком. За заборами окраинных домишек всюду цвела сирень. Алексей подсадил меня на плечо, я без зазрения совести наломала лучших веток и скомандовала спуск. Алексей опустил меня на землю и повернул к себе. Зачинающаяся утренняя заря освещала его красивое лицо с появившимся выражением торжественной решимости. И слова он произнес такие торжественные, что от удивления я их не сразу поняла:

— Я хочу просить вас быть моей женой!

То, что сказал сейчас Алексей, было самым настоящим и первым в моей жизни «предложением». Ну, точно как в романах прошлого века. Я была взволнована и испугана. Что отвечают в подобных случаях, чтобы не обидеть и не согласиться? Проще всего — убежать, но как убежишь, когда он держит тебя за локти и когда до дому километров шесть, а трамвай не ходит!

— Ну, какая из меня жена? — ответила я и осторожно высвободила локти. — И учиться мне еще пять лет!

Считая, что ответ дан, я первой зашагала дальше. Алексей догнал меня, взял под локоть и все тем же торжественным тоном сказал, что будет ждать, пока мне исполнится восемнадцать, а что он старше — это хорошо, он сумеет создать для меня все условия, любое мое желание сможет удовлетворить, я никогда не узнаю нужды, трудностей и огорчений...

Боже мой, «все условия»! Никаких «трудностей и огорчений»!

Самые грозные аккорды загудели, застонали в моей памяти. Вырываясь из них — нет, из-под них, как из-под обломков крушения, — возникла та будоражащая, неистребимо жизнелюбивая мелодия... И снова сверкнул — как не вполне понятное мне самой предчувствие — миг осознания своей судьбы. С почти недоступной горной высоты Алексей заманивал меня на тихий, уютно обставленный пятачок... Если бы я умела высказать ему, что открыла мне музыка Бетховена — в жизни и в себе самой! Но сегодняшнее откровение жило лишь в ощущениях, не выраженное словами... оно трепетало в самой глубине души, а слова подвергались обыденные, девчоночьи.

Пошучивая, я говорила, что из меня получилась бы невыносимая жена. Своиравная и упрямая. Такой жены и не увидишь — или сидит, уткнувшись в книгу, или бегаёт по всяким комсомольским делам!

Алексей не придавал значения моей болтовне, вероятно, счел ее девичьим кокетством, а потом сказал, будто спрашивая, но, в сущности, уточняя что-то само собою разумеющееся:

— Но когда вы выйдете замуж, вы же оставите комсомол и все прочее?

Вопрос прямо-таки хлестнул меня. В милейшей форме мне предлагалось ОТРЕЧЕНИЕ — да, да, отречение! — и не под угрозой смерти, не под пытками, как комсомолке Айно из карельского села Тихозеро, замученной белобандитами за отказ отречься от своих убеждений... Нет, ради «всех

для меня родным, именно тогда у меня появились и наблюдения и темы, которые легли в основу моей первой комсомольской повести — «Натка Мичурина».

Да, тогда я встретила много интересных людей, о них я расскажу в следующей части, над которой сейчас работаю. Будет там большая глава «Душа человека» — рассказ об одной душе. Это был человек старше меня. Сегодня, когда прошло столько лет, я могу сказать, что я его полюбила и он полюбил меня. Но мы расстались из соображений, ну, что ли, новой, коммунистической нравственности. Он был женат, у него были дети. И мы не могли через это переступить. Этот человек сыграл огромную роль в формировании моего духовного мира, моей партийности. Он был очень светлым человеком, необычайно жизнелюбивым, вел партийную работу на одном крупном заводе, причем вел ее так, что людям хотелось идти за ним. Он словно излучал радостную энергию, бодрость, веру в свое дело. Я очень многое от него восприняла. И хотя мы расстались через несколько месяцев, след его в моей жизни был огромен...

После того, как вышла моя первая книжка, меня направили в издательство «Детская литература». Там главным консультантом был Самуил Яковлевич Маршак. И он оказал на меня неоценимое влияние, научил понимать, что такое литературное мастерство. Сейчас Маршак часто изображают только учителем литературы и учителем жизни. А он был человеком. В то время мы, 20—22-летние, смотрели на него как на старика, хотя ему было только 40 лет. Он был веселый человек. С ним

отправила на Дальний Восток, и каждый действовал так, как ему свойственно, а я... я наблюдала, отгадывала, связывала всех нитями сюжета.

У архитекторов есть такой термин — «привязка к месту». Так вот, творческая командировка может быть такой «привязкой к месту» действия героев.

Художественное произведение возникает не только из интересного материала, оно всегда возникает из того, что вот эта личность, вот этот писатель чувствует себя обязанным сказать людям о жизни свое слово, рассказать о том, что достойно любви, а что — ненависти. Он хочет в чем-то убедить, от чего-то предостеречь. Если у писателя есть такой внутренний, эмоциональный заряд, есть такая насущная потребность сказать людям что-то или, может быть, даже прокричать, вот тогда он может ехать на Дальний Восток, на Сахалин, в Среднюю Азию, куда угодно.

И вот у меня вышло так, что Комсомольск-на-Амуре оказался самым подходящим, самым необходимым для меня местом на земле. Потому что здесь было всего удобнее сказать все то, что я хотела. Так же было и с романом «В осаде». Ленинградская блокада не могла не побудить писателя рассказать о тех днях, но, конечно же, в этот роман тоже вложены мои мысли о людях вообще, о свойствах человеческой души, о том, что человек бывает велик, а бывает порой и мерзок... В нечеловечески трудных условиях, когда смерть бродила рядом, я видела проявления величия человеческой души и характера, и мне хотелось донести это до людей, чтобы люди поняли самих себя: поняли, на какие подвиги они способны.

Новая книга для меня — продолжение всего предыдущего. Все мои темы и сюжеты всегда вращаются в области нравственных проблем, морали советского человека — мужества, честности, принципиальности и их антагонистов в людских душах. Мое главное дело — борьба за становление человека, такого, каким он должен быть, каким, я знаю, стараются быть многие люди вокруг меня. Мы не всегда до этого дотягиваемся, но идеал должен быть у каждого человека...

Недавно я смотрела фильм о БАМе. Счастливыми глазами смотрела. Ребята там, конечно, очень хороши, как и все молодые люди, которые добились возможности проявлять себя и быть самостоятельными в трудных условиях.

У нас принято говорить о том, что нужно «обеспечить детям счастливую жизнь». Вот уже третье поколение борется за то, чтобы обеспечить такую жизнь своим детям. Но иногда эта самая счастливая жизнь, которую мы им обеспечили, для них вовсе не такая счастливая, как мы думаем, потому что вовсе не блестящие условия жизни, не материальный достаток создают счастье, особенно в молодости. Молодому человеку нужно проявить себя, проверить свои возможности, приложить свою силу, свои способности, сделать что-то такое, чтобы он сам понял, что «я человек», «я могу», «я умею», «я сумею». Вот что дает в молодости счастье.

Старики любят поворчать, что, дескать, молодежь не та. Такая воркотня мне противна. Молодежь разная, так было в годы моей юности, так и теперь, есть плохая, конечно, но в основном-то хорошая. Перед войной тоже звучали ворчливые голоса: молодежь, мол, избалованная, молодежь ушла в быт, в тряпки, чего ждать от этого поколения? К несчастью нашей страны, началась война с фашизмом, и сегодня мы знаем, какие тяготы вынесло поколение на своих плечах, каким прекрасным оно оказалось. Человека создает среда, обстоятельства позволяют ему проявиться. Хотелось бы, чтобы никогда не приходилось проявляться в такой страшной обстановке, как война. В мирное время тоже есть грандиозные задачи, большие дела, в них и проявляется и проверяется человек. Мне кажется, что мы порой слишком медленно выдвигаем молодежь, слишком ее опекаем, оберегаем от ошибок, а между тем ошибиться, обжечь нос бывает иногда полезно: на этом человек тоже учится и растет.

Начинать всякое новое дело трудно. Попав в наименее трудные условия, молодые чертыхаются, кто слабее — удирает, но тот, кто сумеет преодолеть все трудное, потом вспомнит это время как самое счастливое. Так же, как строители Комсомольска, Магнитки, Хибин. Это — свойство души человека: человек любит и помнит как самое святое и лучшее в жизни то время, когда он полностью отдавал самого себя, свои силы и свои способности. Больше всего отдавал и соответственно больше всего получал. Вот об этом я и пишу. И в этой книге, и во всех предыдущих.

Я ДЕЛОМ!

условий», ради мещанского благополучия без трудностей и огорчений...

— Никогда! Понимаете, ни-ког-да! И замуж за вас не выйду! — Увидев его несчастное лицо, поспеши добавила: — И вообще замуж не выйду! Ни за кого!

Мне было жаль Алексея, он не был ни в чем виноват, он просто не понимал, я злилась на себя и только на себя: что же я за человек и как живу, если можно надеяться, что я ОТРЕКУСЬ!

Это было как удар гонга в моей судьбе. Один из таких моментов в жизни, когда говоришь себе: «Стоп! Задумайся и реши, как повернешь дальше свою судьбу, КАКИМ человеком ты пойдешь по жизни». Так вырабатываются нравственные первоосновы личности.

А потом были и другие, большие уже события. Скажем, смерть Ленина, когда я просто осознала, что надо посвятить жизнь продолжению его дела. Что начать надо сейчас, надо немедленно чем-то помогать, что-то делать.

Я вела политкружок на заводе. Причем мне подсунили всех башибузуков, всех озорников. Мальчишек 17—18 лет. Мне надо было с ними справиться. Это было очень интересно и очень трудно.

И я справлялась с помощью наших обычных комсомольских методов, сделав, например, самого главного озорника старостой. В то время я поняла, в чем состоит противоречие моей жизни; я комсомолка, борец за дело рабочего класса, а рабочего класса я не знаю. Рабочие на меня посматривают снисходительно, как на девчонку. Подшучивают над мной. А я их побаиваюсь. Какой же я борец? И я совершила поступок, который может показаться нелепым: бросила институт и пошла на производство, на фабрику.

Именно тогда комсомол Выборгского района стал

нередко случались смешные истории. Я хочу в своей книге рассказать о Маршаке весело, не утаивая смешного, — думаю, что это никак не уменьшит уважения к имени крупного поэта, а приблизит читателя к очень славному и оригинальному человеку.

В новой книге будет ряд новелл о писателях — о тех, кого знала в юности, и о тех, с кем дружила позже. То есть о писателях, оставивших след в моей жизни. Но еще раньше, в середине книги, будет цикл новелл о любви — цикл самостоятельный, как и в книге «Вечер. Окна. Люди».

Некоторые критики, правда, довольно ласково, говорили мне, а зачем, собственно, в автобиографической книге этот цикл новелл? А он мне очень нужен. Я даже не хочу объяснять почему. Я чувствую, что он нужен, в частности, мне необходимы новеллы о любви перед главой «Душа человека», о разной любви — счастливой и несчастной, о любви, угнетающей человека, и о любви, поднимающей его как на крылья. Никаких нравов и умозаключений там нет, но читатель будет готов к восприятию еще одной любви, о которой так трудно рассказывать, но рассказать нужно — чтобы продлить в памяти людей еще одну жизнь, им отдающую...

При всей сюжетной и жанровой особости «Здравствуй, молодость!» — это все же роман, построенный по законам романа, и книга кончается там, где она может кончиться по логике развития, — автор едет на Дальний Восток. Для меня это подступы к «Мужеству», хотя «Мужество» я начала писать за год до поездки на Дальний Восток — на другом материале. В роман я вложила десять лет своей комсомольской жизни, свои наблюдения, свои раздумья, свои представления о людях, которые были вокруг меня, которых я полюбила. Я встречала их в самых разных местах, а потом посадила в эшелон и



**ТРАДИЦИОННОЕ
ПРЕДОЛИМПИЙСКОЕ
ОБОЗРЕНИЕ «СМЕНЫ»**

Вот и опять, как двенадцать лет назад, австрийский город Инсбрук стал столицей Белой олимпиады. 25 медалей— 11 золотых, 8 серебряных, 6 бронзовых— завоевали в 1964 году в Инсбруке советские спортсмены. Никогда не удавалось представителям одной страны увезти столько наград с одной зимней Олимпиады. Как-то будет на этот раз?

На XII зимних Олимпийских играх предстоит разыграть первенство по 37 дисциплинам, и только в двух из них (гонки бобслеистов) не будут участвовать советские спортсмены.

Игры в Инсбруке обещают стать самыми представительными из всех проводившихся до сих пор. По предварительным данным, на старты Белой олимпиады 1976 года выйдут более 1400 спортсменов из 38 стран.

Самые многочисленные команды приедут в Австрию США—123 человека и СССР—110.

Хозяева Олимпиады включили в свою команду 100 спортсменов, а от крошечной республики Сан-Марино, которая впервые будет участвовать в зимних Играх, выступят лишь... два человека.

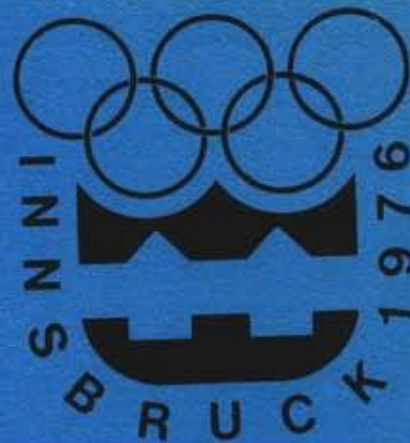
Олимпиады открыли миру спорта немало новых, никому не известных имен.

Так случится, без сомнения, и теперь. И все же главная борьба за медали, за места в шестерках сильнейших, по которым подсчитываются очки в неофициальном командном зачете, будет вестись между фаворитами, признанными лидерами национальных сборных. О них и рассказывает наше обозрение.

ЗАГАДКИ БЕЛО



И ОЛИМПИАДА



Борис ХАВИН

НОВЫЕ ВРЕМЕНА



Мужчины: гонки на 15, 30 и 50 км,
эстафета 4 × 10 км.

Женщины: гонки на 5 и 10 км,
эстафета 4 × 10 км.

Двадцать лет назад, в канун Белой олимпиады в Инсбруке, редакция журнала «Спорт за рубежом» предложила спортивным обозревателям из разных стран назвать имена победителей зимних Олимпийских игр 1964 года. В референдуме приняли участие журналисты Норвегии, Швеции, Италии, Финляндии, Болгарии, ФРГ. В определении фаворитов мужских состязаний на лыжне участники анкеты были единодушны: они называли норвежцев, шведов и финнов. Да и могло ли быть иначе: с 1924 года, когда начали проводиться Белые олимпиады и чемпионаты мира по лыжным гонкам, представители северных стран не знали неудач. Они завоевали все золотые медали в индивидуальных гонках, уступив только две (их получил в 1954 году советский спортсмен Владимир Кузин).

Участники анкеты не ошиблись. И из Инсбрука все награды увезли лыжники Финляндии, Швеции и Норвегии. Лишь две бронзовые медали — в гонке на 30 километров и в эстафете — удалось отвоювать у фаворитов советским спортсменам.

Но, если бы провести такой же референдум накануне нынешних инсбрукских стартов, ответы были бы, пожалуй, разноречивыми. Непререкаемый авторитет северных гонщиков и последние годы пошатнулся. Лыжники СССР и ГДР настигли лидеров. На Белой олимпиаде в Саппоро скандинавам достались только две золотые медали, а две другие были вручены советским спортсменам. Северных асов развенчал тогда Вячеслав Ведынин, сначала не оставив им шансов на дистанции 30 километров, а затем в эстафетной гонке. Приняв эстафету на последнем этапе, спустя минуту после норвежца, Ведынин сделал невозможное: отыграл огромную фору и первым закончил гонку. Скандинавам пришлось бы еще труднее, если бы грип не вывел из строя лучшего гонщика ГДР Герхарда Гриммера.

Спустя два года после Саппоро лыжникам северных стран представилась отличная возможность взять реванш: очередной чемпионат мира проходил в Фалуне — цитадели скандинавского лыжного спорта. Но разве могли утешить их победы норвежца Магне Мюрму и шведа Томаса Магнуссона в гонках на 15 и 30 километров, если Гриммер победил в лыжном марафоне, команда ГДР выиграла эстафету 4 × 10 км, а серебряных и бронзовых медалей на разных дистанциях удостоились Станислав Гёных из Чехословакии, Ян Сташэль из Польши, советский спортсмен Василий Рочев?

От былой гегемонии скандинавских гонщи-

ков не осталось и следа. Круг претендентов на олимпийские медали расширился, как никогда прежде. Конечно, недавние фавориты не намерены мириться с утратой ведущих позиций. И прежде всего норвежцы, которые прошлой зимой выступали так, словно решили выиграть все гонки до единой. Расставшись с ветеранами Элlefсетером и Грэннингом, они сохранили основной состав своей команды, выступавшей в Саппоро. Оддвар Бро, Одд Мартинсен, Ивар Форму, Магне Мюрму накопили солидный опыт в крупных международных соревнованиях. Бро и Форму находятся в расцвете сил, им по 25 лет. Еще недавно считалось, что успеха в ответственных соревнованиях (и особенно на длинных дистанциях) лыжники добиваются в более солидном возрасте, в таком, например, как Мартинсен и Мюрму, которые на 8—9 лет старше. Однако Бро выиграл прошлой зимой 50-километровые гонки и в Лахти и в Холменколлене, не раз блистал он и в лыжном спринте.

На ярком фоне успехов норвежских лыжников не поблекли и достижения финна Юхани Миего на дистанции 15 километров, шведа Свена-Оке Лундбека в 30-километровых гонках. А товарищ Лундбека Томас Магнуссон, весь сезон державшийся в тени, однажды обратил на себя внимание. Произошло это на лыжне Инсбрука, где за год до олимпийских соревнований проходила их репетиция, собравшая всю элиту гонщиков. Между прочим, именно на олимпийской лыжне норвежцы выглядели более чем скромно: в первой десятке оказался лишь один из них — Мартинсен, занявший третье место. А лыжников ГДР среди первых десяти оказалось четверо, причем Гриммер показал второй результат.

Случайной ли оказалась эта неудача норвежцев? По-разному подходили к соревнованиям предоллимпийской зимы тренеры команд. Одни стремились к тому, чтобы спортсмены, которым предстоит участие в зимней Олимпиаде, стартовали как можно чаще, доказывая превосходство над соперниками. Другие давали отдых своим гонщикам, время от времени направляя их на состязания, но не требуя высоких результатов. Третьи, не определив еще состав олимпийской команды, стремились посмотреть молодые резервы и отобрать кандидатов на поездку в Инсбрук.

Так что не стоит придавать решающее значение отдельным неудачам известных лыжников в предоллимпийском сезоне, так же, впрочем, как и отдельным победам их конкурентов. К успеху на Белой олимпиаде идут различными путями.

Советские лыжники после триумфа в Саппоро не одержали ни одной большой победы. Тяжелая травма надолго вывела из строя Веденина. Другие олимпийские чемпионы — Симашев, Скобов, Воронков — уступили свои места в сборной страны молодежи. 24-летний Василий Рочев успешно выдержал экзамен на чемпионате мира в Фалуне, прошлой зимой полу-или боевое крещение 23-летний Анатолий Шмигун и 22-летний Евгений Беляев. С выздоровлением Веденина команда вновь обрела настоящего лидера и вряд ли уступает той, что выступала в Саппоро.

Наши лыжники, чье мастерство давно стало международным эталоном, с каждым годом встречают все более стойкое сопротивление соперниц. И если на Олимпиаде в Саппоро советским спортсменкам приходилось опасаться, по сути дела, одну лишь Марьятту Кайосмаа, то теперь, помимо этой финской гонщицы, им нельзя упускать из поля зрения и ее соотечественницу Хилкку Кунтола, Бланку Паулу из Чехословакии, шведок Ерель Партапуоли и Эву Ольссон, Зигрун Краузе из ГДР.

Как ни сильна команда наших девушек, в которую наряду с героиней Саппоро Галиной Кулаковой входят опытные Нина Балдычева, Нина Селоница и талантливая молодая лыжница Рамса Сметанина, она дважды терпела прошлой зимой поражения в эстафетной гонке. Оба раза первой финишировала команда Финляндии, причем одна из ее побед была одержана на предоллимпийской неделе в Инсбруке. Там же, на олимпийской лыжне, 10-километровую гонку выиграла Кайосмаа.

Впервые после того, как прекратила выступления победительница олимпийских состязаний в Гренобле Тойни Густафссон, результаты высокого класса показали лыжницы Швеции. Особенно сильное впечатление произвело второе место шведской эстафетной команды на предоллимпийской неделе в

Инсбруке. Ведь ей удалось опередить спортсменок Советского Союза; ГДР, Норвегии, Чехословакии.

Еще ни одной лыжнице не удавалось стать чемпионкой на двух Белых олимпиадах. Галина Кулакова имеет такую возможность. И возможно эта не чисто теоретическая.

СЮРПРИЗАМ НЕТ КОНЦА



Мужчины: по две серии прыжков с 70-метрового (среднего) и 90-метрового (большого) трамплинов.

Ни одна из дисциплин зимнего спорта не приносит столько неожиданных, сколько прыжки с трамплина. На Белой олимпиаде в Гренобле олимпийским чемпионом в прыжках с большого трамплина стал Владимир Белоусов, чье имя до того было почти неизвестно. Белоусову был вручен тогда специально учрежденный «Литературной газетой» «Приз неожиданности». Спустя четыре года в Саппоро в этом же номере программы чемпионом стал польский лыжник Войцех Фортуна, что явилось еще большим сюрпризом: Фортуна даже польские тренеры не собирались брать на Олимпиаду и уж, во всяком случае, не ждали от него победы. Кстати, жюри «Литературной газеты» склонилось к тому, чтобы вручить Фортуне свой приз, однако помешал пункт положения, предусматривающий присуждение приза только советскому спортсмену. В результате он был вручен фигуристам Черняевой и Благову, хотя в том, что они заняли шестое место в парном катании, не было в общем-то ничего удивительного: незадолго до Олимпиады они были шестыми на первенстве Европы.

Целый букет сюрпризов преподнесла в этом виде спорта прошлая зима. Снискавшие славу лучших в мире прыгунов с трамплина, спортсмены ГДР проигрывали одно соревнование за другим. А побеждали лыжники, чьи имена никто до того не слышал: Карл Шнабль, Вилли Пюрстль, Тони Инауэр... Австрийцы, которых вообще не принимали в расчет, выиграли знаменитое турне четырех трамплинов, победили на состязаниях в Энгельберге, Лахти, Холменколлене, Саппоро. Они выступали так уверенно, словно давно являются лидерами в прыжках с трамплина.

Бальдур Праймлю, который недавно стал тренировать австрийских прыгунов, 36 лет. Он участник олимпийских соревнований в Инсбруке и Гренобле. Прыгая с трамплина, Праймль не добился заметных успехов, зато как тренер сразу заявил о себе во весь голос. Его воспитанники тоже молоды: Шнаблю 22 года, Пюрстлю 21, а Инауэру всего лишь 17.

Сенсационный успех молодой австрийской команды в предоллимпийском сезоне привлек внимание специалистов. В прессе началась широкая дискуссия по поводу причин неожиданного прогресса австрийцев. Говорили о новых лыжах из синтетического материала, обладающих превосходными скоростными качествами. Но, разумеется, какими бы отличными ни были лыжи австрийцев, за счет этого не победишь высококлассного соперника. Нужна как минимум отменная техническая и физическая подготовленность.

Праймль, придавая большое значение научному обоснованию методики тренировок, серьезное внимание уделяет психологической подготовке юных воспитанников. Именно в высоких волевых качествах тренер видит причину их успехов.

Немало опытных спортсменов входит в команды ГДР (лучший немецкий прыгун Ханс-Георг Ашенбах получил тяжелую травму и, судя по всему, в Инсбрук приехать не сможет), ФРГ, Норвегии, Швейцарии, Японии, Финляндии. Однако почти всем им не хватает того, что выдвинуло в лидеры австрийцев, — стабильности.

Нервно выступают и советские прыгуны с трамплина. Если Алексею Боровитину или Юрию Калинин удается совершить в Инсбруке свои лучшие прыжки, они могут обеспечить себе место на пьедестале почести. Но удадутся ли они, эти прыжки?

РАСКРЫТАЯ ТАЙНА ДВОЕБОРЬЯ



Мужчины: прыжки с 70-метрового трамплина (1-й день), гонка на 15 км (2-й день).

Что важнее для двоеборца — высокий результат в гонке или отличные прыжки с трамплина?

Многие спортсмены стремятся к тому, чтобы заложить фундамент успеха в первый день соревнований. Финн Рауно Миеттинен на Белой олимпиаде в Саппоро показал второй результат в прыжках с трамплина, после чего даже 15-е место в гонке не помешало ему получить серебряную медаль. Подобной тактики придерживаются Ханс Хартлеб (ГДР), Казимеж Длугопольский и Стефан Хула (Польша), Пол Шьетне (Норвегия); главную ставку они делают на прыжки.

Но ни один из них не имеет на своем счету столько побед, сколько олимпийский чемпион и победитель первенства мира Ульрих Велинг (ГДР). В предоллимпийском сезоне он стартовал в 11 соревнованиях, выиграл 8. Секрет успеха Велинга «прост»: он стремится достичь решающего превосходства и в прыжках и в гонке.

Самый опасный соперник Велинга Рауно Миеттинен понимает, что вернейший способ сразить чемпиона — использовать его же оружие. В Инсбруке, на предоллимпийской неделе, он после выигрыша прыжков великолепно прошел 15 километров по лыжне и стал победителем.

Представители Польши и Финляндии на протяжении последних лет не раз показывали себя опытными двоеборцами, причем поляки стали выступать ровнее и увереннее. На утраченные позиции возвращаются двоеборцы Норвегии.

Советские лыжники, несколько лет назад имевшие отличные результаты в двоеборье, растеряли боевые традиции. На Олимпиадах в Гренобле и Саппоро им не удалось занять места в зачетных шестерках. И с тех пор положение к лучшему не изменилось.

«ВОЛШЕБНЫЕ» ЛЫЖИ КЛАММЕРА



Мужчины и женщины: скоростной спуск, слалом и гигантский слалом.

Не так давно зарубежные газеты сообщили, что австрийский горнолыжник Франц Кламмер выступил на олимпийских состязаниях на «волшебных» лыжах. По свидетельству специалистов, особый материал, из которого они сделаны, позволит спортсмену увеличить скорость на 20 процентов и победить в Инсбруке. Способ изготовления этих лыж хранится в глубокой тайне.

Несмотря на запрещение использовать костюмы, меняющие форму тела спортсмена, газеты сообщают о появлении у горнолыжников комбинезонов, пористых спереди и непроницаемых сзади, что создает несущую воздушную подушку. Используются особая обувь и облегченные лыжи. Плотность результатов, которые показывают лучшие горнолыжники, столь велика, что технические «новинки» могут сыграть решающую роль в борьбе за олимпийские медали.

Альпийские горнолыжники издавна считались лучшими в мире. Спортсмены Австрии, Франции, Италии, Швейцарии не знали себе равных в проводимых в последние годы розыгрышах Кубка мира. Но героем прошлого сезона стал 19-летний

швед Ингемар Стенмарк, одержавший серию побед в слаломе и гигантском слаломе (в скоростном спуске он не выступает). Отлично выступает Стенмарк и в канун Белой олимпиады. Еще один северянин, норвежец Эрик Хокер, обратил на себя внимание еще в Саппоро, где был пятым в скоростном спуске. Теперь он достиг неплохих результатов и в слаломе-гиганте. Стенмарк и Хокер могут всевозможным образом поспорить за медали на трассах слаломе и гигантского слаломе с итальянцами Пьеро Гроссом, Густаво Тони и австрийцем Хансом Хинтерзеером. В скоростном спуске преимущество австрийцев Франца Кламмера и Вернера Гриссмана велико даже без «волшебных» лыж.

В женских дисциплинах считалась очень сильной команда Австрии. Недавно стало известно, что лидер этой команды пятикратная победительница соревнований на Кубок мира Ани-Мари Мозер-Грель не будет стартовать на Олимпиаде. Теперь австрийским горнолыжницам всевозможным образом угрожают Бернадетт Цурбриген из Швейцарии в скоростном спуске и Розы Миттермайер из ФРГ в гигантском слаломе. В специальном слаломе высоко расцениваются шансы Лиз-Мари Морерод из Швейцарии, Кристи Цехмайстер из ФРГ и Хайни Венцель из Лихтенштейна. Кстати, эта горнолыжница дала слово завоевать олимпийскую медаль — первую в истории маленькой европейской страны.

Пожалуй, нет другого вида, в котором так трудно «выбиться в люди», как в горнолыжном. Дело в том, что спортсмены, замыкающие «табеля о рангах», составленную по итогам крупнейших международных соревнований, стартуют на Олимпиаде в последних группах, когда трасса уже разбита настолько, что на ней просто невозможно показать высокий результат. В таких условиях предстоит выступать в Инсбруке нашим горнолыжницам, которые никак не могут покинуть стан аутсайдеров. Конечно, рассчитывать на их успех пока не приходится. Но и для того, чтобы спустя четыре года вновь не оказаться в столь же незавидном положении, необходимы решительные меры. И безотлагательные.

ОХОТА ЗА МЕДАЛЯМИ



Мужчины: гонка на 20 км с 4 огневыми рубежами и эстафета 4 × 7,5 км со стрельбой на каждом этапе.

Если бы в биатлоне существовал титул гроссмейстера, его наверняка получил бы норвежец Магнар Сольберг. В Гренобле и Саппоро он был удостоен золотых олимпийских медалей в индивидуальной гонке. Но в Инсбруке Магнар Сольберг придет уже как тренер команды Норвегии. Свои надежды он связывает с именем Тура Свендсбергета — чемпиона мира 1967 и 1968 годов среди юниоров. С тех пор, правда, Свендсбергет не добивался больших побед. Однако Сольберг верит: «Час Тура придет в Инсбруке».

Все, конечно, может случиться, но пока значительно выше расцениваются шансы биатлонистов Финляндии и СССР. Два года назад советские спортсмены, в течение нескольких лет подряд прочно удерживавшие лидерство, уступили первенство в личной гонке финнам. В прошлом сезоне команда Финляндии победила и в эстафете. Эти результаты были зафиксированы на чемпионатах мира. А на предоллимпийской неделе в Инсбруке финны вновь были первыми в эстафете, однако личная гонка принесла успех биатлонистам ГДР.

Финскую команду всегда составляли отличные лыжники, которых прежде не раз подводила стрельба. Но последние их победы предопределили как раз меткие выстрелы на огневых рубежах. На огневую подготовку сделали акцент и биатлонисты ГДР, медленно, но верно наращивающие результаты. В основе прогресса команды Польши также лежит хорошая стрельба.

Как не вспомнить Олимпиаду в Саппоро, где Александр Тихонов остался без медали

из-за того, что одна его пуля ушла в сторону на какой-нибудь миллиметр. И последние неудачи наших биатлонистов коренятся в недостаточной меткой стрельбе. Готовясь к Инсбруку, советские олимпийцы извели немало патронов. И надеются, что исключили тем самым возможность рецидива прошлых неудач.

Тихонов, получивший в Гренобле и Саппоро золотые медали за победы в эстафетной гонке, не оставил надежды завоевать олимпийское первенство в индивидуальных соревнованиях. Но соперники в Инсбруке будут посерьезнее, чем на предыдущих Играх. Чемпион мира финн Хейкки Икола и победитель предоллимпийской недели Клаус Зибберт из ГДР — биатлонисты экстра-класса. А едва ли не самый опасный противник — «свой» Николай Круглов.

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА ОЛИМП



Мужчины: забеги на 500, 5000, 1000 и 10000 м.

Женщины: забеги на 1500, 500, 1000 и 3000 м.

В Саппоро наши конькобежцы остались без золотых медалей, чего никогда прежде на Олимпиадах не случалось. Да и других наград оказалось совсем немного: серебряная Вера Красновой да бронзовые Валерия Муратова и Людмила Титовой. Саппоро стал кульминацией неудач советских скороходов. Еще в Гренобле ни одному из наших конькобежцев-мужчин не нашлось места на пьедестале почта, но тогда была хоть золотая медаль Людмилы Титовой. А в Саппоро наследники славы Евгения Гришина и Лидии Скобликовой пропустили вперед не только голландцев, норвежцев, шведов, но и спортсменов США и ФРГ. Дальше, как говорится, ехать было некуда...

Неудача в Саппоро обернулась хорошей школой. Тренеры наших скороходов в тесном сотрудничестве с учеными нашли выход из тупика. Изучив опыт голландцев и скандинавов, не стали копировать методы их подготовки (такие попытки делались прежде, однако не принесли желаемых результатов) и разработали свою программу. В результате советские конькобежцы стали резко наращивать скорость.

Прошлой зимой они предприняли генеральный штурм мировых рекордов. На зеркальном льду Медео наши скороходы за 19 дней побили 19 мировых рекордов. На восьми олимпийских дистанциях из девяти (исключение составил бег на 1500 метров у мужчин) спортсмены Советского Союза показали результаты, каких еще не знала история конькобежного спорта.

Доказательством возрождения мощи наших скороходов стали не только изумительные результаты, показанные на Медео. Александр Сафронов, Евгений Куликов, Валерий Муратов, Вера Краснова и Людмила Титова успешно выступили на чемпионате мира среди спринтеров, Владимир Иванов и Виктор Варламов показали превосходные результаты на стайерских дистанциях на соревнованиях лучших скороходов Европы и мира в Осло и Херенвене. Татьяна Аверини и Галине Степанской аплодировали трибуны стадиона в голландском городе Ассене.

Итоги предоллимпийского сезона показали, что среди зарубежных команд не было ни одной, которая по своей мощи и монолитности могла бы сравниться с советской. Однако Нидерланды, Норвегия, США, ГДР, Япония, Польша, Канада располагают отдельными скороходами, способными показать в Инсбруке самые высокие результаты. Мужские команды Нидерландов, Швеции и Норвегии полностью оправдятся от урона, нанесенного три года назад уходом в профессиональный цирк группы конькобежцев во главе с трехкратным олимпийским чемпионом Ардом Схенком. Уровень мастерства этих спортсменов, составлявших в Саппоро элиту мирового конькобежного спорта, превзойден новым поколением скороходов, и их рекорды, казавшиеся фантастическими, побиты.

И если в Саппоро Схенку не было равных ни на средних, ни на длинных дистанциях, то сегодня он бы встретил достойных соперников в лице норвежцев Яна-Эгила

Стурхольта и Амунда Шэбренда, голландцев Харма Кэйпера и Пита Клейне. А перед такими спринтерами, как голландец Элли Блейкер, американец Питер Мюллер, шведы Олаф и Юхан Гранаты, тогдашние фавориты наверняка бы спасовали.

Не менее остра конкуренция в женском конькобежном спорте. И если американка Шейла Янг — превосходный спринтер не только на ледяной дорожке, но и на велотреке — давно известна, то о Карин Кессов и Хайке Ланге совсем недавно еще никто не слышал. Взлет двух этих спортсменок из ГДР был стремительным. Ланге блеснула высокой скоростью на чемпионате мира среди спринтеров, а Кессов одержала сенсационную победу в многоборье на первенстве мира, причем была первой на дистанции 1500 метров и второй на 3000 метров.

За два года до Олимпиады решила расстаться с ледяной дорожкой лучшей конькобежка Нидерландов четырехкратная чемпионка мира Атье Кейлен-Деелстра. Она не скрывала того, что, путешествуя по континентам, стосковалась по детям и мужу: «В тридцать пять уже можно сказать спорту «прощай». Однако в начале этой зимы стало известно, что Кейлен-Деелстра снова вышла на лед. Ведь среди ее многочисленных золотых медалей нет ни одной олимпийской. И 37-летняя Атье решила сделать еще одну попытку получить самую дорогую награду.

Из США поступило сообщение о том, что в Инсбруке собирается выступить олимпийская чемпионка на самой короткой дистанции Анне Хеннинг. Она ушла из спорта сразу же после своей победы на Играх в Саппоро, хотя ей было тогда только шестнадцать. В ее-то годы, конечно, трудно усидеть дома, когда трубят сбор Олимпиада.

В прошлом году вернулась в строй после рождения ребенка олимпийская чемпионка Людмила Титова и сумела обрести неплохую форму. В этом сезоне ее примеру последовала экс-чемпионка мира Нина Статкевич.

Так что, судя по всему, забеги скороходов на искусственной дорожке в Инсбруке будут, как никогда, напряженными.

ПЕРЕОЦЕНКА ЦЕННОСТЕЙ



Мужское одиночное, женское одиночное, парное катание и танцы на льду.

На Олимпиаде в Саппоро зрители были покороены катанием Карен Магнусен из Канады и американки Дженнет Линн. Однако олимпийской чемпионкой стала австрийская фигуристка Беатрикс Шуба. Трибуны Ледяного дворца устроили овацию Сергею Четверухину и американцу Джону Петкевичу. Но на первое место вышел чехословацкий спортсмен Ондрей Непела. Шуба в произвольном катании была седьмой, Непела — четвертым. Тем не менее искусство вычерчивания обязательных фигур — «школа» — обеспечило им столь внушительное преимущество, что даже посредственно откатанная произвольная программа не могла ничего изменить. Безукоризненное «чистописание» оценивалось выше, нежели вдохновение и артистизм.

Теперь в правила соревнований внесены изменения. Удельный вес «школы» стал значительно меньше. А значит, возросли шансы таких мастеров произвольной программы, как Юрий Овчинников, англичанин Джон Карри, канадец Толлер Кранстон, Кристина Эррат из ГДР, американка Дороти Хэмилл.

На последнем чемпионате мира советским фигуристам были вручены три золотые медали. За последнюю четверть века это первый случай, когда спортсмены одной страны выигрывают три номера программы из четырех. Команда СССР продемонстрировала в предоллимпийском сезоне стабильное мастерство. Все наши фигуристы в мужском, парном катании и танцах на льду заняли места в призовых шестерках.

Лидерство советских фигуристов имеет прочную основу. В 1964 году на Олимпиаде в

Инсбруке одержали победу Людмила Белоусова и Олег Протопопов. С тех пор наше парное катание не уступает первенства, а мастерство Ирины Родниной и Александра Зайцева давно стало международным эталоном. С 1970 года Людмила Пахомова и Александр Горшков считаются «законодателями мод» в танцах на льду. Они сделали этот вид фигурного катания подлинно спортивным, что, по сути дела, предопределило его путь на Белые олимпийские. Серия побед на чемпионатах мира наших мастеров танцев на льду не знает перерывов. С 1971 года места на пьедестале почта забронировали за собой и наши одиночники-мужчины. А в этом сезоне юная Лена Водорезова пробудила надежду на то, что и с хроническим отставанием женского одиночного катания в скором времени может быть покончено.

Но, как ни сильна в этом году советская команда фигуристов, ей предстоит нелегкий спор за первенство со спортсменами ГДР и США. Команда ГДР, которую возглавляют Ян Хофман и Кристина Эррат, имеет две отличные пары: Роми Кермер — Рольф Эстеррайх и Мануэла Гросс — Уве Каргельман. Во всех номерах программы, кроме танцев на льду, фигуристы ГДР будут претендовать на золотые медали. В сборной США на центральные роли вышли молодые фигуристы Гордон Мак-Келен, Дороти Хэмилл, Уэнди Бёрдж и Кэт Мальберг. Вместе с танцевальным дуэтом Коллин О'Коннор — Джин Миллз они твердо намерены не уступать в споре за олимпийские медали. У канадцев же, кроме уже упоминавшегося Кранстона, звезд первой величины пока не видно. Еще не так давно олимпийские состязания фигуристов выливались в матч Европа — Америка. Сегодня позиции представителей Старого Света явно предпочтительнее.

ХОККЕЙНЫЙ СПРИНТ



Квалификационные матчи — 12 команд. Победители разыгрывают в однокруговом турнире 1—6-е места, побежденные — 7—12-е.

Дистанция хоккейного турнира в Инсбруке очень коротка: всего пять матчей надо сыграть каждой из команд, претендующих на завоевание олимпийского первенства. Сборные Швеции и ГДР отказались от поездки в Инсбрук, до предела отдавая круг фаворитов. И теперь все сходится на том, что золотые медали будут разыграны в матче СССР — Чехословакия.

Трудно против этого возразить: наши и чехословацкие хоккеисты значительно превосходят в мастерстве остальных участников инсбрукского турнира. Однако вспомните Саппоро: команда Чехословакии терпит неожиданное поражение от американцев, которые и получают серебряные медали, а чехословацкая команда отстает на третьем месте.

Так что не стоит сбрасывать со счетов даже тех участников, которые безоговорочно причисляются к аутсайдерам.

Итак, всего пять матчей. И скорее всего золотые медали достанутся той из команд, которая сумеет пройти спринтерскую дистанцию олимпийского турнира, не потеряв ни одного очка. Именно так сыграла сборная СССР в Инсбруке двенадцать лет назад. В Гренобле она недосчиталась двух очков, а Саппоро — одного, что не помешало, правда, нашим хоккеистам оба раза получить золотые медали. Но в Инсбруке рисковать нельзя: нужны пять побед в пяти матчах.

Перед хоккеистами и тренерами сборной СССР стоит нелегкая задача. Команда должна встретить во всеоружии и олимпийские соревнования в Инсбруке и чемпионат мира в Катовице. В прошлом году ни нашим, ни чехословацким хоккеистам не удалось дважды в сезоне достичь пика спортивной формы. Сборная Чехословакии отлично провела заключительный этап розыгрыша приза «Известий», а наша команда нашла «свою» игру позднее, на чемпионате мира. На сей раз фавориты попытаются полностью раскрыться в обоих главных соревнованиях олимпийского сезона.

— Это не просто, но возможно.

А, МОЖЕТ БЫТЬ, СТОИТ ПОПРОБОВАТЬ?



Мужчины: заезды на одноместных и двухместных санях.

Женщины: заезды на одноместных санях.

Бобслей: заезды на двухместных и четырехместных «бобах».

Спортсмены ГДР прочно удерживают славу самых быстрых мастеров спуска с гор на санях. На чемпионатах мира и Европы последних лет, на предоллимпийской репетиции они убедительно продемонстрировали свое превосходство над соперниками, среди которых еще недавно считались самыми серьезными спортсмены ФРГ. Теперь их оттеснили из авангарда саночники Австрии и Польши.

ГДР в предоллимпийском сезоне присоединилась к странам, имеющим сильных бобслеистов, — Италии, Австрии, Швейцарии, ФРГ. А ведь в ГДР начали культивировать бобслей совсем недавно. Успехи спортсменов ГДР опровергли бытующее до сих пор мнение, что в основе высокого класса бобслеистов всегда лежат многолетние традиции развития этого вида спорта в стране. Бобслей — те же сани, хотя и более сложной конструкции. И состязания саночников и бобслеистов будут проходить в Инсбруке на одной и той же трассе.

Саный спорт в нашей стране начал развиваться лишь в конце 60-х годов. Дебют советских саночников состоялся в Саппоро. Только прошлой зимой к ним пришли первые, пока очень скромные успехи. А если бы первые отряды саночников создали на несколько лет раньше? Ведь решение о включении этого вида спорта в олимпийскую программу было принято еще в 1962 году. Не исключено, что советские саночники теперь могли бы реально претендовать на олимпийские медали.

До сих пор мы не оправдели своего отношения к бобслею. А может быть, стоит попробовать свои силы в этом виде спорта? Пример ГДР заслуживает внимания. Ведь два комплекта медалей разыгрываются без участия советских спортсменов.

В свое время у нас долго игнорировали хоккей с шайбой. И, только поближе познакомившись с ним, поняли, какая это замечательная игра. А вдруг можно так же «открыть» для себя и бобслей?

Четыре года готовились к Играм в Инсбруке лыжники и конькобежцы, хоккеисты и фигуристы, биатлонисты и саночники. Четыре года готовилась к зимней Олимпиаде гвардия отечественного спорта. Знакомство с положением дел во всех номерах программы всеяет надежды на успешное выступление в Инсбруке советской команды.

Многолетний опыт участия в Белых олимпиадах уверил наших спортсменов, что не бывает в этих соревнованиях легких побед, как не бывает в них и легких соперников. В каждом номере программы претендентов на олимпийское первенство оказывается куда больше, нежели ступенек на пьедестале почта. Есть и коллективы, способные поспорить за победу в общем зачете. Прежде всего это быстро прогрессирующая команда ГДР. Если четыре года назад она вышла на второе место за счет успеха в санном спорте и лыжных дисциплинах, то теперь ГДР также располагает когортой сильных конькобежек и хорошими бобслеистами. Велик потенциал Норвегии — единственной державы зимнего спорта, сумевшей однажды потеснить наших олимпийцев.

Двенадцать лет назад Инсбрук принес советскому зимнему спорту одну из самых больших его побед. На героев Инсбрука-64 равняются сегодня наследники их славы, преисполненные решимости вписать новые замечательные страницы в летопись олимпийских побед советского спорта.



ВРЕМЯ РАЗЖ



ЛАОС ДРЕВНИИ И ЛАОС ЮНЫИ.

Сергей АБРАМОВ,
специальный корреспондент «Смены».
Фото Андрея ЛЕВИНА



Узкий золотой шпиль пагоды высоко над Луангпрабангом. Его горячая песочная позолота еле заметна на фоне размытого диска каленого лаосского солнца. А может, и шпиль и солнце чеканены из одного золота, чеканены одним мастером, старым чеканщиком. В тягучей, липкой от жары полутьме мастерской он склонился над чашей, над звенящей чашей, над золотой дароносицей. Что увидит он на ее гулких боках? Длинные листья банана и длинные гроздья под длинными листьями? Длинные женские пальцы и длинные, продолговатые глаза женщин? Звенит чаша, подставляя бока под колючий удар инструмента. Слышит ее мастер, старик чеканщик, может, тот самый, что повесил над Луангпрабангом желтое чеканное солнце из звонкого лаосского золота.

В полдень старик поднимет голову, услышав гулкий

Союза молодежи Лао Хаксат в Луангпрабанге это известно очень хорошо.

— Все было,— лаконично бросает он.— И угрожали, и записки подбрасывали, и даже стреляли. Жив, как видишь...

Его зовут Вансай, что означает «день победы». Ему тридцать лет, и позади у него учеба во Вьетнаме, учеба в Болгарии, учеба в Освобожденных районах страны. (Теперь, конечно, нет смысла говорить об Освобожденных районах, ведь вся страна сегодня — единая республика, но так уж по привычке называют здесь провинции, где рождалась революция Лаоса.)

— Всю жизнь я учился.— Он медленно подбирает русские слова.— Точным наукам, языкам, литературе. А руководить людьми меня никто не учил. Не успели. Взяли за воротник (он так и сказал: за воротник) и бросили: плыви, сам научишься.

— Ну и как?

— Учусь потихоньку,— он засмеялся,— опять учусь. И не я один. Вон мои — как у вас говорят? — од-но-каш-ни-ки.

«Од-но-каш-ни-ки» чинно сидели в гостиничном саду в глубоких плетеных креслах, потягивали холодное пиво, вели разговор со студентами из Северной Осетии. Наутро мы улетим из Луангпрабанга, а сегодня хозяева устраивали нам прощальную церемонию, посвященную многовековым традициям. Церемония носила странное, ласковое название — басы.

Лаотяне любят басы. Они устраивают ее в честь рождения в семье ребенка, в день свадьбы или накануне долгого пути, который должен быть добрым и легким, обязательно добрым и обязательно легким, — для того и басы.

Качаются языки свечей, рвется пламя — ветер в Луангпрабанге. Качаются равные блики огня на коричневом лице старика. Голос его по-птичьи высок и резок. Он не торопится: формула церемонии не терпит спешки. Он желает нам доброй дороги и приятных встреч. Он желает нам богатырского здоровья и чуткой нежности — к цветку, к зверю, к человеку. Он желает нам счастья и призывает легкомысленных духов-охранителей собраться вместе в наших душах и помочь нам завоевать это счастье. Потом он берет короткие белые нитки и повязывает их каждому из нас на запястья: они привяжут к нам этих неверных духов, заставят их выполнить все пожелания старика.

«Од-но-каш-ни-ки» и сам Вансай проделывают с нами те же операции. В отличие от старика они не очень верят в духов. Их пожелания скорее рассчитаны на нашу собственную предприимчивость.

Ваза, в которой лежали освященные стариком нити, постепенно пустеет. На ее холодных боках — длинные листья банана и длинные гроздья под длинными листьями, длинные женские пальцы и длинные, узкие глаза. Не эту ли вазу я видел в полутемной мастерской чеканщика на окраине Луангпрабанга?

Или, может, то была совсем другая ваза, из которой длинные и теплые женские пальцы достанут ожерелья, сплетенные из цветов. Они тяжелы, эти бело-желтые ожерелья, а запах цветка чампа, сладкий запах, едва уловим в нагретом влажном воздухе. Девушки из Государственного ансамбля песни и танца Лаоса танцуют медленный, долгий танец, а тонкий женский голос за сценой поет песню о самом душистом, самом нежном, самом красивом цветке — чампа. Девушки танцуют сосредоточенно и строго: линия танца выверена веками. Их движения отточенны и синхронны — ночные часы репетиций приучили их слышать танец. Я не оговорился: именно ночные часы. В годы войны, в годы бомбардировок и самолетов-разведчиков ансамбль репетировал ночами на лесных полянах, и свет луны был для него светом софитов.

Артисты ансамбля привыкли к войне. В часы репетиций и выступлений они каждую минуту ждали «хья бинь Америка» — бомбардировщиков, пилоты которых имели постоянное задание: помнить о существовании ансамбля и по возможности прекратить его. Война закончилась, и ночи для репетиций стали ночами для сна, как и должно быть...

— Ты помнишь Виенг Кхам? — спросил меня Вансай.

— Солистку ансамбля? Черные глаза, черные волосы, собранные в пучок, черная родинка над бровью? Конечно, помню.

— Она погибла три дня назад.

Я не понял, переспросил:

— Как погибла? Что за шутки?

— Это не шутки,— грустно сказал Вансай.— Она подорвалась на бомбе или на mine, не знаю точно. Эта бомба или мина лежала там еще с войны и ждала, ждала...

Война кончилась, но неразорвавшиеся бомбы, необожженные мины, проржавевшие от сырости джунглей пистолеты и автоматы еще лежат на лаосской земле. И еще долго нечаянные разрывы будут напоминать о времени, когда ночь стала днем, а день — ужасом.

В одном из разделов выставки, посвященной 30-летию независимости Лаоса, выставки, где тщательно и любовно собрано все, чем гордится страна,— от фотографий первых заседаний Патриотического фронта до горсти рисовых зерен — хлеба Лаоса,— я увидел оружие, отобранное у оккупантов. На потертом револьвере старой фирмы «Смит и Вессон» легкомысленный хозяин нацарапал острием ножа: «Помни о доме, Джонни!»

Веселый Джонни, шутник и неунывака, где он теперь? Жив ли? Здоров ли? И кому рассказывает где-нибудь в Теннесси или Аризоне об ужасах войны в Лаосе? Например, о страшной жаре, когда рубаха не просыхает на воспаленном теле. Или о многоногих сколопендрах, чей укус смертелен. Или о шушущей тишине джунглей, которая в любую секунду может разорваться выстрелом из чащи, и тогда забудь о доме, парен.

Ах, Джонни, Джонни, не ты ли сбрасывал бомбы на лаосские деревушки, сравнивал их с землей, гордился своей меткостью? Не ты ли стрелял из бортового пулемета по одиночным машинам с медикаментами или с провиантом, идущим ночью по горным дорогам? Не ты ли сбросил ту самую бомбу, на которой подорвалась Виенг Кхам — девушка с черными глазами?

Помни о ней, Джонни! Помни о тех, кого ты оставил сиротами, о тех, кого сжигал напалмом, кого расстреливал из своего прекрасного револьвера старой фирмы «Смит и Вессон». Помни о доме, Джонни, всегда помни о большом доме, который ты методично и безжалостно разрушал, о доме, имя которому Лаос.

— Можно победить армию,— сказал Вансай,— но народ победить нельзя. Американцы сражались против народа. Безнадежное дело. Разве они не знают историю Великой Отечественной войны?

Вансай смотрел на лаосских девушек, которые сидели, обнявшись с девчатами из Воронежа. Заплетая воронежских девчонок были увешаны «добрыми пожеланиями». Они пели по-русски, а лаотяне подтягивали им на своем языке. Они пели песню военных лет о девушке, которая

АТЪ НМЛАК...

рочот барабана. Рочот подхватят и повторят многократно черно-зеленые горы, обступившие Луангпрабанг. Наголо бритый монах в оранжевой тоге положит деревянное било, отойдет от барабана, напомнившего верующим об их дневных молитвах, взглянет вниз на город, лежащий у подножия священного холма Пу-Си.

В келье над тощей циновкой заржавленной булавкой приколот красно-синий флажок с белым кругом посередине — флаг Патриотического фронта Лаоса. Флаг Нео Лао Хаксат в монашеской келье отнюдь не дань новой власти, смиренная дань маленького монаха. Член Центрального комитета Патриотического фронта Лаоса, министр информации правительства Лаосской Народно-Демократической Республики Сисана Сисан рассказывал мне о монахах, которые шли вместе с бойцами Патет-Лао, поднимали дух бойцов и лечили их раны. Он говорил мне о монахах, чьи пагоды были разрушены американскими бомбами, но чьи проповеди по-прежнему звучали — из репродукторов радиостанции Каосан Патет-Лао, радиостанции патриотов Лаоса.

А во Вьентьяне, рядом с торжественно-тяжелым зданием святилища Татлуанг, оцетинившимся десятками башенок-ракет, стоял не монах, не бонза, а взъерошенный парнишка в очках, в белой рубахе. Парень говорил, в такт словам размахивая рукой, и слушали его добрые две тысячи горожан, слушали, притихнув. Он говорил о новом Лаосе, и о новой жизни, и о новых людях, которые будут строить эту жизнь,— о тех, кто его слушал.

Рядовой армии молодежи Лаоса, член Союза молодежи Лао Хаксат, один из тех, кто приехал во Вьентьян с Севера, из освобожденных районов, один из тех, кто с детства слышал вой «Б-52», и пронзительный свист падающих бомб, и гул взрывов, кто с детства узнал слово «борьба», ставшее для него синонимом слова «жизнь».

Секретарь ЦК Союза молодежи Лао Хаксат Бунфенг поведал нам с гордостью:

— Нашу молодежь называли так — «кулак по врагу». Пришло время разжать кулак. Сотни юношей и девушек, членов союза, выехали в Луангпрабанг, во Вьентьян, в Саваннакхет, в Паксе. У них очень трудное дело: работать с молодежью этих городов, разъяснять населению наши задачи, быть проповедниками коммунистических идей...

Кхам — один из тех, кто выполняет это трудное дело. Он знает, что говорить людям.

А начинать было непросто. Не все с радостью встречали посланцев Освобожденных районов. Председателю

проводила в бой своего милого. Они пели о Катюше. И по-русски и по-лаосски песня звучала одинаково задумчиво. Я не знаю, кто перевел на лаосский язык эту песню. Мои новые друзья из Луангпрабанга тоже не дали мне ответа. Оставалось предположить извечное: слова народные. Когда литературоведы, музыковеды и прочие ученые «веды» бессильны в толще времени и событий отыскать автора, то автором становится народ. Слова народные... И однажды фраза эта приобретает иной, более глубокий смысл — тогда, когда стихи или песни подхватываются народом, и уже совсем неважно, кто написал их: они принадлежат народу.

Но порой язык искусства не требует перевода. В древних и новых лаосских танцах говорят ладони, пальцы рук, шаг — то мелкий, семенящий, то рубленый и ритмичный. А как говорят глаза, как говорят! Медленный медленный, весь из томительного ожидания, многогочувствительный ламвонг. Игриво-легкий, по-птичьи плавный, воркующий салаван. Или диковато-резкий, порывистый тангвай... Мы старательно учили этот сложный язык танца, ошибались в «произношении», неправильно ставили «предлоги», но говорили, говорили везде. На гигантской, празднично оформленной сцене в Виенгсае, где нашими «собеседниками» были артисты Государственного ансамбля песни и танца. И во Вьентьяне возле золоченого Будды, добродушно подслушивающего наш «разговор». И в учебном центре, затерянном в северных джунглях, где в традиционных лаосских бамбуковых домах на сваях учатся будущие педагоги.

Эти бамбуковые домики, прямоугольные туески под крышами из рисовой соломы возникли внезапно из-за плотной стены бамбука и дикого банана, воскресив на мгновение старую и добрую сказку Грина о сердце пустыни. Училище было создано в 1965 году, когда Освобожденные районы глохли от грома бомбардировок. Старая истина: дети должны учиться, даже когда на земле война. Учились и жили в пещерах, а когда вышли из них, своими руками построили учебный городок, где есть общежитие, классы, методические кабинеты и даже актовый зал с небольшой сценой под высокой двускатной крышей.

Здесь все молоды: самому старшему из преподавателей едва ли больше тридцати, а шестнадцатилетние семнадцатилетние ученики еще не смотрят завтрашними педагогами. Но это очень характерно для Лаоса — молодость его хозяев. И никого эта молодость не шокирует, никто не делает скидку на извечное «молодо-зелено».

Эта бомба или мина лежала там еще с войны и ждала, ждала...

— Ты помнишь Виенг Кхам? — спросил меня Вансай.

— Солистку ансамбля? Черные глаза, черные волосы, собранные в пучок, черная родинка над бровью? Конечно, помню.

— Она погибла три дня назад.

Я не понял, переспросил:

— Как погибла? Что за шутки?

— Это не шутки,— грустно сказал Вансай.— Она подорвалась на бомбе или на mine, не знаю точно. Эта бомба или мина лежала там еще с войны и ждала, ждала...

Здесь спрашивают не по возрасту, а по знаниям, по способностям, по опыту. И, кстати говоря, у многих молодых опыт работы и опыт борьбы (а в годы войны — это синонимы) не меньше, чем у старших товарищей. И никто не удивляется, когда девчонка с косичками в традиционной юбке-саронге рассказывает другим девчонкам — может, чуть помоложе ее! — о законе Бойля-Мариотта или о «Пифагоровых штанах»: она учитель, она знает.

Когда мы спрашивали, что главное сейчас для страны, и руководители ПФЛ и ребята из ЦК Союза молодежи Лао Хаксат отвечали нам: главное — учиться. Учиться строить. Учиться вести хозяйство. Учиться управлять. Просто учиться — грамоте, арифметике — в каждой лаосской деревне.

Печальное наследство досталось Лаосской Народно-Демократической Республике от прежних вьетнамских руководителей. Везде — в экономике, в финансах, в социальной области. Перед страной сегодня стоит трудная, но обязательная задача: в кратчайший срок восстановить хозяйство, добиться полной экономической независимости. В Лаосе совсем нет крупной фабрично-заводской промышленности. Многочисленные мелкие предприятия производят только табак, сигареты, обувь, прохладительные напитки, мебель. Нет железных дорог, мало автомобильных. Война вырвала тысячи людей из трудовой жизни. Даже риса порой не хватало во Вьетнаме.

В последние годы только в Освобожденных районах были расширены посевные площади под рисом. Построены текстильные фабрички, механический завод, ателье, мастерские. Проложены новые дороги. Строятся школы, жилые дома и госпитали.

На обыкновенных ватманских листах не очень уверенной рукой вычерчены диаграммы роста урожайности риса, сети автомобильных дорог, количества людей, занятых в промышленности. Чертежи эти, вывешенные в залах выставки, смотрятся дипломным проектом, представленным на суд строгой приемной комиссии. Он говорит о многом, этот «дипломный проект». Он говорит о решимости народа покончить с экономической отсталостью Лаоса. Он говорит о настойчивости, с которой страна добивается успехов в создании своего хозяйства, не зависящего от иностранного капитала. Он говорит о великом трудолюбии лаосского народа, народа-победителя.

А пока молодежь учится. В том самом широком смысле слова. «Од-но-каш-ни-ки» Вансяя везде: в столице и в отдаленных деревнях, в промышленности и в сельском хозяйстве, в экономике и в политике. И когда по улицам Луангпранбанга или Виенгсяя идут мальчишки и девчонки с книгами в руках, я не знаю, кто они: учителя или ученики. И когда перед очень юной аудиторией в лицее бывшей королевской столицы выступает с речью очень юный оратор, я не отвечаю, кто он: директор лицея или студент. И когда коротко стриженный паренек в белой рубашке втолковывает бойцам Патет-Лао азы кхмерской письменности, я не скажу, насколько он моложе своих внимательных слушателей.

Мой знакомый Вансай назвал революционную борьбу в стране делом молодых. Вероятно, он малость преувеличил, и это понятно: какому молодому человеку не хочется верить, что его роль в любом большом деле — самая важная, самая нужная, самая почетная! Но такое ли уж это преувеличение? Сегодня из шестисот тысяч молодых (не старше тридцати лет) людей страны около ста тысяч — члены Союза молодежи Лао Хаксат, «од-но-каш-ни-ки» Вансяя. По неофициальным источникам (перепись населения в стране давно не проводилась: мешала война), в Лаосе живет около двух с половиной миллионов человек. Если учесть, что почти вся молодежь принимала участие в борьбе, то слова Вансяя уже не покажутся малореальными.

Да и кого считать немолодыми?

В Лаосе говорят: если ты хорошо поешь, хорошо работаешь и хорошо сражаешься, значит, ты молод. На нашем пути по стране мы встречали только молодых людей: от пятнадцати до семидесяти. Они хорошо пели, отлично работали и — совсем недавно! — отчаянно сражались.

Раз уж мы вспомнили лаосские поговорки, то нельзя не сказать еще об одной: ешь, если голоден, танцуй, если весел, сражайся, если тебя вынуждают.

Десятки лет лаосский народ был вынужден сражаться за свою свободу — против французских колонизаторов, против японских милитаристов, против американского империализма. Да, по сути, вся шестисотлетняя история Лаоса — с тех самых пор, как возникло в Индокитае государство Лан Санг Хом Кхао — страна миллиона слонов и белого зонтика, — это история борьбы лаосского народа за государственность. Шестисот лет вь и у ж д е н о й борьбы!

Борьба закончена. Лаос теперь — Народно-Демократическая Республика, созданная волей и желанием всего народа. И, пожалуй, стоит сейчас повторить слова Сисаны Сисана, сказанные им в день, когда наша делегация покидала Освобожденные районы страны: «Мы твердо знаем, что наш путь вперед будет таким, какой открыла народам мира Великая Октябрьская социалистическая революция, какой указал нам Ленин».

Почта «Смены»

НАШ ГЛАВНЫЙ ДОЛГ

После выступления «Смены»

СПРАВЕДЛИВОСТЬ ТОРЖЕСТВУЕТ

Сразу после выхода в свет девятого номера «Смены» за 1975 год, посвященного 30-летию Победы, приток писем в редакцию увеличился. Воспоминания о войне, в особенности монолог летчика-штурмовика, Героя Советского Союза, полного кавалера орденов Славы Ивана Григорьевича Драченко, вызвали к жизни другие воспоминания и размышления. Писали люди, знавшие Драченко по фронту, шедшие с ним на запад в одном стратегическом направлении, просто ветераны. Писали молодые люди, потрясенные суровой военной правдой рассказа Драченко, его личной трагедией, подвигом советских летчиков, сражавшихся с ним плечом к плечу и погибавших за Родину, как погибают герои.

Многие авторы просили показать их письма Ивану Григорьевичу. Мы выбрали наиболее характерные. Вот письмо ветерана войны, бывшего солдата армейской авиационной метеостанции Майи Серафимовны Смирновой:

«Я узнала Ивана Драченко по фотографии сразу, как только открыла журнал. Тот же взгляд, только больше морщин, седина. Вспомнила те годы, свой батальон, который прошел войну рядом с полком Ивана Драченко. Вспомнила наших ребят, летчиков; тогда совсем еще молодых, но уже показавших себя настоящими героями. Это было трудное время. Они делали по несколько вылетов в день, иногда садились на свой аэродром на совершенно разбитых машинах, иногда не возвращались вовсе.

Особенно хорошо я знала Юлию Маркушина, друга Драченко. Это был человек высокой культуры, доброго сердца и большого мужества. Он и познакомил меня с Иваном Драченко. Помню, мне срочно надо было доставить документы в штаб, поблизости — ни одной машины. Навстречу идет Драченко. Я рассказываю ему о моем деле. Он, ни минуты не медля, подходит к какой-то чужой машине и просит уступить ее на полчаса. Драченко знали все, о его храбрости просто легенды ходили. Ну и, естественно, отказать ему никто не мог. Мы гнали так, что захватывало дух. Тогда я подумала, что если Драченко такой на земле, какой же он в небе!

Помню, как всем было тяжело, когда Драченко не вернулся с задания. И как мы радовались его возвращению в строй, восхищались мужеством человека, продолжавшего сражаться, хотя в представлении многих он был калеккой. Драченко тогда рассказывал о том, что выжить в лагере ему помог тоже летчик — Смирнов. Где он сейчас, что с ним? Вообще среди летчиков было очень сильно развито чувство боевого товарищества. Они тяжело переживали гибель каждого и умели мстить за друзей.

Очерк Ирины Овчинниковой «Стойкий оловянный солдатик» («Смена» № 20, 1975 год) вызвал активный отклик читателей. Напомню суть дела. В медицинском училище возник конфликт между молодой преподавательницей литературы и администрацией. Стремясь избавиться от неугодной, на нее обрушили поток грязных обвинений. Дело дошло до суда, свидетельствовать на котором в пользу учительницы собралась чуть ли не весь «ее» курс — выпускницы. Под давлением администрации девушки — все, кроме одной, героини очерка, — отказались от участия в процессе. Учительница тем не менее выиграла дело. Суд восстановил ее в должности, но работать там, где ее несправедливо оклеветали, она не могла и ушла по собственному желанию. А единственная свидетельница подверглась нападкам: перед самым выпуском ее перевели в другую группу, угрожали исключить из училища. И вот она два года спустя, уже будучи фельдшером, обратилась к журналистке, попросив объяснить ей, правильно ли она себя вела в той давней истории.

После опубликования очерка в редакцию и в адрес автора пришел целый ряд писем, в которых читатели просили сообщить подлинные имена действующих

Помню день, когда погиб Юлий Маркушин. Погиб, вылетев на очередное задание. Это было в Польше, рядом с местечком Цмолис. Я вошла в общежитие, все его друзья молча встали и стояли до тех пор, пока Драченко не сказал:

— Не плачь, мы отомстим.

Летчики 1-й воздушной армии громили врага под Воронежем и Белгородом, Харьковом и Киевом, Львовом и Краковом. Их ратный труд помог освобождению от фашистского ига наших братьев чехов, словаков, поляков, тысяч людей самых разных национальностей. Большое человеческое спасибо им за то, что они были, за то, что они есть! Спасибо за мир, который они отстояли... Я прошу показать мое письмо Ивану Григорьевичу, может быть, он вспомнит меня».

Мы связались с И. Г. Драченко.

— Очень хорошо помню Майю Смирнову. Помню и нашу поездку в машине. В годы войны Майя и ее подруги давали нам «добро» на вылет или «закрывали небо», чему мы здорово огорчались. Потому что больше всего в жизни тогда хотелось драться с врагами, драться каждую минуту, драться, пока мы были в состоянии управлять самолетом. В то время нам было двадцать или чуть больше, многие из нас не успели узнать ни настоящего чувства к девушке, ни радости отцовства. Иногда мы бывали не в меру горячи, порой черес-чур замкнуты, но стоило среди нас появиться девушке, как все мы превращались в галантных и романтических рыцарей, сломя голову бежали за цветами, одаривали наших принцесс в гимнастерках трофейным шоколадом и, бог знает, откуда бравшимися духами. Боевые подруги, как мы благодарны вам за то, что вы не давали грубеть нашим сердцам, за то, что когда мы, израненные, в бессознательном состоянии, были на волоске от смерти, вы ночами просиживали у наших постелей. За то, что благодаря вам мы узнали первое чувство любви. Спасибо за то, что вы в душе были с нами в каждом бою, что верили в нас, поддерживали нас, как умели.

Юлий Маркушин, о котором пишет Майя, был моим другом. Моим и Николаем Киртока, который после войны женился на его сестре. Веселый, очень музыкальный, прекрасный знаток русской литературы, он никогда не унывал, вселяя бодрость во всех, кто его окружал. Юлий был замечательным товарищем, смелым и дерзким летчиком, честным офицером. Я десятки раз крыло к крылу с ним атаковал фашистские батареи и танковые колонны, десятки раз мы выручали друг друга в бою, никогда мы не чувствовали себя товарищами больше, чем когда шли вместе на врага. Смерть Юлия была тяжелой утратой, но сколько их было, этих утрат! Сколько советских

людей отдали жизни в той войне! Разве можем мы хоть на минуту забыть об этом!

Теперь несколько слов о Смирнове. Сергей помог мне выжить в концлагере, он отдавал мне, тогда тяжелораненому, весь свой хлеб, добывал лекарства, ухаживал за мной, как за самым близким человеком. А может быть, так оно и было, ведь он был стрелок-радист, тоже советский летчик, значит, свой, близкий, родной. Благодаря ему я выжил, смог потом бежать, снова сесть за штурвал машины. В сорок третьем году наши дороги с ним разошлись. Правда, тогда я слышал, что ему позже удалось бежать из плена и вернуться в военную авиацию. И вот он нашелся, нашелся в 1975 году! Сергей прочитал «Смену» с моими воспоминаниями и вскоре разыскал меня в Киеве. Мы радовались встрече так, что моя жена решила, будто оба лишились рассудка. Сейчас Сергей живет во Львове, у него совершенно мирная профессия — механик на железной дороге, дружная большая семья. А я думал, что потерял его навсегда.

Еще одно письмо, с которым мы познакомили И. Г. Драченко, — от Анатолия Ивановича Козицкого. Оно было коротким, сдержанным, но чувствовалось, что за несколькими строками стоит трудная человеческая судьба:

«Надо говорить о прошедшей войне так, как говорит автор монолога Иван Драченко: прямо, правдиво, страстно. Надо рассказывать нашей молодежи все, как было. Это поможет формированию сильных, прямых характеров поколения, способного защитить свою Родину, своим трудом сделать ее еще могущественнее.

Я прошел с востока на запад примерно тем же путем, что и Иван Драченко. Был ранен, контужен, но вновь возвращался на фронт. После Варшавы и Шнайдемюля участвовал в разгроме Квантунской армии. Сейчас работаю тренером по спорту, все время отдаю молодежи. В воспитании молодого поколения вижу свой главный долг.

Крепко жму вашу руку, Иван Григорьевич!»

— Совершенно согласен с Анатолием Козицким, — сказал И. Г. Драченко. — Воспитание сильного, умного, мужественного поколения — основная обязанность ветеранов, их гражданский и общечеловеческий долг. Я ежедневно получаю письма от молодых рабочих, школьников, юных следопытов. В них масса вопросов, как делать себя стойким и смелым, что читать, чем увлекаться. В каждом случае ответ разный, в зависимости от того, кто мой корреспондент. Отмечаю одно главное — надо думать, чаще сопоставлять себя с теми, на кого хотелось бы походить, не идти на компромиссы с совестью, учиться, и тогда вам будет ясно, как жить и как поступить в том или ином случае.

лиц, город, где произошел описанный конфликт, рассказать и о принятых мерах.

«Очерк «Стойкий оловянный солдатик» прочел в вашем журнале не только с волнением, но и с некоторым разочарованием. Надеялся узнать настоящие имена «героев», а вы скрыли их от читательского гнева, — пишет в своем письме А. Н. Юркевич из Ташкента. — Нам надо всеми средствами бороться с такими, как Анатолий Федорович, горе-воспитателями, и, по-моему, одним из таких средств явился бы поток писем возмущенных читателей в их адрес».

«Из вашего очерка выходит, что победила не стойкость, а верх взяло зло, — заявляет М. Молодецкий из Донецкой области. — Ведь остальные учащиеся медучилища пошли на поводу у директора, да еще и при благосклонной поддержке представителя облздрави».

Читательница С. Шорина из Подольска справедливо пишет о том, что безнаказанная несправедливость — это прерогатива тех воспитателей, с которыми столкнулась Люська — героиня очерка, добавляя при этом: «...оловянный солдатик оказался не таким уж стойким, если остановился на полпути, сумев защитить учительницу и не сумев защитить за себя».

Итак, повторим, все события происходили в 1972

году. Вот причина, по которой ни журналист, ни журнал не сочли возможным обозначить место действия, назвать действующих лиц их настоящими именами. Что же касается конкретных мер, то Министерство здравоохранения РСФСР в порядке исключения заменило той реальной преподавательнице, о которой шла речь в очерке, вкладыш в трудовой книжке, опустив запись об увольнении, аннулированную в свое время судом.

А вот директор училища действительно не понес тогда никакого наказания. Однако, надо полагать, персонажи очерка все-таки узнают себя и извлекут урок на будущее. Так что трудно согласиться с мнением, будто очерк прозвучал эпитафией добру и справедливости. Добру, как говорилось у Пушкина, достойный дан урок. И та, что названа в очерке Люской, смогла убедить: хоть она обратилась за помощью в печать с большим опозданием, ее мысли, ее чувства не просто прозвучали на всю страну, а вызвали мощный резонанс. Мы рады еще раз подчеркнуть: учительницу защитил не только «стойкий оловянный солдатик» Люська, но и советский суд и советские органы в лице министерства, которое сообщило редакции, что деятельность училища, о котором шла речь в очерке, взята под контроль.



ДОРОГОЙ ДРУГ! «СМЕНА» ОБЪЯВЛЯЕТ КОНКУРС СРЕДИ ЧИТАТЕЛЕЙ НА САМОЕ ИНТЕРЕСНОЕ ПИСЬМО

Тема письма свободная: это может быть отклик на материал, опубликованный в «Смене», или имеющее самостоятельное значение письмо-исповедь, письмо-раздумье, рассказ о собственной судьбе, о радостях или огорчениях в личной жизни; это может быть разговор о твоих ровесниках, их поисках и стремлениях, взаимоотношениях людей; это может быть рапорт о трудовых достижениях твоей бригады или тревожный сигнал о неполадках на производстве, о том, что мешает эффективному и качественно выполнению заданий десятой пятилетки.

Лучшие письма будут опубликованы на страницах «Смены». Победителям конкурса члены жюри присудят двадцать премий — годовую подписку на журнал «Смена». Письма можно присылать в течение года, однако поторопись, мы ждем твоих писем!

Василь ЗЕМЛЯК

ПОВЕСТЬ

Рисунок Олега ВУКОЛОВА

Перевела с украинского Елена МОВЧАН.

От Борщаговки двигались танки с пригашенными огнями, только головной, похожий на какое-то невиданное чудовище, пробивал фарами косматые клубы тумана. За танками — их было семь, мы считали по огням, — позвякивая цепями, ползли грузовики. Мы замерли на своих конях: головной танк приближался к повороту, а оттуда наш след вел прямо к мельнице. У Савватей погасла трубка, и было слышно, как он машинально потягивает ее, обдумывая, что предпринять в случае, если они нападут на наш след и повернут к мельницам. За все последние дни я не помню минуты более напряженной, чем эта. Чудище на мгновение остановилось, постояло в нерешительности и двинулось дальше...

— Прошел... — Савватей выронил трубку и поймал ее на этот раз позднее, чем когда бы то ни было, у самого стремени. В том, что трубка все-таки не упала, я вдруг увидел хорошую примету, хотя никогда раньше не придавал этому значения. Савватей, наверно, не подозревал, каким символом стала для нас его трубка.

Грузовики не поспевали за танками, буксовали в мокром снегу, отставали. Вот один взметнул снопом искр, остановился, преградив дорогу задним. Те попытались обойти его, но солдаты из не вовремя сломавшейся машины нашли быстрее и более удобный способ освободить дорогу. Они попрыгали на снег, столкнули грузовик на обочину, а сами разошлись по другим машинам, оставив в заглушенной водителем и одного солдата. Те сразу броси-

лись к мотору, разогревали его паклей, перепробовали все способы, к которым прибегают в таких случаях водители. Мы тем временем спокойно обошли машину на конях, спешились и взяли обоих прямо из-под колес, без единого выстрела.

Это были уже немолодые солдаты, покорно шли они под нашим конвоем и переругивались, обвиняя друг друга в случившемся: шофер упрекал солдата, что тот-де ничего не смыслит в военном деле, солдат, в свою очередь, корил водителя, который не сумел завести машину.

Один из них, баварец, каждой морщинкой своего лица выказывал презрение к бывшему офицеру вермахта, а его старческие руки дрожали. Ионеш переводил нам только их ответы, полагая, что его вопросы мы отлично понимаем и без перевода. К допросу подключился Савватей.

— Куда пошли танки?
— Рогачин, — ответил водитель.
— Из какого корпуса?
— Из корпуса генерала Миллентина.
— Это правда? — Савватей повернулся к солдату.

— Я не знаю, — ответил баварец, волком глядевший на шофера. Тот зачем-то все еще держал в руках паклю. Машинально обтирал ею костлявые пальцы, на одном поблескивало перепачканное кольцо, должно быть, золотое.

— Командир танковой группы?
— Бригадный генерал Прайс. Харро фон Прайс.
— Неправда! — дернулся баварец. — Группой командует капитан Дитрих. Из соседней бригады.
— Да, капитан Дитрих. А с ним генерал. Генерал Прайс, раненый, на костыле.
— Это отступление? Бегство?

Окончание. Начало в №№ 1, 2.

ВПЕРЕДИ ФРОНТА



— Нет, это погоня.
— За кем? Какая погоня?
— За партизанами. Они напали на генерала и отбили у него сына.
— Отбили? Врун ваш генерал Прайс. Он и не думал сражаться за сына, он сбежал. Скажи им, Йонеш.

— В той деревне,—водитель показал палкой в направлении, где, по его представлениям, должна была находиться Борщаговка,—им сказали, что видели мальчика. Маленький, рыжий, генерал Прайс тоже рыжий. Если партизаны не вернут ему сына, Прайс...

— Гуго!—вдруг завопил баварец, взбешенный чрезмерной болтливостью своего товарища.

— Но, но!—прикрикнул на баварца Йонеш.

Баварец сказал, что нечего лезть в дела генералов, что он солдат...

— Хватит,—сказал Савватей. Потом собственноручно запер мельницу и положил ключ под балку, как это обычно делают мельники.

Однажды, когда нас выкурили из леса, мы прожили несколько дней здесь, на мельнице, изображая из себя помольщиков. Около мельницы стояли возы, тут же паслись расседланные, стреноженные кони, порошние мельницы вертели крыльями, и так продолжалось до тех пор, пока из Маминцов и других близлежащих сел не потянулись сюда настоящие помольщики (главным образом помольщики) с мешочками. Савватей был у нас за мельница, молот без помолки, однако, как только помольщики разошлись, покинули мельницу и мы. Тайны не держатся на женских языках. Гестаповцы, явившись на мельницу, обнаружили здесь только золу от костров, на которых мы варили чумацкую кашу без соли. Теперь пленники будут сидеть здесь до тех пор, пока не задуют ветры. Двери на мельнице крепкие, а окна что твои бойницы (от воров), и пленникам вовек не постичь «фортификационного» назначения этих амбразур в крылатом сооружении.

Йонеш греб мальчику за ворот и, приподняв над санями, прошептал, еле сдерживая гнев:

— Фон Прайс?

— Да, да...—виновато закивал Франц.

— Теперь старый пес от нас не отстанет...—сказал Йонеш.—Это знаменитый генерал Харро фон Прайс. Из ганновских баронов. Получил ранение и ехал в тыл. Вы из Ганновера?—обратился к Францу, понуро стоявшему возле саней.

— Да. Ганновер все, капут. Бомба. Американ бомба. Поэтому отец взял на фронт... Сестры погибли...

— А откуда знаешь Фельдбаден?

Фельдбаден придумал старый Заукель. Он был большой выдумщик. И пивоваров Тильпов он придумал. Францу очень нравилась эта сказка. Особенно Тильпы.

— Проклятые Тильпы,—раздраженно проговорил Савватей, когда Йонеш перевел слова Франца.—Оставили этого генеральского франтика на нашу голову. И что теперь с ним?.. Как его отдать?

Проснулся партизанский жеребенок, родившийся этим летом в лесу. К зиме он замохнатился, а сейчас был весь в инее и оттого трогательно симпатичный и словно бы не из этого сурового мира, а из зимней сказки. Животные не любят властности, они выбирают себе товарища по сердечности, и наш жеребенок еще в лесу успел подружиться с Палазей и теперь держался ее саней. Проснулся, глядь, а на санях никого нету.

— Ноги! Ноги спасайте!—кричит Настя.

Онисью Паньковну подхватывают и несут к саням. Настя изо всех сил растирает снегом ее босые ноги. Из тумана проступила фигура коня, на котором прискакала сюда Онисья Паньковна. Недалеко от мельницы она упала и уже не смогла взобраться на коня: слишком высокий.

Когда площадь окружили танки, Онисья Паньковна заметила неподалеку лошадь и выбралась из толпы, однако ей никак не удавалось оседлать этого скелета, пока наконец не догадалась скинуть сапоги. Мальчики стояли в ряд у стены костела и встретили смерть, как взрослые, только матери голосили на площади. Что было дальше, Онисья Паньковна не знает: она летела сюда через поля, блуждала среди скирд и снопов. Потом на Маминцы прошли танки, верно, те самые, что были там. А тот палач на костыле, с белой ногой, грозился, что вырежет всех под корень, если ему не вернут пленного. Один из ребят—совсем карапуз, видать, с пелки стацили... тоже погиб под стеной.

Кто-то разулся, передал учительнице сначала один валенок, потом второй. Это Тюльпан, у него в мешке оказались еще не надеванные сапоги—припас на оттепель.

пенулся, бросил испуганный взгляд на Савватей, а тот, поднявшись на стременах, искал в толпе Мишку-Татарина. Пулемет грозно затрещал и умолк, словно бы испугался сам себя.

— Твои?—спросил Савватей, стегнув коня.

— Макогоненко...—ответил Мишка.—Это он. Точно. Старая лента. Заедает.

— По коням!—приказал Савватей конным и санным.

— Он что, слепой?—В глазах Тюльпана удивление смешивалось с ужасом.—Останови этого страгега, пока не поздно. Это же наша последняя ночь... С чем на танки? С чем?..

Побывав не раз и не два в лапах смерти, мы выработали в себе способность игнорировать ее даже тогда, когда она казалась неотвратимой. Может быть, это и спасало нас от нее. Но чем ближе была победа, тем острее становилось желание дожить до нее. И все-таки доверимся Савватей.

А Настя сегодня совсем «переметнулась», «татары» присвоили ее сани, посадили своего кучера, тот покрякивал по-татарски, а кони прядали ушами—не понимали чужой речи. Сама же Настя все клонила к заломленной шапке Миши-Татарина, а чтоб не так заметен был ее белый платочек, подняла воротник своего дубленого кожушка. Чудачка! Все равно мне видно.

Настя родом с Надросья, из бедной, широко раскинувшейся на холмах деревни под названием Рудое Село. Она по-цыгански черна, глаза отливают синевой, черные волосы заплетены в косу, которая сейчас спрятана под кожушкой. И уродилась же такая в Рудом* Селе, где все девки и бабы должны бы быть рыжими. Ее сын сейчас прячется тут, вот она и летит, позабыв про всякую осторожность.

В Рудом Селе хватили горя через Настю, когда гестаповцы прознали про «комиссаршу». Перед самой войной приезжала она сюда в отпуск со своим Вовкотрубенко, и шпала в его петлице дорого обошлась Стеблинским. Проморгов Настю, гестаповцы принялись «ловить» ее маленького сына, которого родила она тут, в Рудом.

Онисья Паньковна кутается в Павлов кожух, он сильно велик ей, валенки тоже высоковаты, колени в них не согнешь, приходится держать ноги вытянутыми; поперек валенок лежит карабин—вооружили учительницу. Но если танки нападут на нас, Онисья Паньковна и шагу ступить не сможет в этой чужой обуви. Жеребенок отстал, бежит сзади, и Франц все озирается, боясь потерять нового товарища.

Харро фон Прайс напомнил о себе новым залпом. Силы явно неравные, и «татарам» с Настей не стоило бы так неосмотрительно лететь вперед. Впервые у нас появился враг, которого не мы выбрали себе, а который сам выбрал нас. И мне отчего-то странно, что этот враг—отец мальчика, притихшего за моей спиной. Мальчик не подозревал, что мы возьмем его к отцу...

Савватей догоняет сани Татарина, на ходу отдает ему какие-то распоряжения, затем обращается к Насте—должно быть, предлагает ей перебраться в другие сани. Да, точно: трубой показывает назад. Настя, видно, отказывается, но Савватей заставляет кучера придержать коней; за их санями останавливается весь обоз. Настя спускается на землю, цепочка движется дальше, мимо Насти... Я, уверенный, что она ждет мои сани, уже тяну за плечо Тюльпана, чтоб остановить коней, однако Настя пропускает нас, дожидается Кайдашенок, садится к ним рядом с Онисьей Паньковной, и теперь до меня сквозь скрип полозьев, дыхание коней и надоедливое постукивание сапожек Франца все отчетливее доносится Настин смех в скирде и теплый запах ее кожушка. Была она там сегодня, и, наверно, не в первый раз, но как же ловко скрывала свою любовь до этой последней ночи, когда изменить это-либо уже невозможно, да и нужно ли... Татарин оглядывается, снимает шапку, словно бы прощается с Настей.

А я все разматываю нитку того недавнего, с чего началась, быть может, и в самом деле большая любовь...

Всякий раз, когда между нами и «татарами» возникало какое-нибудь недоразумение, Савватей посыпал к ним Стеблинскую, и все сразу улаживалось: «татары» на какое-то время переставали забираться в нашу «зону», иногда, правда, ставя нас этим в затруднительное положение. Ходили на своих возах «на добычу» бог знает куда: под Таращу, а то и под самый Киев. Иногда брали с собой на дело Настю, тогда она задерживалась там на неделю и больше, но, когда мы уже теряли надежду на ее возвращение, она вдруг появлялась

в отряде. Была весела, остроумна, шутила над маминским «атаманом», но при этом в глазах ее появлялись ласковые лучики, которыми согревала она отважного Татарина. Миша был красивый, поражала синева его глаз, осанка, как у джигита; и шапка была ему к лицу и усики, как кипящая смола, которые всегда хотелось потрогать, чтобы убедиться, настоящие ли они. И мне оставалось только сдерживать свою ревность и делать вид, будто мне совершенно безразлично, вернется она от «татар» или останется там навсегда. Однако когда она задерживалась дольше обычного, я потихоньку выбирался ночью из Липника* на своей лошади с жеребенком, пускал их пастись в овраге, а сам вглядывался в дорогу, ожидая, не замаячит ли там Настина фигура. Не раз я мчался навстречу обманчивому видению, и кобыла, наверно, никак не могла понять, зачем я оторвал ее и сонного жеребенка от пастбища.

Легче всего убедить человека в том, во что ему самому хочется верить. Кто-то выкрикнул: «Наши, наши!»—и народ повалил из Балки, старый и малый бежали к площади, где остановились танки и откуда теперь доносился только приглушенный гул моторов. И чем ближе была площадь, тем больше уверенность: наши пришли. Для чего бы немцам гасить огни и вести себя так осторожно? Где собираются вместе хотя бы два немца, там немедленно разносится гомон: даже странно, что они так много шумят. Уже видны силуэты танков—стоят друг за дружкой, тихие, добрые. Только почему не слышно Миши-Татарина? Почему партизаны не братаются, не радуются, не зовут народ из леса? Этот вопрос заставил людей остановиться, заколебаться, прикрикнуть на ребяташек, чересчур прытких и отчаянных,—вот и сейчас они всей ватагой возились в снегу, норовя обогнать друг друга.

Внезапно вспыхнули прожекторы, выхватили из тумана толпу, и танки, словно по команде, двинулись на людей. И тогда на звоннице загрохотал «максим». Бил по пехоте, бил по озверевшим танкам, один из которых преследовал стайку ребят. То была неравная игра чего-то страшного и огромного с маленьким, беззащитным, и продолжалась она до тех пор, пока дети не догадались броситься врассыпную и разлетелись в тумане. Тогда танк остановился, развернулся, поискал прожектором пулемет Макогоненко и прямой наводкой ударил по белой звоннице. Вася Макогоненко оказался на земле под обломками звонницы. Он был еще жив, когда фашисты схватили его, поставили на ноги и, поддерживая с обеих сторон, привели на площадь. Люк головного танка открылся, и танкист в шлеме спросил:

— Партизан?

— Да...

— Где мой сын? Франц. Там, Борщаговка, сдался плен...

— А ты кто? Кто ты?..

— Я отец...

— Сволота ты! Палач!

— Что?!

— Танками на детей... Зараза!

Харро фон Прайс вытащил пистолет, однако, поколебавшись мгновение, сказал примирительно:

— Отдавай Франц, и я отпущу тебя. Карашо?

Макогоненко молчал, голова его упала на грудь. Зная, что значит сейчас для Прайса его жизнь, солдаты положили Васю на снег лицом вверх, по-видимому, надеялись, что он еще придет в себя. Прайс приказал обыскать убитого, но солдаты не нашли у него в карманах ничего, кроме трубки и белой бороды.

«Татары», спешившись в овраге, оставили на санях нескольких человек и побежали через огороды к главной улице, откуда доносился гул моторов. Савватей приказал им отрезать пехоту от танков, а он со своим отрядом атакует чудовищ из засады. Гранат было в обрез, и Ваня Швайка раздал бутылки с горючей смесью—каждому по бутылке. Это оружие Швайка изготовлял сам, знал его еще с сорок первого, и хотя мы редко прибегали к легендарным в партизанской войне бутылкам, Швайка не забывал о них, в этом тоже состояла его обязанность старшего подрывника отряда. Сейчас Швайка раздавал свои бутылки как невероятную ценность. Савватей тоже положил одну в карман—в основном для примера.

— Главное—обезвредить пехоту, а эти уроды для нас ничто. Они страшны только в открытом поле,—подбадривал всадников Савватей.

Мы засели на окраине, за заборами. Савватей с всадниками притаился в вишневом садочке—оттуда будет удобнее всего напасть на танки. С ним

были Гнатовский, Йонеш и еще человек пятнадцать на конях. Настя Стеблинская с карабином тоже пошла в засаду, залегла неподалеку от нас, возле ворот, за которыми был установлен миномет. Переговаривались жестами, хоть немцы и не могли нас услышать: рокотали моторы. Франца оставили на санях, препоручив ему коней. Я приказал Насте приглядывать за ним, чтоб не сбегал.

«Татары» пошли врукопашную, орудуя ножами и прикладами. Около машин начался гвалт, слышались предсмертные крики заколотых, беспорядочная стрельба. В танках все еще не могли понять, что случилось с пехотой. Последние машины повернули было назад, на борщаговскую дорогу, но тут мы ударили по ним из засады. В машины полетели бутылки, предназначенные для танков. Вспыхнула одна, другая. Немцы бросились прочь от охваченных огнем машин, ринулись к танкам, которые уже лязгали гусеницами, разворачиваясь на площади. Швайке удалось поджечь первый танк. Огненный столб взвился над площадью и полетел к озеру, потом затемнел во все стороны — в танке взрывались снаряды.

— Пошли! — Савватей повел свою конную группу.

Подобрав пехоту с разбитых машин, танки один за другим двинулись к плотине. Савватей шел за ними по пятам. Солдаты на танках, облепив их, как мошара, вели по всадника беспорядочный огонь из автоматов. Внезапно, словно по команде, они затихли, сбросили на насыпь несколько убитых, и танки начали карабкаться на гору, возвышавшуюся над селом.

— Назад! — приказал Савватей передним, что были уже в конце плотины. — Они заманивают нас в поле...

Танки остановились на горе, повернули пушки на село, прощупали прожекторами озеро, несколько раз скользнули лучом по Савватю. Возможно, генерал Прайс и узнал всадника, которого не мог не заметить еще там, в Борщаговке. Прайсу сейчас ничего не стоило послать снаряд-другой в Савватю, он мог бы разрушить и самую плотину, но, верно, берег ее для себя. Савватей уверенно, спокойно стоял по эту сторону плотины, и я не сразу понял, почему он позволяет себе бросать вызов Прайсу. Потом сообразил: у нас был сын Прайса.

Настя стоит над убитым Татаринцом, которого положили на скамью в ближайшей хате. В головах шапка, одна рука на груди, другая свисает вниз. Когда я останавливаюсь в дверях, Настя словно приходит в себя от оцепенения. Стоим рядом, я снимаю шапку... Вспоминаю свою первую встречу с «татарами» здесь, в Маминцах. За завтраком собралось много народу. Из остатков отдельного татарского полка они образовали тут свою окруженческую колонию. Полк был кавалерийский, сражался на Роси в сорок первом, и это было все, что от него осталось. В хате пахло соленьями, а в бутылке по колоску сбегала огненная струйка: самогонка вспыхивала на огне, вслед за тем вспыхивала беседа на татарском языке, и иногда кто-нибудь, вспомнив прошлое, называл Мишку «товарищем сержантом». По этому обращению я понял, что все остальные были рядовыми. Когда поминали командира, комиссара полка и всех, кого называл Мишка, «татары» вставали и молча выпивали. С тех пор он стал старшим над ними. И над Маминцами. А вот Рудое Село ему «завоевать» не удалось. Рудое подчинилось Савватю. Там завоевал он только Настю Стеблинскую.

Из хаты выходим вместе. И мне странно, что у Насти на глазах — ни слезинки. Может, это я своим появлением помешал ей заплакаться.

Танки на горе погасили огни, выключили моторы. Теперь они едва угадывались в белых клубах тумана. Пожар в селе высветил их — они стояли, как живые косматые чудища. Жерла их пушек были направлены на село, на нас. Вдруг в одном из них открылся люк, и из него выросла фигура в шлеме, что-то прокричала по-немецки в мегафон.

— Что он там шипит? — спросил Савватей у Йонеша.

Йонеш объяснил:

— Он зовет сына. Это Прайс. Да, Прайс... Он обещает выволить его из плена. Говорит, что заставит нас отпустить его...

Прайс прокричал по-русски:

— Я буду здесь стоять до утра... утром я уничтожу вас, если вы не вернете сына. Вы слышали меня???

Савватей раскурил трубочку, обвел нас взглядом.

— Где Кайдашенки с пушкой?

— Кайдашенки! — позвал Гнатовский.

— Мы тут! — отозвался Павло.

— Павло, ты видишь его? — спросил Савватей.

— Вижу. В люке стоит...

— А ну быстренько... Пока не спрятался.

Пушкари побежали к саням, скатили пушку, поставили на упор, Павло навел ее на цель, взмахнул рукой. Снаряд перелетел через танки, взорвался где-то в поле. Прайс, точно вызов, возвышался над люком. Снова зарядили пушку. И опять неудача. Пушку нацупал прожектор. Пушкари разбежались. Там, на горе, раздался смех.

— Покажите им Франца! — приказал Савватей.

Его привела Палазя. За мальчиком по пятам следовал жеребенок. Когда они стояли у мельниц, жеребенок привязался к мальчику. Тот подкармливал его сеном — жеребенок брал с руки. Вспыхнул прожектор и начал шарить по нашей толпе. Остановился на жеребенке, потом ослепил Франца.

— Ультиматум, только ультиматум... — настаивал Йонеш.

— Какой? Какой там ультиматум? Пусть катится к черту...

— Мы вернем ему сына, но пусть убирается вон. Я сам пойду к нему... С ультиматумом!

— Ты?.. Может, лучше кто-нибудь нейтральный?

— Нейтральных нет... — заметил Гнатовский.

— Доктора. С красным крестом...

Подходит Настя, суровая, молчаливая.

— Доктор возле раненых...

— Ну, Йонеш, так какое же наше условие?

— Условие одно. Я возвращаюсь от них, Франц возвращается к Прайсу. После этого танки убираются ко всем чертям...

— Думаешь, они уйдут?

— Пусть даст слово генерала. Если он еще хоть немножко... Если он... Я имею в виду — отец... О-тец.

— Я пойду к нему.

Я не стал возражать. Настю не остановишь.

Привязала к палке белую косынку. Спустилась с ней к озеру, подняла над головой, как знамя. Ожил, зазвенел ледок под ногами, но Настя будто не слышит, идет спокойно, без тени волнения.

Прожектор погас. Франц подошел ко мне. В глазах — тревога.

— Вот твоя гармоника... Сыграй...

«Для кого?» — удивились глаза. Я показал на гору.

— Что ты играл ему там?..

Мальчик шагнул вперед, откашлялся, прошелся губами по ладам — раз, другой. И заиграл...

Настя остановилась посреди озера, оглянувшись, потом выше подняла косынку, пошла дальше. От танков отделилась фигура, сделала несколько шагов в направлении озера и вдруг замерла. Ее сразу же обступили черные призраки.

Мальчик играл «Катюшу» (им нравились наши песни).

Там запели... Промерзшие мужские голоса. Пели для Франца.

Настя перешла озеро, полезла на гору. Несколько раз падала. Хор умолк... Замолчала и гармоника... Мальчик был весь там... Я думал о Насте, о Мише-Татарине — товарищи вынесли его из дома, положили на сани, ждали, когда вернется Настя, видно, знали, что она должна проститься с ним. Может быть, его смерть и толкнула ее на этот отчаянный шаг. Уходя, она даже взглядом не попрощалась со мной. Пошла на лед с ним, с Татаринцом. И я позавидовал ему, уже мертвому. Маленькая и бессмысленная зависть.

Припомнил до мельчайших подробностей каждое ее возвращение. Да, она приносила с собой любовь, возмужавшую с каждым новым походом, любовь, которую она тщательно скрывала от нас, а может, просто оберегала. Вспомнился сорок первый: зеленое платье, белый воротничок, разгневанный начальник поезда, маленький мальчик и расплевкавшееся молоко. Теперь она стоит перед Прайсом, перед его косматыми чудищами, что затаились в тумане, готовыми в любую минуту перемахнуть через озеро, — стоит маленькая, беззащитная, со своей любовью к Татарину.

Прайс молчит, и его косматые чудища тоже молчат. Ко мне подходит Онисья Паньковна, становится рядом, берет меня за руку, шепчет:

— Как вы могли отпустить ее? У нее же сын на чужих руках.

— Она сама вызвалась...

— Лучше б я пошла. — Онисья Паньковна говорит это так искренне, что я верю, пошла бы. Она знает о моей любви к Стеблинской...

Там Настя в сопровождении немца спускается на лед. Тут я с немцем. Мальчику в сапогах скользко, непривычно идти по льду. Он пытается поймать мою руку. Нет, парень, мы чужие. Иди сам. И никаких чувств. Я больше не испытываю прилива нежности от его прикосновения, я вижу только

Настю в белой косынке, немца с ней и танки, все яростней проступающие из тумана. Жерла пушек направлены на нас, на село. Прогибается тонкий ледок. Оглядываюсь, боясь проскочить середину. Еще несколько шагов. Настю сопровождает офицер. Вот он останавливается; лед угрожающе трещит.

— Стойте! — кричит Настя нам.

Мы останавливаемся. Офицер узнал Франца, кивнул. Франц достает из кармана гармонику, хочет подарить мне. Я отчего-то испытываю чувство неловкости. Отказываюсь. Тогда он протягивает руку — попрощаться. Злой взгляд офицера заставляет мальчика опустить руку.

Расходимся как враги. Ловлю на себе жестокий, вызывающий взгляд офицера. В комбинезоне танкиста, в шлеме, он смахивает на чванливого гестаповского офицера, тупого и самоуверенного. Причина такого его поведения и вида ясна — это жерла пушек, повернутые в нашу сторону.

Идем с Настей. Не слышу ни ее, ни своих шагов, а только цоканье подковок Франца. Оглядываюсь — побежали. К чему бы это? Хотят выиграть время? Но зачем? Мы-то им никак не угрожаем. Настя держится с достоинством парламентаря: походка горделивая, независимая, пожалуй, даже чересчур торжественная для этого момента.

— Скорей! — торопит с нашего берега Онисья Паньковна.

Нет, я ни за что не побегу, даже если грянут пушки. Такое состояние, будто в душе что-то отмерло и навсегда отслоилось. Хватаюсь за соломинку:

— Где ваш сын, Настя?

— Здесь, в Маминцах. Его прятал Миша... — И сразу же перевела разговор: — Прайс на костыле... Одна нога в сапоге, другая — в гипсе... Дал честное слово, что не тронет село, уйдет. А этот офицер, который со мной шел, болван какой-то. За всю дорогу ни слова не проронил.

— Сейчас заговорят, не беспокойтесь.

— Генерал сказал, что стер бы нас в порошок... Если бы не знал, что у нас Франц.

— Про борщаговских детей сказали ему?

— Сказала...

— А он?

— Промолчал. Может, совесть заговорила...

— Какая совесть у человека, бросившего сына на поле боя? Шкура он, этот ваш Прайс!..

— Мой?! — Настя от неожиданности даже остановилась.

— Я так сказал? Простите, Настя, сорвалось...

«Фойер!» — долетело до нас с того берега, едва мы ступили на землю.

И тут же заговорили пушки.

Настя повернулась к ним лицом и словно окаменела. К ней подлетел Иозеф Йонеш на коне, прокричал, стараясь перекрыть грохот и гул:

— Он дал слово чести генерала?

— Дал...

— Палач! — Возглас Йонеша потонул в оружейном громе.

Снаряды разорвались в самом скоплении саней; заржали кони; взметнулись в небо фонтаны мерзлой земли и, окатив Савватю и всех, кто был на берегу, обрушились на лед. Внезапно Савватей прищипил коня и буквально влетел на плотину. Он заметил, что она находится в недосягаемой для пушек неприятеля зоне. Погарцевал немного и, удостоверившись в правильности своего наблюдения, крикнул нам:

— За мной! На плотину, всем на плотину! Скорей!

Конные и пешие бросились за Савватеем. Все, что было в состоянии передвигаться, побежало, покатило, полетело на плотину.

С горы наша «армада» выглядела, должно быть, весьма впечатляюще. Она в самом деле оказалась недосягаемой для пушек, которые продолжали обстрел, вымещая теперь свою злобу на Маминцах. Мы же находились как бы под огненной крышей, и я еще раз убедился в гениальности Савватю, отважившегося на такую атаку. Только самому заднему, ближайшему к нам танку удалось открыть огонь по плотине, он угодил в мост, и тот вспыхнул, перерезав нам путь к отступлению.

Передние были уже под горой, конь Савватю карабкался на крутой ее склон, как вдруг заревели моторы и танки один за другим двинулись в ночь. На Рогачин...

У Филиппа Живого есть настоящая противотанковая пушка, и если Прайс налетит на нее, это может кончиться для него трагически. Теперь главное дело — не налететь на Прайса в поле, избежать столкновения с ним до Рогачина. Его бегство еще ничего не означало, это мог быть хитрый ход для того, чтобы выманить нас на открытое пространство. Мы осторожно движемся по накатанным гусеницами следам; Прайс пока ничем не напоминает о себе: вот-вот они должны

добраться до Рогачина — здесь километров шесть-семь, не больше. Савватей остановился, прислушался. Гул танков как бы заглух (или отдалился)? Ведь Прайс идет быстрее нас), но вот он совсем стих — очевидно, танки остановились.

Савватей нагнал Йонеш, что-то сказал ему, и по цепочке полетело:

— У них кончилось горючее...

— Что?!

— Бензин кончился!

— А, бензин. Слышите, ребята?

— Да что там? Что? Говори, не тяни душу...

— Танки заглухли! Ура!

— Вперед, и горе Годунову! — Это была любимая фраза Тюльпана.

Так, переговариваясь, мы продвигались вперед, и вдруг: танки!..

Все остановилось, замерло, онемело.

Танки стояли в овражке, в кустарнике, который тянулся до самого рогачинского леса. Люки были открыты, солдаты стояли небольшими группками, о чем-то переговариваясь.

Предутренний морозец съедал туман, превращая его в колючую изморозь, и она иголками впивалась в лицо. Вот-вот должно было наступить серое, пронизывающе-холодное утро. Сквозь гомон и покрывавшие продрогших немцев прорывался монотонный голос радиста, упорно повторявшего свой вызов в одном из танков. Ему не отвечали, потом наконец ответили. Радист заторопился, закричал, глотая слова, Йозеф Йонеш переводил Савватееву услышанное:

— Шпрее! Шпрее! Квадрат номер семь... Квадрат номер семь... Рогачин... Рогачин... Баки пустые... Двигаться может только одна машина... С нами генерал Прайс с сыном... Мы отбили его... Ма-ми-не-ц... Прием! Прием... Шпрее! Прием... Партизаны, партизан много... Танков нету... Нету танков... Шпрее! Шпрее! Высылайте горючее... Прайс требует... Срочно... Квадрат номер семь... Поле... Туман... Лес... Шпрее! Шпрее! Прием! Что? В баках — на нуле... Шпрее! Шпрее! Передаю генералу...

В это время кто-то из солдат отчаянно закричал:

— Рус! Рус!..

Распался тревожный хоровод продрогших фашистов. Солдаты бросились к машинам, однако не успели они забраться на броню, как люки, словно по команде, закрылись.

Мы, не дожидаясь приказа Савватей, залегли и открыли огонь по танкам из пулеметов, винтовок, автоматов.

— Кайдашенки! — крикнул Савватей.

Сюда, на пригорок, уже бежали Кайдашенки с пушкой, сняли ее с саней, начали укреплять, но было поздно. Башни танков развернулись в нашу сторону пушками, первые снаряды упали на всадников, под Савватеем убило коня, взлетела в воздух пушка Кайдашенков, так и не сделав своего решающего выстрела. Братья подхватили убитого Сидора и бегом понесли к саням.

Через две-три минуты канонада стихла, порядком разметав наши ряды. Савватей собрал всадников и, сам пеший, без коня, повел их в обход, к кустарнику. Кто-то кричал: «Коня Савватееву, коня!»

Когда Савватей доберется до кустарника, мы снова поднимемся на пригорок и откроем огонь по танкам, чтоб отвлечь их внимание на себя. Савватей тем временем выйдет прямо на танки.

Кто-то развернул сани к отступлению, я закричал на кучера — это оказался Тюльпан, — подошел к нему, вырвал из рук поводья и только в эту минуту вспомнил о Насте, ведь она должна быть на этих санях.

— Где Настя?

— Осталась с Татаринком... — с мстительной радостью ответил Тюльпан.

Учительница взяла карабин Сидора и пошла с нами. Залегла недалеко от меня. Всадников не было видно, может, уже добрались до кустарника? Пушки смотрели в нашу сторону, но молчали, склеиванный взрывами холм скрывал от глаз фашистов цепочку партизан... Мы ждали сигнала из кустарника, хоть и не знали, каким он будет, не договорились с Савватеем. Не успели. Наверно, выстрел... Нет, зажигалка Савватей. Вот она вспыхнула раз, другой, видимо, из-под полы, чтобы только для нас.

Открываем огонь по танкам. Ответ в ту же секунду. Горит, дымится наш холм. Зато из кустарника уже летит на танки Савватей. Руется гранаты, от бутылки Ивана Швайки загорается броня. Всего две вспышки, значит, были брошены только две бутылки, и вот головной танк включает скорость, тяжело взбирается на пригорок, под которым они расположились, делает несколько выстрелов в нашем направлении и скрывается в тумане.

Савватей расхаживает по броне, стучит каблучками, кричит:

— Сдавайся! Вылазь!..

Пленные солдаты кричали танкистам, что Прайс сбежал и что им лучше сдаться...

В это время Настя Стеблинская хоронила в Маминцах Мишку-Татарина.

А на рассвете туда пришел советский батальон. Обнаружив сожженный мост, солдаты принялись сбрасывать на место пожарища возы, сани, лодки, веялки — все, что попадалось под руку. В этот момент появились мы, подкинули для мостков с десяток саней, на которых привезли пленных. Капитан Кладов, еще совсем юноша — лет, может, чуть побольше двадцати, — за завтраком, устроенным общими усилиями, не сводил глаз с Насти Стеблинской...

Пленных погнали в Борщаговку, а мы с Кладовым двинулись к Рогачину. Кладов сказал, что, по сообщениям командования, в Рогачине засел свежий немецкий полк. Когда мы проезжали мимо танков в овраге, Кладов высунулся из «виллиса» и поприветствовал Савватей, натянувшего башлык и совсем потерявшего боевой вид. Наш старшина по возрасту уже не подлежал мобилизации, и теперь ему предстояло возвратиться в свою Довгалевку и снова занять там пост «вечного председателя». Вот так и исчезнет Савватей, которого создала война. И имя-то у него другое — Петро Оникиевич Довгалоюк, а почему называли Савватеем, так мы и не узнали.

Штаб дивизии расположился в збаражевской школе, в нескольких километрах от Рогачина, на той стороне Роси. После освобождения Рогачина отряд должен был явиться туда — нас уже ждал представитель партизанского штаба. Мы остановились у ворот школы. Тропинка вела в сад, и мы заполнили почти всю ее, от ворот до школьного здания. Маленький Савватей шел впереди с гордо поднятой головой: в Рогачине сам комдив признал его талант. Держал в руке неизменную трубочку. Внезапно остановился, как всегда, резко и неожиданно. За ним остановились все.

В саду под белыми от инея деревьями толпился человек двести — триста пленных под охраной. Среди них выделялся высокий человек на костыле, в шлеме танкиста.

— Он? — спросил у Насти Савватей.

Настя пронзила Прайса острым взглядом:

— Он.

Генерал отвернулся, и тут из толпы вынырнул Франц, узнал то ли меня, то ли Савватей, закричал почти радостно, по-детски:

— Камрад! Камрад!

Савватей двинулся дальше. Кто знает, как могут истолковать это знакомство солдаты из охраны. Франца поразило наше безразличие, он, по-видимому, решил, что мы не узнали его, поспешно вынул из кармана гармонику, провел по ней губами, заиграл «Волгу». И тут старый Прайс не выдержал и ударил мальчика по лицу. Гармоника упала на снег. Толпа пленных замерла. Тогда какой-то солдат поднял гармонику, подал насыпавшемуся мальчику, но тот, вместо того чтобы поднести ее к губам, швырнул под ноги отцу. Прайс с каким-то диким озлоблением стал колотить по ней железным наконечником костыля.

Когда мы вышли из штаба дивизии, пленных в саду уже не было, осталось только вытопанное место на снегу, да новая тропинка, проложенная ими, вела к воротам. На месте их стоянки валялись обрывки газет, бутылки, коробки из-под консервов, драные портянки, и среди всего этого хлама — гармоника Франца. Савватей остановился. На снегу валялась фуражка, а чуть поодаль — маленькие сапожки...

Мы подошли поближе. Убитый лежал ничком, запорошенный снегом, вернее, инеем, насыпавшимся на него с деревьев. Гнатовский нагнулся, перевернул безжизненное тело, потянул за рукав. Это был маленький Франц, наш пленник, сын Харро фон Прайса. Мы сняли шапки с красными нашивками, постояли молча.

— Что там такое? — спросил дежурный с крыльца.

— Убили своего...

— Похороним... — сказал дежурный, набивая махоркой «козью ножку». Второй дежурный вывел Прайса из школы и повел к машине, поджидавшей у ворот. Отец Франца подсказывал на костыле и даже не повернул головы в сторону мертвого сына.

Вахтенный у ворот пропустил пленного с конвоем и погладил нашего мохнатого жеребенка, который уже прибил к штабу.

Заиндевелый школьный сад стоял в тихой задушевности, не хватало в нем веселого детского гомона, и казалось, что вот-вот он хлынет сюда, взломав сдерживающую его препону. Был первый день сорок четвертого. Денек мы отдохнем, и снова в тыл врага. Наши руки должны растить победу.

Николай ШУМАКОВ

Отчий дом

*Пускай нещадно годы сердце метят,
Пускай недосягаем оком...*

Но счастлив я,

Что есть на белом свете

Чуть вросший в землю

Старый отчий дом.

Родимый дом, где б далеко я ни был,

Я помню твой очаг и твой порог.

Родимый дом, твой теплый запах

хлеба

Мне в самый трудный час не раз помог.

И слышу я, звучит вдали гармошка,

И вижу я приветливый дымок.

И светит мне в ночи одно окошко

Среди забот различных и тревог.

Когда в пути устану я от зноя

И в тягость станут слава и почет,

То я вернусь в село свое родное —

И отчий дом опять меня спасет...

На раскопках

Открылись взору прошлые эпохи...

Кто жил тут?

Князь сарматский

Или скиф?..

Волнение подкашивает ноги

Перед искусством древним

Рук людских.

Изящные браслеты,

Ожерелья

Сработаны из золота, серебра.

Любуюсь...

И такое впечатленье,

Как будто мастер

Создал их вчера.

Встаю благоговейно на колени

И робко прикасаюсь к чудесам...

И пепел отгоревших поколений

Мерцает сединою в волосах...

Народные песни

Их авторы ныне безвестны —

В седой растворились дали.

Прекрасною вестью чудесной

Их чувства и мысли дошли...

Народ никогда не забудет

Талантов заслуги большой.

Он помнит — их создали люди

С широкой и нежной душой.

Успешно со временем спорят.

На радость и подвиг зовут.

Поют их и в счастье и в горе.

Те песни, как люди, живут.

Не терпят с бездушьем

соседства

И ведомы песням пути:

Что вышло из щедрого сердца,

То в сердце должно и войти...

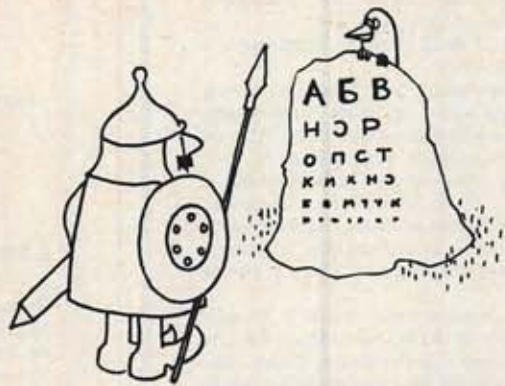


Рисунок Валерия АШМАНОВА

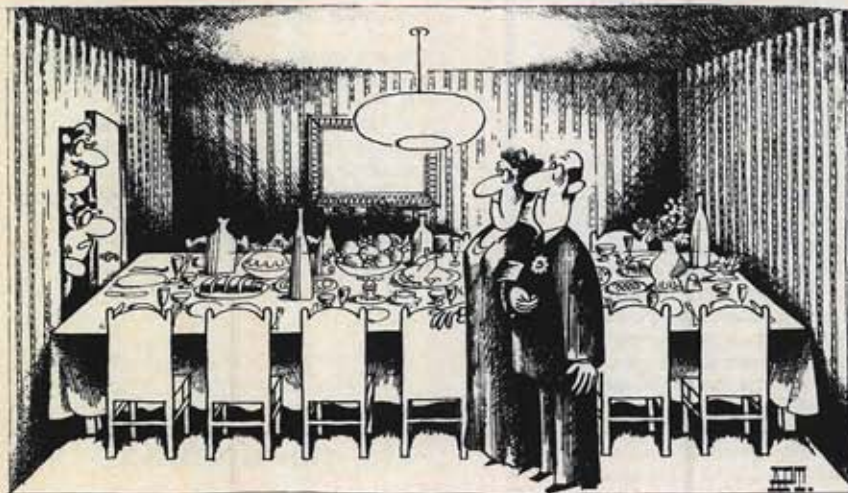


Рисунок Александра АРТЕМОВА



Рисунок Сергея ТЮНИНА

Рисунок Леонида ТИШКОВА



**ПРИЗ ЦК ВЛКСМ
У МОСКВИЧЕЙ**

Ставшие традиционными недавние всесоюзные шахматные соревнования дворцов пионеров и гроссмейстеров на приз ЦК ВЛКСМ прошли с большим успехом и выявили новую группу одаренных юных шахматистов. Победа в финальной пулке, проведенной в Ленинграде, досталась команде московского городского Дворца пионеров, возглавляемой экс-чемпионом мира Василием Смысловым.

Естественно, что наибольший интерес у ребят вызвали их одиночки в сеансах с капитаном юных челябинцев Анатолием Карповым. Москвичей чемпион мира одолел со счетом 5:2. Предлагаем читателям «Смены» разобрать фрагменты из двух партий, в которых удача сопутствовала участникам команды-победительницы, не спасавшим перед столь грозным противником.

35. Фа4—d7+ Крf7—g6 36. Fd7:e6+ Cg5—f6+ 37. Kpc3—b4 Ff3—h5 38. Fe6—d5 Fh5—e2 39. Kc5—d3 Kf1—h2 40. C4—c5! и лишняя проходная пешка белых на ферзевом фланге обеспечила приращение им выигрыша.

**18 ШАХМАТНАЯ
ОЛИМПИАДА**

СМЕНЫ

ПЯТЫЙ ТУР

(Начало см. в номерах 18, 21, 23, 1975 г. и в 1, 2, 1976 г.)

ВОТ ТАК ЗАДАЧА!



Белые начинают и дают мат в три хода (5 баллов).

КАК БЫ ВЫ СЫГРАЛИ?



Ход черных. Какой красивой комбинацией они могут добиться победы (5 баллов)?

**ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ
ЧЕМПИОНОВ?**

Назовите четвертого и пятого в истории борьбы за первенство мира обладателей шахматной короны и годы, когда они были чемпионами (1 балл).

Редакция просит отправлять письма на пятый тур этой шахматной олимпиады в период с 1 по 15 марта с. г.

В заключительном, восьмом туре, как было обусловлено, одним из заданий является проведение классификационных турниров новичков. Их победители станут шахматистами-разрядниками, а организаторы соревнований впишут в свой актив по 10 баллов.

Жюри олимпиады разрешает проведение турниров начиная с февраля. Запомните, пожалуйста, что минимальное число играющих в таком соревновании 6 человек. Если участвовать будет не более 10 шахматистов, то они должны встретиться друг с другом дважды.

Напоминаем, что играть в этих соревнованиях могут только шахматисты, не имеющие разрядов. Участвовать разрешается и организаторам турниров, если у них тоже пока нет шахматной квалификации. Итоговые материалы, связанные с этим мероприятием, надо будет прислать в редакцию в сроки, которые жюри установит для последнего тура, ориентировочно в мае 1976 года.



Перед вами положение, к которому пришла после 21-го хода черных партия с чемпионом мира 16-летнего школьника, кандидата в мастера Артура Юсупова (у него были белые).

За ферзя черные получают, казалось бы, достаточную компенсацию в виде ладьи, слона и двух пешек. Однако наступление белых разворачивается с неослабевающей силой.

22. Лс1—e1! g5:f4 23. Le1:e7+ Cf8:e7 24. La1—e1 Kpe8—d8 25. Cg2—h3! Lh8—f8 26. Kd2—f: f4:g3 27. h2:g3 Ce7—d6 28. Kf3—d4 Kd7—c5 29. Kd4—e6+ Kc5:e6 30. Le1:e6 Kpd8—c7 31. Fb3—e3!

Отражать угрозы белых становится все труднее. Вскоре следует красивая жертва качества (ладья за слона), и король черных, лишенный пешечного прикрытия, попадает в плен.

31. ...Ла8—d8 32. Le6—h6 Kpc7—b8 33. Lh6:h7 Lf8—h8 34. Lh7:b7+! Kpb8:b7 35. Fe3—b6+ Kpb7—a8 36. Fb6:a6+ Кра8—b8 37. Fa6—b6+ Kpb8—a8 38. Fb6:c6+ Кра8—a7 39. Fc6—b6+ Кра7—a8 40. Ch3—e6!, и черные сложили оружие.



Такая позиция создалась после 26-го хода черных в партии с чемпионом мира 14-летнего перворазрядника Сергея Константинова (он играл белыми).

Тонко маневрируя, белые постепенно добиваются значительно лучшего окончания.

27. Фа1—a4! Kpg8—f7 28. b4:c5 Kg5—f3+ 29. Kpg1—f1 b6:c5 30. d4:c5 Kf3:h2+ 31. Kpf1—e2 d6:c5 32. Kd3:c5 Fb7—f3+ 33. Kpe2—d2 Kh2—f1+ 34. Kpd2—c3 Ch6—g5.

Увы, встречные шансы черных на королевском фланге оказались иллюзорными.

56

КОММУНИЗМ ШАГАЕТ ПО ПЛАНЕТЕ

Музыка Эдуарда КОЛМАНОВСКОГО

Коммунизм шагает по планете.
Всех труднее впереди идущим:
Пролагая путь, они в ответе
Перед прошлым, настоящим и грядущим.
Если в буре праздников и буден
Ты готов к дорогам каменистым,
Если душу открываешь людям,
Вот тогда, товарищ,
Вот тогда, товарищ,
Ты вправе зваться коммунистом,
Вправе зваться коммунистом.

Коммунизм—святая наша вера,
Испытанье стройками и боем.
Только правдой личного примера
Можно людям доказать, чего мы стоим.
Если ты в борьбе за справедливость
Яростен, спокоен и неистов,
Если жаждешь сделать мир счастливым,
Вот тогда, товарищ,
Вот тогда, товарищ,
Ты вправе зваться коммунистом,
Вправе зваться коммунистом.

Остается вечной нашей болью
То, что видел, может быть, на фото:
Страны те, где партия в подполье,
Где товарищи молчат на эшафотах.
Если ты включил в свои дороги
И несешь бесшумно в сердце чистом
Всей земли надежды и тревоги,
Вот тогда, товарищ,
Вот тогда, товарищ,
Ты вправе зваться коммунистом,
Вправе зваться коммунистом.

Слова Евгения ДОЛМАТОВСКОГО.

КРОССВОРД

Составил В. ЗАРЬВАЙКО,
г. Балхаш

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД
НАПЕЧАТАННЫЙ В № 2

- По горизонтали:**
7. Многогранник.
 8. Река в Средней Азии.
 10. Условные знаки в секретной переписке.
 11. Певчая птица.
 12. Зодиакальное созвездие.
 13. Единица яркости.
 15. Снаряд в тяжелой атлетике.
 16. Сказка в стихах К. И. Чуковского.
 19. Фантазия на темы двух русских песен М. И. Глинки.
 22. Популяризация товаров, услуг.
 26. Советское спортивное общество.
 27. Химический элемент.
 30. Центр департамента во Франции.
 31. Морское животное.
 32. Роман М. О. Ауэзова.
 33. Парнокопытное животное.
 34. Угломерный инструмент.
- По вертикали:**
1. Член правительства.
 2. Промысловая морская рыба.
 3. Письменное приветствие.
 4. Русская народная сказка.
 5. Участок в лесном хозяйстве.
 6. Грузинский писатель XIX века.
 9. Река в Экваториальной Африке.
 14. Высокогорный курорт в Грузии.
 15. Персонаж романа М. А. Шолохова «Тихий Дон».
 17. Рассказ из «Записок охотника» И. С. Тургенева.
 18. Оптическое стекло.
 20. Клавишный музыкальный инструмент.
 21. Часть речи.
 23. Шахматная фигура.
 24. Русский землепроходец.
 25. Южное хвойное дерево.
 28. Ласточное животное.
 29. Участник состязания, идущий впереди.
- По горизонтали:**
3. Комаров.
 7. Составитель.
 10. Скрепка.
 12. Плантаж.
 15. Захаров.
 17. Экватор.
 18. «Охотник».
 19. Перевал.
 20. Рутений.
 21. Нигата.
 22. Посадка.
 24. Норейка.
 26. Контакт.
 28. «Амфибия».
 31. «Интеркосмос».
 32. Донской.
- По вертикали:**
1. «Восток».
 2. Портал.
 4. Айва.
 5. Болеро.
 6. Клинок.
 8. Экзаменатор.
 9. Парагенезис.
 11. Авторитет.
 12. Планшайба.
 13. Баженов.
 14. Поливка.
 16. Волна.
 17. Экран.
 23. Катунь.
 25. Осипов.
 27. Ксенон.
 29. Муссон.
 30. Вкус.

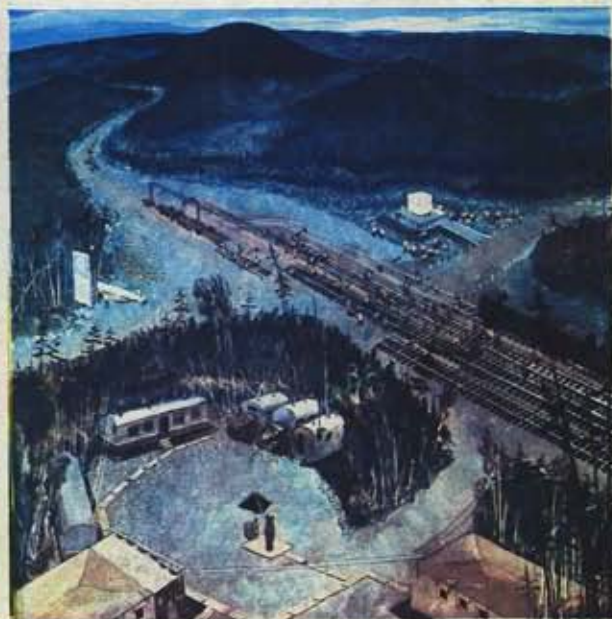


Б. КУЛАГИН. ВЕЧЕР.

В. КРАЮШКИН. БАМ-75.

и улицы временного городка, создавали памятные значки и сувениры. Кроме этого, они работали над проектом памятника в честь закладки Восточного участка БАМа.

Недавно во Дворце культуры 1-го ГПЗ с успехом прошла выставка работ, созданных на БАМе. Среди представленных произведений особое внимание привлекли работы Н. Кочетовой, Б. Кулагина, В. Жукова, И. Арасланова... В каждой из них видны



СОПРИЧАСТНОСТЬ



В. КРАЮШКИН. МЕТЕОРОЛОГИ.

Н. КОЧЕТОВА. УСТЬ-КУТ.

Летом прошлого года группа студентов — живописцев и графиков Московского художественного института имени В. И. Сурикова — решила провести творческую практику на БАМе. Их было девять. Руководил ими аспирант Дмитрий Хамин. Творчество молодых художников с первого же дня развивалось в едином ритме с ритмом ударной стройки, в едином эмоциональном ключе. Молодые мастера не ограничились натурными зарисовками, этюдами и эскизами, они помогли оформлять стенды

творческая индивидуальность автора, самобытный почерк, неожиданность подхода к материалу.

Долг путь от знакомства с героем до создания его портрета... У молодых художников начинался он с приобщения, соучастия в делах и подвигах строителей. Можно сказать, что именно эта сопричастность великим делам принесла в их произведениях столько искренности и ответственности.

Алексей КОРЗУХИН